

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Абашидзе И. Избранное. Стихотворения. Пер. с груз. Вступит. статья Н. Тихонова. Худож. Ю. Космынин. М., 1979, 343 с. с илл. 15.000 экз. 2 р. 10 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Шинкуба Б. «Последний из ушедших». Роман. Пер. с абх. К. Симонова и Я. Козловского. М., 1978. 320 с. 100.000 экз. 1 р. 40 к.

«МЕРАНИ»

Евтушенко Е. «Тяжелее земли». Стихи о Грузии. Поэты Грузии. Ред.-состав. Г. Маргвелашвили. Тбилиси, 1979. 478 с. 75.000 экз. 2 р. 70 к.

Каладзе К. «Книга моих дней и ночей». Стихи. Пер. с груз. Ред.-состав. и предисл. Г. Маргвелашвили. Худож. Л. Цуцкиридзе. Тбилиси, 1978, 498 с. 15.000 экз. 3 р.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

МУХРАН МАЧАВАРИАНИ. Стихи. Перевод Владимира Тереладзе	3
НОДАР ГУРЕШИДЗЕ. Стихи. Переводы Мар- ка Рихтермана, Риммы Казаковой и Натальи Орловой	5
ДИЛАР ИВАРДАВА. Стихи. Переводы Михаи- ла Синельникова и Натальи Ор- ловой	8

ПРОЗА

ДЖЕМАЛ КАРЧХАДЗЕ. Иги. Пренсторическая повесть. Перевод Динары Кондахса- зовой	11
МИХО МОРЧИЛАДЗЕ. Начало. Повесть. Оконча- ние	40

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

ФЕДОР РАСПОРКИН. Генералы и солдаты. (Отрывок из повести)	60
--	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

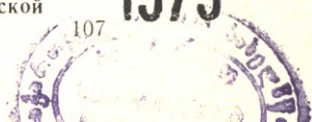
ТАРИЭЛ ЧАНТУРИЯ. Смысл жизни — поиск прекрасного	78
ВЛАДИСЛАВ ШОШИН. Песенная радуга	84
ЭММАНУИЛ ФЕЙГИН. В согласии с правилами чести и чистой нравственности	95

РЕЦЕНЗИИ

ВАСИЛИЙ ЛАПЕРАШВИЛИ. О грузинской фронтальной поэзии	107
---	-----

5

1979

А бог разгневался
 (случается напасть),
 и поле нам разворотит соседская свинья
 (О, только бы решилась!) —
 не дай вам бог ей под руку попасть!
 Взорвется ступкою:
 Хоронит всех и вся,
 землей засыпет, руки вознеся,
 и все-таки,
 все, слава богу, живы.

* * *

Ты — мысль от мысли моей о тебе.
 Я — мысль от мысли твоей обо мне.
 Что мы ни сделаем после, теперь, —
 все — мысль от мысли немислимой вне.

Все, что лишь солнцу равно в высоте,
 все, что молчанием низведено, —
 только и выразишь — радостью тел,
 только устами в уста и дано.

* * *

Я наслышан о печали и тоске
 о большой земной тоске по пяди малой.
 Эх, — пройти от Ортачала до Ваке,
 а потом — и умереть, не грех, пожалуй!

От чего же в притяжении таком,
 из земных предпочитая власть такую, —
 наяву, или во сне, или тайком —
 горько улыбаешься, тоскуя?!

Не поверю, что в печальном далеке
 не бродил ты над Курой, над Верэ шалой...
 Эх, — пройти от Ортачала до Ваке,
 а потом — и умереть, не грех, пожалуй!

Перевод Владимира ТЕРЕЛАДЗЕ

СТИХ ГРУЗИНСКИЙ

Не для спокойствия в сытом снобе
 Стих наш грузинский звучал набатом,
 Не развлечением он был, не хобби,
 Был он защитником, был солдатом.

Из-под огня, от смертельной бури
 Он выносил прикрывал собою,
 Стих наш, ты витязь в тигровой шкуре,
 Крылья орлиные взял ты с собою.

Ты и ручья в летний зной журчанье,
 Ты и в полнеба дуга цветная,
 Ты и вечерних полей молчанье;
 И винограда струя хмельная.

Ты и в букете цветов от друга,
 Ты и в слезе на печальной тризне,
 Но основная твоя заслуга —
 В том, что ты верно служил Отчизне.

Что ж, разливайся под ветром свежим,
 То мелодичен, а то неистов,
 Бейся, как море, о побережья
 И архаистов, и модернистов.

Я же не мыслю сейчас об этом,
 Мой модернизм, он звучит иначе,
 С родиной вместе —
   иду поэтом,
 С родиной врозь —
   ничего не значу.

Перевод Марка РИХТЕРМАНА

ШАХМАТЫ

Я в шахматной игре не новичок,
 И от начала, рисковать привыкший,
 Могу поймать партнера на крючок
 Уступок, что иных побед превыше.

Мне ведомо величье королей,
 Чья поступь то задорна, то неспешна.

Я знаю, как, себя преоделев,
На линию огня шагает пешка.

Бессмысленны и храбрость напрямик,
И осторожность, пусть не без причины,
На поле, где измерен каждый миг
Возможностью венца или кончины.

Здесь не простится ни один просчет,
Но будь стратегом, строй, а не скорби ты!
Пускай в зрачках противник не прочтет
Растерянности, горечи, обиды.

Сумей слепить удачу из невзгод,
Не предпочтя везенья крепким нервам
И обрекая на неверный ход
Врага, что упоен успехом первым.

Не новичок я в шахматной игре,
И сладко сердцу ощутить отвагу,
С которой по серебряной заре
Несутся мои всадники в атаку.

Но, если уж играть обречены
Спокойны и небрежны нарочито,
Должны дерзать и помнить мы должны,
Что нападение — лучшая защита!

Перевод Риммы КАЗАКОВОЙ

МЕДЕЯ, ЗОЛОТОЕ РУНО И ЛЕГЕНДА

Без тебя я как в неволе —
Сердце стужей дышит,
И, не в силах медлить боле,
Сам приду в Одиши.

Вон Лакази, а за нею,
Где шумнее реки,
Там живет моя Медея,
Боль моя навеки.

О былом напоминая,
Встал туман над кручей.
Кровь колхидская, живая,
Помнит давний случай.

Давний гнев! Язон мой, где ты?
Я в долгу не буду —
Мы скрестим мечи, победой
Милую добуду!

Как могу я не бороться,
Наблюдать, что выйдет?

Где руно? Его, сдается,
Грек опять похитит.

Я мечту одну лелею
О волнах и нивах
Шелестящих, не умею
Уступать, не в силах,

Не хочу! Манят Энгури
Быстрые порфиры.
И один цветет в лазури
Образ верной Виры.

Без тебя я как в неволе,
Сердце стужей дышит.
Солнце на земном престоле —
Ты, мое Одиши.

След тумана перевитый,
Свет судьбы и слова,
Ты — Медея — взгляд открытый
Утра молодого!

Свет из тьмы! Дружнее леса
Одойя звонный.
Ты — руно — ЭнгуриГЭСа
Гром преображенный!

Так легенда раздвоилась,
Явью молодая, —
Мне в Мингрелни явилась
Грузия-Медея!

Перевод Натальи ОРЛОВОЙ

С РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОСПЛАМЕНЕННОСТЬЮ

Минувшие годы, грядущие годы
 В своем ожерелье, как солнце горят.
 И в синей стихии воздушной свободы
 Нам крылья нужны и упорство преград.
 Нужны голоса, что несутся в просторы...
 О, влиться бы песней в огромные хоры,
 Восславить родимую землю в цвету!
 Павлиньим пером отливают узоры,
 И прядь водопада, блеснув на лету,
 Твой стан оплетает... Бессмертные горы
 Поют голубую твою высоту.
 Страна солнцезакая, разве Армази,
 Гелати и Вардзией все исчерпать?
 Прекрасно земли твоей многообразье,
 И гор, и долин твоих каждая пядь!
 Все это — грядущего клад, и наследье
 Подобного трудолюбивой пчеле
 Народа, чей подвиг записан на меди...
 Грядущего свет — на высоком челе.
 Грядущего свет... Но как выжить смогли мы?
 Скажи, летописец! Средь гари и дыма
 Здесь лозы мечом корчевал Шах-Аббас...
 Все прошлое горечью неутолимой
 Касается сердца, но, видишь, сейчас,
 Сегодня — тяжелая кисть винограда
 Отечества стала пресветлым гербом.
 Ветвится лозы золотая громада,
 Витки виноградников рдеют кругом.
 О, где же твоя, летописец, поэма?
 Проснулся бы, благоговейно и немом
 Услышал бы гимны, увидел бы ты,
 Как родина стала подобьем эдема,
 И солнце победы глядит с высоты.
 И волны Энгури, бурлящие глыбы,
 Трудом покорились под грохот и гул,
 Той стали, которой гордились халибы,
 Неистовый отблеск в Рустави блеснул.

И движется Картли, корабль изобилья,
И в персиковом пламенеет огне...
Смотри, летописец! Громадные крылья
К заоблачной нас вознесли крутизне.
Мы древних вершин покорим крутоскаты,
Теченье прославленных рек одолев...
А ты оставайся навеки крылатым,
И звучным, и чистым, грузинский напев!
...Ты, зодчий воспламененный,
По кручам
Упорно идущий все ввысь и вперед...
Хочу, чтобы мир тебя видел могучим,
Отважным, как предки,
Бессмертный народ!

РИФМА

Как только что раскрывшийся цветок,
Обнажена блаженно
...Великолепная, так много раз она
Гремела музыкой
И расцветала в кущах Прекрасного.
...Там за оазисом —
Миражами дрожит безлюдная пустыня.

* * *

Остра коса, и жатва так богата!
Смерть без отдышки косит здесь и там...
И солнце кособокое заката
Идет за притчей жизни по пятам.
Далекий гомон колоколен длится,
В ушах — крушение гула, стонет медь,
И вспыхивают молодые лица,
Еще вчера могли мы вместе петь.
Истаяли искрящиеся вина,
Где эта доля солнца и земля?
Теперь души заняла сердцевина,
Чужие раны память обожгли.
Все станем прахом, всех одно тревожит,
Но помните и на пороге тьмы:
Еще забьется
И уже, быть может,
Забилось
Сердце, где воскреснем мы.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

СЧАСТЬЕ

Чтобы корзина
Стала тяжелой и полной,
Для этого нужно
(Замечали ли вы?)
Еще одно яблоко.
А чтобы сад под окном шелестел,
Нужно,
Чтобы в его хоровод
Согласилась войти
Еще одна яблоня.
А вот для счастья
(Замечали ли вы?)
Нужен
Всего один человек,
Вместе с которым
Ты,
Словно яблоко,
Разделишь мгновенную радость,
А после — печаль,
А потом —
Даже сердце,
И вдруг
(Замечали ли вы?)
Быстротекущую жизнь.

Перевод Натальи ОРЛОВОЙ

ИГИ

ПРЕИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

— Когда всплывет на небо Дневное Око, посмотрит на мир и снимет с него пелену тьмы, Иги поднимется на высокую скалу и низойдет в пасть Большого Сна.

От слов вождя повеяло запахом опасности, как от лысой горы, когда из ее глубин взметнутся языки огня и небо подернется облаком пепла.

Тревожная дрожь пробежала с головы до ног Иги.

Подобного пока не говорил ни один вождь.

Иги понял — что-то новое родилось в мире.

Только не так, как рождается извивающийся языками пламени и тотчас гаснущий зов неба.

Нет. Так, словно разверзлась земля и никогда не сомкнутся расщелины.

Вокруг царило молчание. Расширенные глаза собратьев в удивлении остановились на Иги. Он еще больше выпрямился, откинул назад голову и устремил свой взор к высоте далеких гор. Великое спокойствие гор постепенно изгнало тревогу из тела. Испарился и запах опасности.

Иги поблагодарил высоту гор.

Расширенные глаза собратьев слились воедино. Теперь Иги со всех сторон оглядывал один громадный глаз.

Вокруг царило молчание, и стоял напряженный запах ожидания.

Иги посмотрел на вождя. У него был узкий плоский лоб и грозный оскал зубов, а длинные руки его почти волочились по земле, и скорблен он был сильнее остальных.

Вождь переступал с ноги на ногу и раскачивался на месте.

Даже сильные звери в страхе убегали при виде такого вождя.

На скалу Большого Сна поднимается тот, рождения которого никто уже не помнит, у кого в руках и коленях копошится застоявшаяся дряхлость, кто уже не может ни поднимать дубину, ни преследовать зверя.

Когда же всплывет на небо Дневное Око и рассеет мглу, мужчины вступят на подъем.

Вперед идет тот, кто должен сойти в пропасть. За ним следуют остальные.

На середине скалы, там, где растет последнее дерево, все остановятся, и он продолжит путь в одиночестве.

А когда достигнет вершины, обернется. Обернется непременно, если даже до тех пор не оборачивался.

На лице его появится выражение попавшего в ловушку зверя. Он обернется и, повернувшись, весь съезжится, сожмется и с закрытыми глазами (Иги не знает — закрыты или открыты бывали у них глаза, но сейчас, когда сам он вступил на этот отвесный подъем, ему почему-то кажется, что глаза у них были закрыты) сделает свой последний шаг, и крик его затеряется в пасти Большого Сна.

Собратья поднимут вверх дубины, испустят победный клич и возвратятся в пещеру.

А тот, кто поднялся на вершину скалы, не вернется никогда. Иги не знает, почему не просыпаются уснувшие Большим Сном, знает только, что не просыпаются, ведь он никогда не видел вернувшихся оттуда.

До сих пор было так.

И вождь...

Поднимается побежденный вождь на скалу Большого Сна. Он все еще чувствует, что не умерла сила, обитавшая в ногах и руках его, он может и взмахнуть дубиной, и преследовать зверя.

Но все же поднимается побежденный вождь на скалу Большого Сна.

И никто не спрашивает, почему он поднимается.

Наверное, думают: то, что есть сейчас, было всегда.

(Поначалу и Иги думал так, но теперь, когда многочисленные удивления стали для него знанием, он понял, что ничто не вечно, что все возникло в свой час, и молча спросил себя: «Почему поднимается побежденный вождь на скалу Большого Сна?»).

Потому, что побежденный вождь все-таки вождь, хотя и не вождь больше, потому что он побежден. Но когда вождь одновременно вождь и не вождь, нарушается, видимо, то, что нельзя нарушить. Потому он и поднимается...

Раньше, когда незнакомые слова обступали Иги со всех сторон и ему приходилось складывать их, нанизывать одно на другое, непонятная тяжесть разливалась болью по телу, закрывались глаза и его одолевал сон.

Теперь с ним такого не бывает. Легко и быстро нанизывает он незнакомые слова на ниточку. Они выстраиваются в ряд и следуют по проторенному ими пути, как зверь по тропинке, протоптанной к роднику.

И это, наверное, тоже потому, что он выпрямился...

Впервые он это заметил в тот день, когда Старый вождь поднялся на скалу Большого Сна.

...Когда исчезло на небе Дневное Око и замерцал тусклый Ночной Глаз, мужчины возвратились. Судьба в тот день улыбнулась им, и они удачно поохотились.

Впереди шел вождь. На плече он держал дубину. Остальные, неся огромного зверя, следовали за ним.

Навстречу им с криком высыпали дети и женщины. В виде добычи в их глазах вспыхивали искорки голода.

Вождь вошел в пещеру. Лицо его источало тепло и спокойствие. Он направился к отведенному ему камню, сел, положил рядом дубину и сложил на коленях руки.

Вошли и остальные, опустили на середину пещеры добычу, и старые охотники приступили к дележке мяса.

Сначала заостренными камнями отделили голову от туши, поднесли ее вождю и положили у его ног.

Потом Иги долго старался вспомнить, где стоял тогда сын вождя, но не вспомнил, потому что в желудке у него копошился голод и он ничего не видел вокруг, кроме мяса.

Так или иначе, когда вождь протянул руки к своей доле, сын в мгновение ока оказался перед ним, наступил на голову зверя и уставился на отца выпученными глазами. Он стоял, вцепившись обеими руками в дубину, лежащую у него на плече. Черная грива била его по плечам, в злости скалил он зубы, и от него пахло разъяренным зверем.

По пещере прокатился удивленный вой. Запах тепла исчез с лица вождя, как туман из леса при дуновении ветра. Иги показалось, что начинает исчезать и запах спокойствия, но в это время вождь медленно закрыл глаза, и запах спокойствия остался.

Он вновь сложил на коленях протянутые было к добыче руки, открыл глаза и некоторое время неподвижно смотрел на ногу сына. Потом взгляд его медленно пополз вверх и, остановившись на лице сына, снова замер. Запах злобы сына боролся с запахом спокойствия отца. В пещере стояло напряженное молчание. Напрасно думал Иги, что по лицу вождя пробежит белый страх. Вождь пристально смотрел в налитые кровью выпученные глаза сына, и к лицу его несколько раз подкрадывался и вновь удалялся запах тепла. Наконец он отвел взгляд и, опершись о дубину, встал.

Старые охотники оттащили добычу в сторону и уступили отцу и сыну место посреди пещеры.

Сын был сильным, и борьба скоро окончилась. Он поверг отца наземь, отнял у него дубину, поднял вверх вместе со своей и с торжествующим криком обегал несколько раз вокруг побежденного противника.

Потом он сел на камень, на котором раньше сидел его отец, — на Камень Вождя, — крепко вцепился обеими руками в голову зверя и прижал ее к груди.

Он сидел, а глаза его бегали по сторонам.

Побежденный вождь медленно поднялся и отошел. Лицо его по-прежнему источало легкий запах спокойствия.

Иги удивился.

Старые охотники вновь втащили добычу на середину пещеры и продолжили свой дележ...

Когда над лысой горой взошло Дневное Око, мужчины направились к скале Большого Сна.

Впереди шел Старый вождь. Шел один. Без дубины. Чуть поодаль следовал за ним Новый. За Новым вождем следовали остальные. И Иги.

Дневное Око обволокли тучи. На землю пришел дождь. И когда Иги почувствовал влажный запах дождя, в его теле внезапно возникла Ни.

Ни была красива.

Посередине скалы, там, где растет последнее дерево, Новый вождь остановился. Остальные подошли к нему и тоже остановились. Все промокли.

Только Старый вождь продолжил путь.

Иги видел его спину и молча спрашивал себя: «Неужели и сейчас вьет от него запахом спокойствия?».

Старый вождь шел медленно. Не оборачивался.

«Под конец он обернется. — молча сказал Иги. — Еще никто не поднимался на скалу Большого Сна, так, чтобы не обернуться назад».

Все стояли мокрые с головы до ног и смотрели.

Старый вождь шел, а позади, на размытой земле, оставался глубокий след его ног — впадина, бугорок, снова впадина и, наконец, отпечаток слипшихся друг с другом, но все равно ясно различимых пальцев, и, пока он успевал сделать новый шаг, след его заполнялся водой. Капельки дождя собирались на спине и между лопаток ручейком стекали вниз. И с волос его капала вода.

Когда вождь достиг вершины скалы, Иги молча сказал: «Сейчас он остановится и обернется».

Едва он успел сказать это, как Старый вождь оделал последний шаг и исчез.

Он не обернулся, не закричал.

Закричал Новый вождь. Поднял вверх дубину, громко закричал и запрыгал. Остальные последовали его примеру.

И Иги.

(Иги потом удивлялся).

Вождь вскинул дубину на плечо и стал спускаться. Остальные пошли следом.

Только старый вождь остался где-то.

Дождь был таким сильным, что не только неба, и туч не было видно.

Старый вождь не закричал, не обернулся. А след оставил.

И в теле Иги зашевелилось удивление.

След ведь остался от ног Старого вождя. Но как же он остался? Если нога вождя исчезла вместе с вождем, почему вместе с ногой не исчез и след? Неужели, засыпая Большим Сном, человек не исчезает полностью?

Иги замедлил шаг, отстал от других, смахнул обеими руками капли дождя с лица и волос и оглянулся. Он хотел увидеть следы.

На вершине скалы лежал белый туман, и больше ничего не было видно.

Иги повернул назад.

46435940
202001033

Идущая впереди группа как-то странно сплотилась, сомкнулась и единым клубком катилась вниз.

Иги уставился на клубок, словно наткнулся на невиданного зверя.

Он прибавил шаг. Догнал их.

Клубок вновь распался.

Все они были сгорблены — некоторые больше, некоторые меньше.

Впереди шел вождь. Он был сгорблен больше всех, руки его почти волочились по земле.

У Иги вдруг запылало лицо, и огнем обжег его страх.

Иги не был таким, как другие!

Он шел выпрямившись. Взгляд его был устремлен к вершине далекой горы.

Огонь еще сильнее закружил в желудке. По телу пробежал холодный страх, и волосы встали дыбом. Иги почувствовал тревожный запах одиночества.

«Хорошо еще, что никто не видел выпрямившегося Иги, — молча сказал он. — Иги сейчас же сгорбится и станет таким, как другие. И ему не будет больно от одиночества, и холодный страх не заставит вставать волосы дыбом».

Иги остановился, внимательно посмотрел на идущих впереди собратьев — все были сгорблены. «Иги должен стать похожим на них, ведь он их собрат», — молча сказал Иги.

Но стоило ему лишь чуточку согнуться, как злым зверем вцепилась в поясницу боль.

Иги вскрикнул и выпрямился. Шедшие впереди мужчины оглянулись на крик. Они даже не обернулись — остановились и всего лишь повернули головы.

На Иги смотрело много лиц. Вождь негромко зарычал и продолжил путь.

Остальные последовали за ним. Только Иги долго еще вспоминал обращенные к нему лица, смотревшие на него так, будто никогда не видели раньше.

А вечером, когда исчезло на небе Дневное Око и появился тусклый Ночной Глаз, в теле у Иги поселилась печаль.

Печаль оказалась такой, как спящая боль.

Иги не находил себе места. Если он стоял — ему хотелось сесть; если сидел, хотелось встать; если он шел, хотелось остановиться, если останавливался — хотелось идти. Ему не хотелось быть там, где он был, а хотелось быть там, где его не было. Но стоило только ему попасть туда, где его не было, как ему больше не хотелось там оставаться.

Печаль плохо обращалась с Иги.

Иногда в теле Иги появлялся вождь, и отчетливо слышалось его негромкое рычание. Тогда печаль становилась похожей на грызущего кость голодного зверя.

В ту ночь Иги так и не сумел уснуть. Лежал он с закрытыми глазами и следил за тем, как рыскала по его телу печаль.

Все остальные спали. По темной пещере были раскиданы женщины и мужчины, взрослые и дети.

«Ни тоже спит», — молча сказал Иги.

Печаль вдруг спряталась куда-то, но вскоре появилась снова. Иги удивился, когда печаль исчезла, и сказал: «У Иги глаза как небо».

Печаль опять скрылась, и Иги понял, что воспоминания Иги борются с печалью.

«Ни, Ни, Ни, Ни...» — повторял Иги.

Напуганная печаль бесследно исчезла, и Иги некоторое время лежал спокойно.

Но печаль постепенно привыкла к воспоминаниям о Ни и снова прокралась в тело. Напрасно повторял теперь Иги: «Ни, Ни, Ни...». Печаль буйствовала по-прежнему. Потом она набрела на кость и стала ее грызть.

Иги больше не мог терпеть. Он должен был куда-то пойти, что-то сделать.

Он встал и, когда глаза его привыкли к темноте, крадучись направился к выходу. Двигался осторожно, боясь наступить на спавших на земле собратьев. Наконец Иги выбрался из пещеры.

Из леса дул ветер и доносил зеленый запах леса.

Иги остановился, подставил лицо ветру и глубоко вдохнул зеленый запах. Зеленый запах внес в тело нечто, похожее на радость.

Печаль вздрогнула и на миг выпустила кость. Потом поняла, что ей ничего не грозит, и снова принялась за кость.

Иги направился к лесу. Он ступал по мягкой траве. Глаза не видели травы, зато ее видели слухи.

Он вошел в лес. Погрузился в зеленый запах.

Псначалу все было хорошо.

А затем и зеленый запах обратился печалью. Правда, печаль уже не грызла кость, но продолжала рыскать по телу, и, как от влажного листа, коснувшегося подмышки, пробежала по телу Иги дрожь.

И в лесу не нашел Иги покоя. Тогда он вышел на берег и вступил в мокрое спокойствие моря. Прохлада была приятна ему. Печаль на некоторое время утомилась, а потом вновь зашевелилась, заерзала.

И морская прохлада превратилась в печаль.

Печаль была злой.

Наконец Иги вошел в маленькую пещеру, в которой, свернувшись в комочек, спала тишина.

«Иги должен стать таким, как другие. Тогда Иги больше не будет один и печаль оставит его в покое».

Иги попытался согнуться. Как и утром, вцепилась в поясницу боль. Иги застонал и выпрямился.

Спустя некоторое время попытался согнуться еще раз.

Боль уже кричала.

Иги боролся с ней, но она была сильнее.

«Иги все равно предпочитает печали боль», — молча сказал Иги и вновь согнулся.

Иги знал, что такое боль. Боль — это когда вцепится в ногу во время схватки зверь и потечет стружкой из ноги кровь. Боль зла, но она не задерживается в теле надолго. Нужно все-

го лишь хорошенечко облизать и смочить слюной укус. Боль испугается и оставит тебя в покое.

Испугать же печаль Иги никак не сумел. Она преспокойно расположилась в теле и как зверь глодала кости.

Поэтому и предпочитал Иги печали боль.

Иги сгибался, терпел боль до последнего, потом выпрямлялся, переводил дух и сгибался снова.

А когда появилось над вершиной лысой горы Дневное Око, Иги вернулся в большую пещеру и вместе с другими пошел на охоту.

* * *

Когда Иги был один, он не чувствовал одиночества, а чувствовал его тогда, когда рядом были другие.

Мужчины смотрели на него как на нечто странное и непонятное и старались поменьше бывать с ним, вождь злобно скалил зубы, и в глазах его сверкал гнев.

Иги всячески старался походить на собратьев и избежать опасности, ходившей рядом.

Когда опускалась на землю темнота и все предавались сну, Иги осторожно вставал, направлялся в маленькую пещеру и до тех пор боролся с болью, пока Дневное Око не прогнало сильными лучами ночь.

Боль была упряма, и Иги пришлось выдержать нелегкий бой. Но он все равно настоял на своем, победил боль и стал таким, как другие. И настал день, когда идущий на охоту Иги ничем не отличался от других — был так же сгорблен и так же волочил по земле руки. Правда, боль еще кусала его в спину, но это была всего лишь маленькая боль, детеныш боли, у которого не было ни злости, ни силы, ни острых зубов.

Теперь на Иги смотрели как на своего. Никто не убегал, никто не сторонился его. И в глазах вождя погас гнев. А Иги все еще ходил в свою пещеру и боролся с детенышем боли.

Когда же боль исчезла окончательно, он молча сказал:

«Теперь Иги может остаться в большой пещере и уснуть».

* * *

С закрытыми глазами, заложив руки под голову, лежал Иги в большой пещере и ждал сна.

Другие уже спали.

Вот-вот уснул бы и Иги, он был погружен в мягкую, пушистую дремоту, и сон бесшумно, на цыпочках приближался к нему.

В это время неожиданно-негаданно появилась печаль. Слово лютый зверь опередила печаль ступающий бесшумно сон, разорвала мягкую дремоту и прокралась в тело Иги.

С собой принесла она вкус одиночества.

Иги очнулся, замер от удивления, затаил дыхание и прислушался к печали. Печаль копошилась в теле.

Тогда Иги осторожно присел.

«Что нужно печали от Иги? — молча спросил Иги печаль. — Иги ведь уже такой, как другие?».

Печаль ничего не ответила, добралась до кости и стала ее грызть.

Иги запыхал гневом.

«Пусть печаль оставит Иги в покое!» — молча Иги печали.

Он снова лег, закрыл глаза и стал подстерегать сон, пытаясь не обращать внимания на печаль.

Но сон больше не приходил. Печаль не подпускала его близко.

Иги ложился то на спину, то ничком, ворочался с боку на бок. Сон боялся печали и не осмеливался приходиться.

«Сон не придет до тех пор, пока Иги не прогонит печаль», — молча сказал Иги, присел, согнул ноги, обхватил их руками и уперся подбородком в колени.

Печаль извивалась вокруг кости и жадно грызла ее.

Иги ничего не мог понять. Разве он столько мучался не для того, чтобы исполнить волю печали и стать таким, как другие? Разве не этого требовала от него печаль? Так почему же тогда она вернулась? Что ей было нужно?

Иги ничего не мог понять. Сейчас он знал только, что не сможет успокоиться, не сможет уснуть. Он хотел быть там, где его не было. И хотя прошлый опыт предупреждал его, что как только он дойдет «туда», ему тут же захочется быть «где-то», он все же мог не повиноваться воле печали.

Иги поднялся, с привычной осторожностью переступил через спящих собратьев, вышел из пещеры и направился к лесу.

Лес был полон темноты. Иги шел, и влажная трава щебетала ему ступни. Когда же он углубился в лес, темнота рассеялась тусклым светом. Кое-где между деревьями замерцала трава. Иги понял, что Ночной Глаз выплыл из-за облаков и рассыпал по земле сверкающие лучи. Лучи большей частью обнимали верхушки деревьев, но когда им удавалось найти в листьях лазейку, они устремлялись по ней и мерцали в траве. Это Иги знал по своим наблюдениям.

И сейчас пробрался лучик между верхушками деревьев и упал на низкую траву. Иги приблизился к нему. На крошечном стебельке травы лежала круглая капля и сверкала так, будто была Глазом Неба. Иги сел на корточки, положил руку на травинку. Луч теперь падал на руку. Тогда он накрыл руку другой рукой. Луч переместился на нее. Иги накрыл другую руку лицом. Луча больше не было видно, но Иги знал, что луч не исчез. Он сверкал где-то в его волосах. И вправду, когда он отодвинул голову, луч опять прыгнул на руку; когда Иги убрал ее, переместился на другую; убрал и ее, и как прежде засверкала капелька на стебельке травы.

Иги встал и продолжил путь.

Наверное, в то время, когда он увлекся игрой с лучом, печаль уснула; или, испугавшись, забралась куда-то в угол. А сейчас, когда Иги продолжил путь, она вышла из убежища и стала искать кость.

Лес поредел, и показалось море.

Иги свернул в сторону, направился к своей пещере. И стоило ему только войти в нее, как он удивился и молча ска-

зал: «А зачем пришел сюда Иги?». Правда, именно здесь победил он старую печаль, но тогда Иги знал, что для этого нужно сгорбиться и стать похожим на других, потому что самая рая печаль звалась одиночеством.

А как звали теперешнюю печаль, Иги не знал.

Он присел на камень и закрыл глаза. Печаль беспокойно ворочалась в теле и щекотала так, что невозможно было устоять на одном месте.

Иги встал, быстрыми шагами прошелся по пещере. Он ходил долго, но не сумел успокоиться. Тогда он вышел и направился к морю.

Иги долго ходил по берегу. Потом вошел в лес. Теперь долго ходил по лесу. Но так и не успокоился. Под конец снова вернулся к морю, сел на песок, согнул колени и уперся в них локтями.

Море мирно дышало. Набегала волна, касалась его ступней и убегала.

Печаль щекотала его и вызывала дрожь.

«Хотя бы сказала, что ей нужно! Иги исполнит любое ее желание. Потому, что Иги больше так не может!».

Внезапно где-то далеко, там, где небо опускается в море, появился луч, Иги проследил за ним взглядом. В одном месте луч прерывался, а вверху продолжал сиять. Иги поднял глаза выше, и еще выше, и еще. В пояснице что-то хрустнуло, но он не обратил на это внимания. Наконец он увидел Ночной Глаз, который сидел на облаке и смотрел на Иги. И все небо было усыпано блестящими камушками.

Из горла Иги вырвался страшный звук. Он был похож на победный клич, но запах от него исходил более мягкий и теплый.

И вдруг Иги почувствовал, что сидит выпрямившись. Быстро вскочил, замер и прислушался к собственному телу.

Печаль исчезла. Печаль испугалась чего-то, бросила кость и исчезла вместе со звуком, вырвавшимся у Иги.

Иги стоял и рассматривал Ночной Глаз и почему-то невольно оскалился. Только не так, как раньше, когда он, как и все, скалил злые зубы борьбы, опасности, гнева; тогда Иги никого бы не пощадил и готов был бы разорвать на куски даже собственное тело. Сейчас от лица и зубов его исходил запах тепла и радости, как от того звука, который вырвался у него.

Он стоял выпрямившись и смотрел на Ночной Глаз. И этот Ночной Глаз, и далекие сверкающие камушки, и лес, и море он ощущал как собственные свои руки и ноги.

Не было ничего «хорошего», не было и ничего «плохого». Все было так, когда ни «хорошее», ни «плохое» ничего изменить и добавить уже не могут.

А потом удивительное тепло, источаемое морем, слабо освещенные Ночным Глазом вершины гор, лес и все, что его окружало, вошло в тело Иги. Иги невольно закрыл глаза и почувствовал себя так, будто его и не было вовсе.

А когда же далекие вершины, море, лес, небо и блестящие небесные камушки вновь удалились и вернулись на свои

места, от тела Иги повеяло легким запахом удивления, а в голове закружились странные и непонятные слова.

Правда, Иги давно уже научился складывать непонятные слова. Но теперь, похоже, все слова, существующие на свете, затараторили разом. Они галдели, метались по сторонам, рассыпались и беспорядочно смешивались друг с другом. Иги казалось, что его голова — это маленькая пещера, в которой расположилось большое племя — все в ней не умещаются, но и выйти никто не хочет.

И от слов исходил запах удивления.

«Что происходит с Иги?» — молча спросил Иги и резко встряхнул головой.

Совсем недавно Иги казалось, что его нет вообще и в то же время вокруг не существовало ничего, чтобы не было бы Иги. В чем же дело? Куда исчез Иги? И как это он вдруг распался и растворился во всем? Отчего, когда Иги смотрел на небо, небо было Иги, когда смотрел на море — море было Иги, а когда смотрел на лес — то лес был Иги.

Да и куда исчезла печаль? Что ее испугало? Неужели то, что Иги выпрямился. А ведь недавно она именно потому и прокралась в тело, что увидела, как Иги стоял выпрямившись.

«Иги удивляется», — молча сказал Иги.

(Теперь, направляясь к скале Большого Сна, Иги все это знает. А тогда, то, что стало сейчас знанием, было для него удивлением).

Чтобы прогнать незнакомые слова, Иги еще раз встряхнул головой. Затем зачерпнул пригоршнями воду, плеснул в лицо, повернулся и зашагал в гору. Когда он вошел в лес, в теле его возникла та трава, на которой блестела маленькая капелька, освещенная Ночным Глазом. Иги принялся искать ее, но так и не нашел. Ночной Глаз взял с собой свои лучи и ушел куда-то. В теле Иги внезапно возникла и исчезла Ни. Ни была хорошей.

Иги продолжил путь, пересек лес, вошел на цыпочках в большую пещеру, переступил осторожно через спящих собратьев, лег на свое место, положил руки под голову и закрыл глаза.

И собратья были хорошими.

И вождь был хорошим.

Иги уснул.

А утром, когда, собираясь идти на охоту, вождь глухо зарычал при виде Иги и в лучах Дневного Ока зло сверкнули его большие белые зубы, Иги вспомнил, что накануне ночью вождь был хорошим, и не встали волосы дыбом, и не зашевелился в теле страх.

Собратья взглянули на него так, словно Иги был не Иги, так, словно Иги и не существовало вовсе. И с кем бы рядом он ни становился, все поспешно отстранялись, и никто не смотрел на него.

Только маленький Зу, которого сегодня впервые взяли на охоту, изредка бросал на него взгляд, но, встретившись глазами с Иги, тотчас отворачивался и скрывался среди других охотников.

Иги что-то предчувствовал, только никак не мог понять что.

Целый день пробродили охотники без толку и к вечеру возвратились назад с пустыми руками.

Они шли молча.

Вождь сидел так, словно почуял запах зверя, словно приготовился к прыжку. Он казался от этого еще более сгорбленным.

Когда охотники приблизились к пещере, маленький Зу свернул с тропинки. Никто не обратил на него внимания, и Иги решил, что в животе у него зашевелился голод и Зу пошел искать еду. Маленький Зу и вправду подошел к разросшемуся кусту и набросился на мелкие черные ягоды.

Через некоторое время в теле Иги возник маленький Зу, который на цыпочках сворачивал с тропинки, поглядывая одним глазом на собратьев так, словно чего-то боялся.

«От кого прячется маленький Зу?» — молча спросил себя Иги и быстро оглянулся.

А Зу стоял не шелохнувшись у куста, обеими руками вцепившись в дубину и уставясь на Иги расширенными глазами.

Увидев, что Иги его заметил, маленький Зу вздрогнул, по лицу его пробежал цвет испуганного зверя, и он в растерянности снова набросился на ягоды.

Иги повернулся и продолжил путь, а сделав несколько шагов, вновь оглянулся. Маленький Зу больше не смотрел на него — он был увлечен черными ягодами.

Женщины и дети громкими возгласами встретили охотников, но, увидев их без добычи, сразу же замолкли. На лице их появился цвет тревоги, и они обступили вождя. Вождь не произнес ни слова и не замедлил шаг. Тогда женщины и дети расступились, уступив дорогу вождю и остальным охотникам, и, когда мужчины вошли в пещеру, разбрелись по лесу.

Вождь сел на Камень Вождя и положил у ног дубину. Он сидел, обхватив щиколотки руками, упершись лбом в землю, молча и слегка покачиваясь.

Сели и остальные.

Иги устроился в дальнем углу пещеры. Сейчас, когда между вождем и голодом шла борьба за власть, Иги предпочитал, чтобы его выпрямленная фигура не попадалась никому на глаза, и старался держаться поодаль. Он вовсе не испытывал страха, просто что-то подсказывало ему, что нужно вести себя именно так. Ни страх, ни тревога не прикоснулись в тот день к Иги. Да и голод настолько бесшумно скользил в теле, что Иги едва замечал его, лишь что-то незнакомое доселе настойчиво советовало держаться подалее и не попадаться никому на глаза.

Тем временем вернулись женщины и дети и принесли с собой ягоды и корни, которые, конечно, не сумели бы усыпить голод, но все-таки как-то успокоили бы его.

Холодное молчание пещеры нарушило однообразное чавканье. Все ели, только вождь сидел неподвижно, так ни к чему не притронувшись.

И Иги тоже, пожевав всего лишь несколько корней, оставил еду. Он вдруг почувствовал, что за ним кто-то следит. Иги слегка вздрогнул, но не шелохнулся, затаял дыхание, прислушался и потом слегка повернул голову.

Это был Зу. Он сидел с набитым ртом, раздутыми щеками, забыв разжевать и проглотить пищу, уставившись на Иги расширенными глазами.

«Зу что-то хочет», — молча сказал Иги и резко повернулся к нему. Зу тотчас отвел взгляд и быстро заработал челюстями.

Ночью в теле Иги возник Иги вчерашний, который смотрел на море и видел, что море было Иги, смотрел на лес и видел, что и лес был Иги. Ему вдруг стало очень хорошо, и он проснулся.

Такое с Иги случалось тогда, когда он чувствовал запах Ни.

А утром вождь поднял вверх дубину и, когда все умолкли, сказал:

— Иги не пойдет на охоту.

В теле Иги вздрогнуло удивление, от которого повеяло незнакомым запахом.

У охотников вырвался глухой непонятный звук. Все уставились на вождя. Только Зу смотрел на Иги. Хотя он стоял где-то позади, и Иги не видел его, но он чувствовал его взгляд лопатками. А когда затихло удивление, Иги спросил:

— Разве Иги женщина? Разве Иги ребенок? Почему не пойдет Иги на охоту?

Вождь посмотрел на Иги снизу вверх и вновь уперся взором в землю. Все молчали. У вождя было такое лицо, словно он старается поднять большой камень, но не может.

Иги понял — вождь хочет сказать что-то, но не может сложить слова так, как нужно. Наконец после долгого молчания, вождь все-таки сказал:

— Если Иги пойдет на охоту, охотники смогут добыть только голод. — Тут он вновь замолчал, оторвал глаза от земли, вскинул взгляд на Иги, стукнул дубиной о землю, и его белые зубы зло сверкнули. — Иги не пойдет на охоту, — зло повторил он.

Охотники попятились, уступив место вождю и Иги посреди пещеры. У Иги в голове возникали слова и выстраивались в ряд. Он должен был или схватиться с вождем, или отступить.

Вождь был сильным. И Иги отступил. Повернулся, отошел от охотников, укололся о злой взгляд женщины и детей и молча спросил себя: «А где сейчас Ни?».

Лопатки его чувствовали взгляд Зу.

А когда взгляд Зу оторвался от лопаток, Иги понял, что охотники ушли.

Такого не случалось никогда. На охоту ходили все, кто только мог держать в руках дубину, а тех, кто не мог, провожали на скалу Большого Сна.

Иги сидел под деревом, прислонясь спиной и затылком к его прохладному телу, и смотрел на небо. В голове его воз-

никали слова и следовали друг за другом как стадо зверей по тропинке, ведущей к водопою, а в теле появлялись то рычащий и скалящий ослепительно белые зубы вождь, а то и другие.

Что надо вождь? Почему он не взял Иги на охоту? Не думает ли он, что Иги не может охотиться? Или ему кажется, что это Иги виноват в том, что охотники вернулись, с пустыми руками? А может, и вправду в этом вина Иги? Никогда до сих пор не возвращались они без добычи.

Иги замер и прислушался к себе. Последние слова возвратились и вновь промелькнули в его голове. А может, и вправду это вина Иги? Никогда еще не возвращались они ни с чем...

Иги встал и направился к лесу. Женщины, которые сидели у входа в пещеру и кормили детей грудью, проводили его взглядом, но Иги не посмолрел в их сторону и не слеша удалился.

В лесу, у ручейка, он повстречался с другими женщинами. Они отмачивали в воде звериные шкуры и, когда Иги прошел мимо, тоже проводили его взглядом.

Иги спустился вниз по течению ручейка. Он не чувствовал ни одиночества, ни печали, ни тревоги, но он и не чувствовал себя так, как раньше, до того, как вождь оставил его с женщинами и детьми. Какой-то непонятный вкус бродил по его телу.

Приблизившись к тому месту, где ручеек соединяется с морем, он вдруг почувствовал запах Ни.

Тут же исчезли из его головы все слова, и осталось только одно слово — «Ни». Исчезли из тела все лица, и осталось только одно лицо — лицо Ни. Иги остановился и внимательно осмотрелся.

На противоположном берегу, раскинув руки, лежала Ни. Она спокойно дышала, глаза у нее были закрыты, и медленно приподнимался и опускался ее круглый живот. Иги заколебался — сначала он было решил продолжить путь, но потом остановился и вошел в ручей.

Ни открыла глаза, перевернулась на бок, присела, уперлась ладонями в землю и устремила взгляд на приближающегося к ней Иги.

Приятный запах Ни вдруг куда-то исчез, и появился резкий и одурманивающий запах женщины. По телу Иги пробежала дрожь, и его обдало жаром. Видно, и сам он источал какой-то ответный запах, потому что и Ни раздула ноздри и жадно вдохнула воздух.

А когда Иги приблизился, Ни вскочила и отступила назад. Иги остановился, но потом приблизился еще на шаг. Ни повернулась и побежала. Иги погнался за ней. Ни бегала вокруг дерева, оглядываясь время от времени назад, и постепенно замедляла шаг. Наконец Иги догнал ее и обхватил руками. Ни задрожала, присела, а потом легла на спину и закрыла глаза.

Иги встал перед ней на колени и только решил было сделать то, что делают в это время другие, как в удивительно

резкий запах женщины прокрался приятный запах Ни, и в животе его погас жар.

Ни была сейчас такой, как раньше, когда появлялась она в теле Иги и приносила с собой запах тепла.

Иги осторожно провел рукой по волосам и лицу Ни и сказал:

— От Ни пахнет тепло и приятно.

Ни слепка приоткрыла глаза и подползла к нему.

— У Ни глаза как море, — добавил Иги.

Теперь Ни широко открыла глаза и с удивлением уставилась на Иги.

И еще Иги сказал:

— У Ни волосы как опавшие листья.

Ни резко присела.

— Разве Иги нужно что-нибудь другое?

В глазах Ни сверкал злой цвет удивления, и Иги забыл все слова, пахнувшие теплом.

Резкий запах женщины вновь заглушил приятный запах Ни, и Иги сделал то, что делают в это время другие — взял Ни за плечи, уложил ее на землю и, тяжело дыша, навалился сверху.

Ни вновь закрыла глаза, припала грудью к груди Иги и затрепетала. И Иги сделал то, что делают в это время другие.

Теперь Ни неподвижно лежала с закрытыми глазами.

Иги медленно оторвался от тела Ни и сел. Он не мог подобрать ни одного хорошего слова. Сидел, удивлялся и никак не мог понять, почему все-таки возникала в его теле именно Ни, а не кто-либо другой.

Ни открыла глаза.

— Иги больше не хочет быть с Ни?

Иги не ответил ей, встал и пошел вниз по ручью. Он вновь чувствовал в своем теле Ни, но не знал, хорошая она или плохая, потому что Ни была такой же безобразной, как если бы она смотрелась в лужу, в которую бросили камень.

Иги старался исправить эту непонятно разорванную и разобранную Ни, но у него ничего не получалось.

Безобразная Ни болела в теле у Иги.

И Иги, решил изгнать ее.

«Пусть Ни уйдет из тела Иги!» — молча закричал он.

Но Ни не уходила.

Тело у Ни было искривлено, лицо непомерно вытянуто, подбородок съехал набок, один глаз красовался во лбу, другого и вовсе не было видно, ноги опухли и переломились где-то посередине, и на Ни было страшно смотреть.

«Пусть Ни уйдет из тела Иги!».

Но Ни не уходила.

Тогда Иги сам возник в своем теле и ударил Ни. Ни разорвалась и распалась еще больше. Иги изо всех сил старался выгнать ее. Кусочки Ни укрылись в уголках тела Иги, но не исчезли.

«Иги не знает, где та щель, через которую должна уйти Ни», — печально сказал Иги и продолжил путь.

Иги боролся с Ни в своем теле и даже брал над ней верх, но изгнать ее отсюда не мог никак.

В это время Иги почувствовал влажный запах моря, только тогда понял, что вышел на берег, потому что он ничего не видел вокруг — ведь он смотрел в свое тело, где боролся с Ни.

Иги повалился на теплый песок, а в теле его все еще боролась Ни и Иги. Он бессцельно водил пальцем по песку. Телу Иги было больно от безобразной Ни. Но она не покидала его тело. Странное зрелище! Удлиненное лицо, съехавший набор подбородок, один глаз во лбу... Корявое тело... распухшие ноги... и вот так, посередине, переломленные...

Вдруг безобразная Ни исчезла из тела, и тут же глаза Иги увидели ее в песке. Иги вскочил как от толчка — глаза его окрасились цветом страха и удивления, и в нем что-то глухо забилося. Испуганный, отступил он назад, потом повернулся и побежал. На память ему приходили разные слова, но Иги никак не мог понять, что бы они значили.

Потом слова потихоньку успокоились, и Иги замедлил шаг.

Там, на песке, лежит безобразная Ни. Она вышла из тела Иги и легла на песок.

Иги настороженно оглянулся, но не увидел Ни. На песке виднелись только отпечатки его ступней.

Каким образом появилась там Ни?

Внезапно в тело Иги вошел Иги, который стоял на коленях и водил пальцем по песку. Следы, оставляемые пальцем, сливались друг с другом и что-то напомнили ему.

И Иги понял!

Палец Иги сделал на песке Ни!

По телу Иги прошла дрожь. Он удивленно посмотрел на палец — палец как палец.

Иги повернулся и пошел назад так, будто подкрадывался к спящему зверю, шел и внимательно осматривался вокруг.

Интересно, ушла ли безобразная Ни или она еще лежит на песке? Ведь прошло много времени.

«Видно, ушла». — и не успел он только сказать это, как на песке появилась Ни.

Иги остановился. Он готов был вновь повернуться и убежать, но с трудом сдержался и сделал еще несколько шагов вперед. Ни лежала не шелохнувшись. Иги взял камушек, бросил в нее и приготовился к бегству. Камушек упал рядом, и Ни не шевельнулась. Иги еще раз бросил камень — теперь он попал в перекошенную грудь Ни. Но так как Ни не шевельнулась и в этот раз, Иги успокоился и смело приблизился к ней. Но на полпути он остановился снова и присмотрелся.

— Ни, — позвал Иги.

Ни ничего не ответила.

« Это не настоящая Ни, — молча сказал Иги, — это Ни такая, как та, что была в теле Иги».

Сказать-то он сказал, но приблизиться к ней все же не осмеливался. Наконец он все-таки подошел и внимательно посмотрел на Ни сверху вниз, осторожно поднял ногу, слегка

прикоснулся ею к руке Ни и тотчас, отпрянув, одернул ее. А в том месте, где нога Иги коснулась Ни, рука ее оторвалась от тела.

Экз. № 103592-11
Экз. № 104483-11

«Это след ноги Иги, — молча сказал Иги, — след ноги Иги оторвал руку у Ни».

Иги еще раз поднял ногу, провел ею по лицу Ни, и оно исчезло.

Тогда Иги нагнулся и провел руками по телу, рукам и ногам Ни, и она исчезла без следа.

«Это была не Ни, — молча сказал Иги, — это был след Ни».

От этих слов повеяло запахом удивления. Странно! Иги наступит на песок, и на нем останется след его ступни. Иги положит на песок растопыренную руку, и на нем останутся следы его пальцев. А знает Иги это с тех пор, как увидел на скале Большого Сна следы Старого вождя.

Но след Иги оставляет Иги. След вождя оставляет вождя. А если здесь не было Ни, то как же остался ее след? Разве палец Иги это Ни?

Иги вновь посмотрел на свой палец, но он совсем не походил на Ни. Иги сел на корточки и осторожно провел им по песку. На песке остался какой-то след, но это была не Ни. Может, сперва это не Ни, а потом след станет ею? Иги продолжал водить по песку пальцем. Следы переплетались в песке, сливались друг с другом, разбегались в разные стороны, но не походили на Ни. Иги остановился и внимательно посмотрел на создание своего пальца. Он смотрел на него то с одной, то с другой стороны, и вдруг ему вспомнилась вчерашняя ночь, когда он стоял на этом самом месте и все, что только ни окружало его, было Иги — и море, и небо, и леса, и горные склоны. Наверное, иногда и Ни бывает Иги. Наверное, и впрямую недавно палец Иги был Ни и потому он оставил ее след на песке.

Иги тщательно стер на песке все линии и призвал Ни.

«Пусть войдет Ни в тело Иги, пусть войдет Ни в тело Иги!».

И вошла Ни в тело Иги, вошла такая же безобразная и разорванная на части, как раньше.

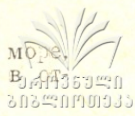
Иги внимательно смотрел на Ни, и палец его свободно скользил по песку.

Вначале он не обращал внимания на палец, а всей сущностью своей следил за тем, что происходило в его теле. Но вскоре он сумел одновременно и присматривать за пальцем, и наблюдать за тем, что происходило в нем самом.

Ни постепенно исчезала из тела и появлялась на песке.

Наконец палец остановился — уродливая, разорванная, сморщенная Ни лежала на песке, а Иги стоял на коленях и смотрел на нее. В теле его было пусто и в голове не шевелились слова. Потом он выпрямился, окинул взором далекие вершины, Иги казалось, что он раскрылся, распахнулся, увеличился и заполнил собой все пространство. Сейчас все находившееся вокруг него слилось и превратилось в единое целое. Не существовало отдельно ни моря, ни неба, ни Иги. Сущест-

вовало только что-то одно, и это одно было Иги, было море, было небо. Что-то одно было всем и все было каждым действительности.

Иги стоял на коленях и во всем пространстве видел только себя одного. А потом, когда он отделился от окружающего мира и вернулся в свое тело, распавшись, вернулось в свои пределы и все остальное, и граница, отделявшая их друг от друга, восстановилась. Теперь море было морем, небо — небом, лес — лесом, а Иги — Иги. Ко всему вернулся прежний облик, но между ними все же продолжала существовать какая-то тайная связь, и этой связью был Иги, которым овладело странное чувство, будто на свете существовало огромное множество Иги, только у одних телом было море, а других, — небо, у третьих — горы... И Иги мог при желании выгнать их на волю, и весь мир тогда был бы только Иги, единый и нераздельный Иги.

Но так как Иги вновь вернулся в свое тело, взгляд его упал на Ни, лежащую на песке.

До тех пор, пока на берегу ручья не случилось того, что случилось, в теле Иги всегда возникала иная Ни — красивая, теплая, хорошая, у которой глаза походили на море, а волосы — на опавшие листья.

Что же теперь произошло с Ни? Почему она стала такой безобразной? Почему распалась на части?

Иги осторожно провел рукой по лицу Ни и стер его.

Какое же лицо было у Ни раньше? Иги закрыл глаза, замер и в теле его возник Старый вождь и исчез. Потом возник Новый вождь и тоже исчез. Потом перед глазами Иги прошло все племя в тот день, когда шел дождь. И вот, наконец, возникла Ни, но она быстро исчезла, и Иги не успел разобрать, какое у нее было лицо.

Иги открыл глаза и вновь закрыл их. Теперь в нем возникли низкая трава, на которой под лучами Ночного Глаза сверкала круглая капелька, и Иги, присевший рядом на корточки. Потом исчезли и трава, и Иги, а на их месте возникло море. Оно бесшумно переливалось и соединялось вдаль с небом.

И вдруг вновь появилась Ни. Правда, она, как и тогда, быстро исчезла, но теперь Иги успел заметить, какой у нее был нос. Он смотрел на ее нос, и постепенно вырисовывались черты лица прежней Ни, которая добрыми небесными глазами источала тепло. Вот она, настоящая Ни, а не та, разорванная и перекошенная, которая никак не хотела уходить из тела Иги.

Палец медленно двигался по песку. Теперь уже Иги ясно видел, как исчезает по частям из его тела Ни и так же по частям появляется на песке. Когда палец перестал двигаться, на песке лежала прежняя Ни, та, при появлении которой в теле Иги поднимался странный и приятный рокот и возникал странный и приятный запах.

Иги встал и сверху посмотрел на лежащую на песке Ни. Потом, не сводя с нее глаз, обошел кругом. И вокруг Ни отпечатались следы ног Иги. Иги обошел ее еще раз, но теперь он ставил ногу между своими следами. А когда он повторил

это несколько раз, Ни была обведена одним единым следом. Иги это понравилось, он и не почувствовал, как у него вырвалось: «Иги знает что-то такое, чего не знают другие».

И только он успел сказать это, как почувствовал, что по всему телу разливается жар. Он кружил по телу, двигался вверх, и казалось, будто поднималось куда-то ввысь и тело Иги.

«Иги знает что-то такое, чего не знает и сам вождь».

И в теле Иги возник вождь. Он поднял дубину и сказал: «Иги не пойдет на охоту». Потом такой вождь исчез и появился другой, тот, который победил своего отца, сел на его место, схватил голову зверя и прижал ее к груди.

Этот вождь остался в теле Иги — вождь злой, с грозным оскалом зубов и с налитыми кровью глазами, вождь, которого была по плечам черная грива.

Палец Иги опять заскользил по песку.

Вождь постепенно покидал тело Иги и появлялся на песке.

И вокруг этого вождя обвел Иги круг своими следами.

«Иги знает что-то очень важное».

Жар, круживший по телу Иги и двигавшийся куда-то вверх, был странно приятен — он был похож на первую охоту и на встречу с Ни на берегу ручья.

И в это время пришел на землю дождь.

Иги хотел было укрыться в маленькой пещере, но вдруг заметил, как падают капли на вождя и Ни, лежащих на песке, и остановился.

Капли оставляли малюсенькие углубления на лицах Ни и вождя. Они увеличивались, сливались друг с другом, распространялись по всему лицу и по всему телу, и вскоре на том месте, где лежали Ни и вождь, был всего лишь мокрый песок.

Иги смотрел на мокрый песок, и им овладевало удивление.

Когда в дождь на скале Большого Сна оставляли свои следы ступни Старого вождя, Иги казалось, что следы остаются потому, что идет дождь. А теперь дождь стер с песка и Ни, и вождя, и следы Иги.

Иги молча спросил себя: «А как сделать такой след, чтобы он не стирался?».

В голове у Иги не было слов, которые смогли бы ответить на этот вопрос.

Бросив последний взгляд на песок, Иги направился к большой пещере, в которой укрылись женщины и дети. На мир пришел дождь, и Иги удивился, увидев Ни под дождем. Ни стояла в траве, распластав руки, и всем телом предавалась дождю. Она совершенно промокла, и у нее было лицо ребенка, увидевшего вдруг мать.

Иги остановился и стал разглядывать.

В ней было что-то такое, отчего она казалась прежней, но и что-то, отчего прежней она уже не была.

В это время Ни почувствовала Иги и оглянулась. Теперь у нее не было лица ребенка, увидевшего вдруг мать.

Она опустила руки. Иги стоял и смотрел на нее.

— Что нужно Иги? — спросила она.

— Ни не настоящая, — сказал Иги, — настоящая Ни жала на песке, и дождь стер ее.

Иги смотрел на нее, и в теле его возникла настоящая Ни, прежняя Ни, от которой исходил необычный запах.

— Пусть Иги не смотрит на Ни, — вдруг прошептала Ни, — Ни страшно.

Иги вздрогнул, поспешно отвел от нее взгляд и повернулся спиной.

«Почему Ни боится, — молча сказал Иги, — разве Иги лютой зверь, чтобы быть опасным?»

И тут он что-то почувствовал, и по телу его пробежала холодная дрожь. На этот раз Иги понял было, как называлось то чувство, но донесся до уха отдаленный шум приближающихся охотников, и найденное слово вновь исчезло.

Голоса охотников достигли пещеры, и женщины и дети высыпали наружу.

Впереди, как и положено, шел вождь. И, хотя они и удачно поохотились, он все равно угрюмо смотрел в землю. За ним следовали старые охотники, тащившие на плечах громадного зверя. Зу шел последним.

Женщины и дети прыгали вокруг них, размахивали руками и пронзительно визжали.

Иги стоял в стороне, и охотники прошли мимо, даже не позмострив в его сторону. Оглянувшись только маленький Зу. Он медленно повернул голову, но, повстречавшись глазами с Иги, тотчас отвел взгляд.

У входа в пещеру женщины и дети отошли в сторону и уступили дорогу мужчинам.

Старые охотники положили добычу на середину пещеры и приступили к ее дележу. Остальные сидели и молча смотрели на них, а глаза их источали запах голода.

Голову зверя поднесли вождю и положили у его ног. Вождь взял ее, впился зубами в то место, где виднелись следы красной крови, и стал пить ее, как грудной ребенок молоко матери. Он закрыл глаза, и с лица его исчез запах злобы и появился запах тепла.

Охотники делили добычу, а Иги продолжал сидеть в дальнем углу пещеры.

Самый старый охотник по очереди подзывал собратьев, и, когда подошла его очередь, Иги молча сказал: «Сейчас позовут Иги».

Но самый старый охотник позвал другого, потом еще одного, а потом еще. И только тогда, когда получил свою долю маленький Зу, позвал он Иги.

Иги встал.

Вождь перестал пить кровь зверя, но не оторвал рта от окровавленной шеи, приоткрыл один глаз, посмотрел на старых охотников, и с лица его исчез запах тепла и появился запах злобы. Потом он встал, положил голову зверя на Камень Вождя и вышел на середину пещеры в тот самый момент, когда Иги взял свою долю мяса из рук самого старого охотника.

Все следили за вождем.

Вождь зло оскалился, показал свои длинные зубы, посмотрел снизу вверх на Иги и в мгновение ока вырвал мясо из его рук.

По пещере пробежал удивленный вой.

— Иги не был на охоте, — сказал вождь, вернулся на свое место, положил голову зверя на колени, уперся в нее локтями и стал рвать зубами долю Иги, поглядывая на него одним глазом.

Все, и даже старые охотники, смотрели теперь на Иги.

Иги овладела злостью, волосы его встали дыбом, он крепко стиснул в руке дубину и поднял ее над головой. Вождь тотчас перестал есть, схватился за дубину, но так и не встал с места.

Вдруг откуда-то появился запах спокойствия. Он закружил вокруг Иги, потом прокрался в него и прогнал из тела злость.

Иги опустил дубину и спокойно сказал:

— Иги не был на охоте потому, что вождь не взял его.

И вождь положил дубину и вновь принялся за долю Иги.

Тогда Иги подошел к нему, посмотрел на него сверху вниз и повторил:

— Иги не был на охоте потому, что вождь не взял его.

Вождь оторвался от мяса, крепко прижав его к груди, посмотрел на Иги, и у него было лицо охотника, услышавшего в лесу какой-то рев, но не сумевшего распознать, какому зверю он принадлежит.

Иги чувствовал, что в голове вождя проносятся какие-то незнакомые слова, но он не может связать и выстроить их по порядку, и в теле Иги молча возник победный клич. Вождь знал, что раз Иги не был на охоте, ему не полагается мясо. Теперь он узнал и то, что сам не взял его на охоту, но только никак не мог понять, почему он сделал это, ведь он не умел представить себе вчерашнего дня. Иги же знал это и спокойно ждал. Вождю должно было быть ясно, что отнятое мясо надо вернуть, но ему все-таки было жаль его, он упорствовал и не хотел уступать.

В пещере воцарилось молчание.

Иги молча ждал, зная, что у вождя не было другого выхода и он должен был вернуть мясо, но вдруг спокойствие его дрогнуло, и он почувствовал, как кто-то пристально смотрит на него, и лопаткам стало больно от настойчивого взгляда. Поначалу Иги думал, что это Зу, но потом понял, что ошибся. «Чей это взгляд кусает лопатки Иги?» — молча сказал Иги, и тут раздался голос Ни:

— Иги не такой, как другие.

А когда в пещере стих вой, Ни повторила:

— Иги не такой, как другие.

На этот раз никто не зарычал. В пещере воцарилась тишина и зазвенела в ушах.

Слова Ни, словно зубы лютого зверя, вонзились в Иги, в теле его вскрикнула боль, и он еле сдержал себя, чтобы не закричать самому, крепко стиснул зубы, закрыл глаза и стал ждать, пока утихнет боль.

Боль и вправду прошла, и Иги открыл глаза. В пещере по-прежнему стояло молчание, по-прежнему прижимал вождь к груди мясо и, разинув рот, снизу вверх смотрел на него. В расширенных глазах появилось удивление, к которому, как показалось Иги, примешался и белый страх.

Со всех углов пещеры на Иги смотрели глаза собратьев. А в теле его возникла красивая и теплая Ни. От нее исходил приятный запах, и Иги никак не мог понять, почему возникла именно эта Ни, а не та, сказавшая страшные слова.

Тем временем из глаз вождя исчезло удивление, он оторвал одну руку от мяса, схватил ею дубину и сказал:

— Иги не такой, как другие.
Никто не знал, что значили эти слова или откуда они появились, а знали только то, что они были такими же опасными и злыми, как «лютый зверь».

Вождь встал, занес над головой дубину и, продолжая держать одной рукой мясо, громко сказал:

— Иги не такой, как другие.
Теперь лопатки Иги почувствовали взгляд Зу, но взгляд этот не причинил ему боли. Иги немного удивился, но ему было не до этого — в глазах вождя вновь появились злоба и ярость.

В голове Иги засуетились слова. Они были теперь единственным спасением, ведь Иги знал, что не сумеет одолеть дубиной такого сильного вождя.

Иги взглянул в глаза вождю и смотрел до тех пор, пока в его свирепом взгляде не появилась тревога, а потом спокойно сказал:

— Иги такой же, как другие.
Вождь открыл рот, склонил набок голову, почти положив ее на плечо, и уставился на Иги. С лица его исчезал и вновь появлялся запах злобы, как исчезает и появляется на поле тень, когда под Дневным Оком проплывают облака. Потом он вновь поднял голову, сжал губы. Теперь у него было лицо охотника, который после долгих поисков набрел на след зверя, и он сказал:

— Иги не такой, как другие. Иги стоит прямо.
Ему не трудно было найти эти слова, ведь они стояли на самом видном месте.

Но у Иги был готов ответ, и как только вождь кончил говорить, Иги сгорбился, перетерпел боль, нусавшую его в спину, посмотрел в глаза вождю, спросил:

— Теперь Иги такой, как другие? — и ясно увидел, как пробежал по лицу вождя белый страх. Вождь отступил, и той рукой, которой держал мясо, тоже ухватился за дубину. Доля Иги упала к его ногам, а голова зверя покатилась и остановилась поодаль. Вождь, не отводя взгляда от Иги, протянул ногу, с трудом дотянулся до головы и подкатил ее к себе. Наконец он надежно упрятал голову и мясо Иги между ногами, это оскалился, взкинул дубину, но съезд злость проглядывал в его взгляде белый страх.

Иги выжидающе смотрел на него, но вождь молчал. Тогда Иги выпрямился, вновь сгорбился, и спросил его:

— Теперь Иги такой, как другие?
Страх убежал от вождя, с его лица исходил запах удивления, и, опустив дубину, он сказал:

— Теперь Иги такой, как другие.
И в это время тако Иги донесся голос Ни:

— У Иги есть такие слова, которых нет у других.
Вождь вновь схватился за дубину и оцетинился:

— Какие слова есть у Иги?

На спине Иги слились взгляды Ни и Зу, и он не мог понять, болело у него тело или нет — ему было тяжело оставаться в пещере и тянуло наружу.

Вождь весь напрягся и зло уставился на Иги.

И вдруг Иги овладело великое спокойствие, он устремил взгляд в пространство поверх всклопоченной гривы вождя и сказал:

— У Иги нет слов. Слов нет ни у кого. Слова это что-то, а что-то есть везде — в дереве, в море, в далеких вершинах гор, в зеленом запахе леса, в стебельке травы. Иногда оно появляется в голове Иги, оборачивается в ней словами и выходит из его рта. И разве с другими этого не случается? Разве не случилось такого с вождем?

— Нет. С вождем такого не случилось, — громко сказал вождь.

Иги невольно приоткрыл рот, от лица его запахло теплом, а в теле возник вождь, похожий на новорожденного, беспомощного, слепого детеныша зверя, который скулит и ищет слепыми глазами мать.

Иги встряхнулся, прогнал это видение, и посмотрел на вождя, к злему выражению лица которого и вправду примешалось что-то похожее на беспомощность слепого зверька, и Иги сказал:

— Это что-то во всем. И все — что-то. — И вдруг наплыли на Иги слова и вырвались помимо его воли. — Мир — это небо, но у мира лицо неба, лист — это дерево, но у листа лицо дерева, темнота ночи — это Ночной Глаз, но у темноты лицо Ночного Глаза. Все — это что-то, и, когда Иги видит что-то, тогда Иги — это все: и небо, и зверь и охотник. Иги во всем и все в Иги... Иги...

Но поток его слов остановил голос Ни. Она спросила:

— Иги и Ни?

— И Ни. Иги это все.

Вождь вздрогнул и отступил на шаг. Глаза его расширились, и Иги показалось, что и голос его стал громче.

-- Иги и вождь?

По пещере прокатился вой, но потом наступила еще более напряженная тишина.

Слова, остановленные голосом Ни, завертелись, смешались, превратились в какой-то странный ворох, и Иги еще больше захотелось выйти из пещеры, а тишина упорствовала и ждала ответа.

Иги закрыл глаза, замер, и встревоженное волнение угмонилось. Непонятный ворох распался в голове, и слова вновь

выстроились в цепочку. Тогда Иги открыл глаза и посмотрел на вождя.

— Иги знает что-то такое, чего не знают другие. Иги знает, что Иги — это все, и знает, что и другие — это все. Все живет в теле Иги, и он может вывести его оттуда. Иги покажет вождю, как все выходит из тела Иги. Пусть выйдет вождь! Пусть выйдут и стальные!

Иги повернулся и, выпрямившись, медленными шагами направился к выходу.

Поначалу никто не сдвинулся с места. Они словно окаменели, и Иги чувствовал, что все смотрят на него, но, ни разу не оглянувшись, вышел из пещеры.

Похвалиться-то он похвтался, но не знал, сумеет выполнить обещанное или нет. То, что случилось на берегу моря, случилось само по себе, и сами по себе возникли в теле Иги и вождь, и Ни, сами по себе вышли из него и легли на песок. Сейчас же он положился на судьбу, как охотник, который не сумел набрести на след и чутьем ищет зверя, и если она отвернется от него, гнев вождя будет страшным и яростным.

Здесь, на этом самом месте, Иги должен сделать то, что сделал на берегу моря.

Иги сел на корточки, вытянул указательный палец, и когда он коснулся земли, по телу его пробежала ледяная тревога. На берегу моря был мяккий песок, и палец Иги свободно скользил в нем, здесь же всего лишь твердая земля.

Иги придется бороться с вождем. К тому же и дубина его осталась в пещере.

Иги вскочил и хотел было повернуть назад, но оказалось поздно — у выхода из пещеры появился вождь. И пронеслись в голове Иги слова: «И если бы даже не осталась дубина в пещере, Иги не сумел бы победить вождя!».

Но тело искало спасения, и Иги не обращал внимания на слова. Глаза Иги забегали и наконец остановились на камне, ноги быстро подбежали к нему, и руки подняли... Иги пытался понять, что собиралось делать его тело, но оно убежало от него, и Иги больше не владел им. И только тогда, когда в руках его обломился поднятый камень, Иги догнал свое тело.

«И надо же было, чтобы именно мяккий камень попал в руки Иги!» — молча сказал отчаявшийся Иги и выпустил камень из рук. Обломок упал на землю и раскололся.

Иги пригляделся к обломкам, и вдруг голова его озарилась ярким светом, и тут сам он превратился в свет, рассыпался на мелкие кусочки, прокрался во все, обратился всем, и все превратилось в Иги. Теперь мир и Иги представляли собой единое целое.

Иги не помнил, как он упал на колени и взял в руки большой обломок камня, потому что, когда Иги снова стал Иги, он уже держал его в руке и торопливо скреб ногтем. Ноготь оставлял на камне бледный след, а в теле что-то громко стучало.

Когда камень был исцарапан полностью, Иги остановился и присмотрелся. Та рука, которая сребрала камень, шарила те-

перь по земле рядом с Иги и что-то искала. Наконец она нашла обломок твердого камня и взяла его.

Иги перевернул камень на другую, не исцарапанную сторону, провел по ней твердым камнем, и след от него остался более четкий и глубокий, чем от ногтя.

В теле опять что-то застучало. И подняв голову, Иги увидел, что все уже вышли из пещеры и смотрели на него.

От лица Иги повеяло теплом, и он повернулся к вождю.

— Какой камень взять Иги?

Вождь посмотрел на Иги, склонил голову, набок, почти положив ее на плечи, крепко сжал дубину и сказал:

— Тот, который он захочет.

Иги выбрал плоский камень, осторожно приподнял его, чтобы он не обломался и показал вождю.

— Вождь видит этот камень? Иги может взять из своего тела и положить на него все, что только вождь ни пожелает.

Вождь открыл рот, отступил на шаг и посмотрел на собратьев.

— Что взять Иги из своего тела?

Вождь держал дубину наготове, но не смотрел на Иги, а уставился в землю. Наконец он промолвил:

— То, что ему хочется самому, — и отступил еще на шаг.

— Хорошо, — сказал Иги, опустился на колени, положил мягкий камень на землю, придавил его одной рукой, взял в другую твердый острый камень, закрыл глаза и призвал к себе Ни.

И она пришла. Ни была красива. Тогда Иги открыл глаза и осторожно провел заостренным камнем по мягкому.

Ни исчезла из тела и появилась на камне.

Вокруг стояло такое молчание, словно ни одной живой души не было рядом.

И когда Ни появилась на камне, Иги встал, посмотрел на нее, поднял камень и повернулся лицом к собратьям.

Тут поднялся такой визг, будто напал на племя лютый зверь, и в мгновение ока все ворвались в пещеру.

Только один Зу остался. Он стоял и не отводил глаз от Ни.

«Почему Зу не страшно?» — молча спросил себя Иги, и только хотел он было сказать это, как из пещеры показалась голова вождя.

Он посмотрел на лежащую на камне Ни, исчез, но вскоре появился снова, постоял некоторое время на пороге, потом приблизился и остановился поодаль.

Тогда вышли и остальные и встали за ним.

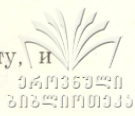
— Каменная Ни не опасна, — сказал Иги.

Вождь оскалился, и по лицу его пробежал цвет злости.

— Вождь не боится, — громко сказал он, быстрыми шагами подошел к Иги, взял из его рук камень и, посмотрев на каменную Ни, сказал:

— Каменная Ни не опасна, — потом повернулся к Иги и угрюмо посмотрел на него. — И каменного вождя выведет Иги из своего тела?

— Выведет, — сказал Иги.

Вождь вернул каменную Ни Иги, крепко сжал дубину, и в глазах его появился цвет угрозы.

— Тогда пусть Иги выведет вождя.

Иги положил каменную Ни на землю, нашел другой мягкий камень, встал на колени; закрыл глаза, призвал к себе вождя и, когда вождь наконец пришел, открыл глаза и приступил к делу, постоянно чувствуя на себе взгляд Зу, стоявшего где-то рядом.

А когда вождь полностью перешел из тела Иги на камень, Иги встал, поднял его и показал всем.

На этот раз послышался только протяжный вой, и никто не убежал.

Вождь взял у Иги каменного вождя и посмотрел на него. Огромная грива вождя разметалась по плечам, и у него были злые глаза.

— Теперь у Иги в теле больше нет вождя? — спросил он.

— Есть, — ответил Иги.

— Но он ведь вывел его оттуда, — сказал вождь, смотря в глаза Иги.

— Все равно есть, — повторил Иги, — до тех пор, пока существует Иги, будут там и Иги, и вождь, и Ни, и все остальное. И у вождя в теле есть Иги, вождь — это Иги и Иги — это вождь.

— Нет. Вождь не Иги, — громко закричал вождь и схватился за дубину, а каменный вождь выпал у него из рук и, упав на землю, раскололся пополам.

Вождь завыл. Завыли и остальные, подбежали ближе и устались на расколотого надвое вождя. Вождь наклонился, посмотрел на обломки вождя каменного, повертел их в руке и, взглянув сперва на Иги, а потом на собратьев, вновь усталился на обломки, на одном из которых виднелась верхняя половина вождя, и на другом нижняя, и вдруг он замахнулся и вышвырнул их, они упали в кусты, и оттуда донесся звук расколовшегося камня, сопровождаемый дружным воем.

Иги чувствовал взгляд Зу.

— Когда всплывет на небо Дневное Око, посмотрит на мир и снимет с него плену тьмы, Иги поднимется на высокую скалу и низойдет в пасть Большого Сна.

Подобного пока не говорил ни один вождь. Иги понял — что-то новое родилось в мире, это — вождь родил новые слова. Иги чувствовал, что никогда не умрут эти слова, и каждый последующий вождь будет держать их в голове, словно грозную дубину.

Вокруг царило молчание. Иги отвел взгляд от вождя и приковал его к высоте далеких гор. Великое спокойствие гор постепенно изгнало тревогу из тела.

Все были сгорблены, но вождь сильнее всех. У него был узкий плоский лоб, грозный оскал зубов, а длинные руки его почти волочились по земле. Он переступал с ноги на ногу и раскачивался на месте.

Иги знал, что должен или покориться вождю, или схватиться с ним. Последнее было бессмыслицей — даже сильные звери убегали в страхе при виде такого вождя.

А вождь смотрел на Иги и ждал.

Кто-то вынес Иги из пещеры дубину и положил у его ног. Иги взял ее.

Вождь напрягся и сжался.

И даже если бы у схватки был какой-то смысл, Иги все равно отказался бы от нее — в теле его царило великое спокойствие, и ничто не в силах было нарушить его.

Иги бросил дубину оземь и повернулся к вождю спиной.

Тогда и вождь опустил дубину и вошел в пещеру. Остальные последовали за ним и вновь принялись за еду. Вождь съел сначала долю Иги, а потом и свою.

* * *

Иги лежал с закрытыми глазами, но не спал.

Он часто бывал на скале Большого Сна, но никогда не поднимался выше ее середины, а останавливался там, где растет последнее дерево. Когда кто-то поднимался на вершину скалы для того, чтобы низойти в пасть Большого Сна, остальные останавливались там, где растет последнее дерево. А если кто-то засыпал Большим Сном прямо в пещере, на вершину скалы поднимали его мужчины; они раскачивали его из стороны в сторону, держа за руки и за ноги, а потом выбрасывали в пасть Большого Сна. Иги и в это время оставался вместе с остальными там, где растет последнее дерево. А теперь пришла его очередь. Когда всплывет на небо Дневное Око, Иги поднимется на скалу Большого Сна и никогда не вернется назад.

А остальные? Остальные вернутся? В тело Иги прокралось большое удивление и вытеснило все остальное.

Как же они вернутся, если Иги больше не будет? Как они будут существовать, охотиться, как будут говорить? И как зазверкает в траве круглая капелька, и как придет на землю дождь?

Существование чего-либо казалось невозможным без существования Иги.

А может, Иги все-таки будет существовать? Может, он не исчезнет полностью? Может, то, что есть у Иги, и лес, и море, и небо и все остальное, останется на свете?

В пещере послышался какой-то шорох. Иги открыл глаза. В углу пещеры возникла какая-то тень.

«Она похожа на Зу, — молча сказал Иги. — Куда Зу идет?».

Зу осторожно пробирался среди лежащих на земле собратьев и, приблизившись к Иги, остановился. Иги закрыл глаза и притворился спящим. От взгляда Зу повеяло теплом. «Что нужно Зу?» — спросил молча Иги. Потом взгляд Зу удалился, и Иги открыл глаза. Зу достиг выхода и вышел из пещеры.

Иги старался уснуть, но не мог. Он долго мучался, наконец встал и на цыпочках вышел из пещеры. Зу нигде не было видно.

«Что-то останется от Иги, — молча сказал он, — только Иги не знает что... Куда мог пойти Зу?»

Ночной Глаз рассыпал по земле сверкающие лучи и осветил ее.

Иги сел под дерево, прищурился, и еще больше засверкали лучи.

«И Дневное Око, и Ночной Глаз тоже опускаются в пасть Большого Сна, — молча указал Иги, — а куда они идут потом или почему появляются вновь на вершине лысой горы? А если бы Иги вместо каменной Ни оделал каменного злого зверя, и тогда осмелился бы вождь выйти из пещеры? Если бы Иги сделал злого зверя, они, наверное, не то что спрятались бы в пещеру, а их бы и вовсе след простыл! А куда пошел Зу? Останется что-нибудь, когда Иги исчезнет, или нет? А что осталось от Старого вождя, когда он исчез с вершины горы? След? Нет, след это совсем другое дело. Может, осталось то, что Иги говорит: «Старый вождь»? Если бы не было Старого вождя, Иги не мог бы сказать «Старый вождь». А так как Старый вождь был и исчез, то Иги может сказать: «Старый вождь».

Из-за кустов послышался какой-то шорох. Иги наострил уши.

«Это, наверное, Зу», — молча сказал он и тихо позвал: — Зу!

Шорох превратился, и вскоре державшая что-то в руках тень Зу пробежала мимо.

«Зу унес камень», — молча сказал Иги и еще раз окликнул его:

— Зу!

Но Зу не обернулся, он, прижимая камень к груди, припустил бегом что есть силы и вскоре затерялся в лесу.

Иги встал и направился к тому месту, откуда послышался шорох. Под кустом валялись обломки каменного вождя, сложенные кем-то, и не хватало всего лишь нескольких обломков — тех, которые были узким лбом и ногой вождя, потому что теперь у каменного вождя не было лба и одной ноги.

Вот, оказывается, что нужно было Зу!

Иги вышел из кустов и заметил у входа в пещеру какую-то тень.

«Она не похожа на Зу, — молча сказал Иги, — она похожа на Ни».

И в теле Иги возникли слова Ни: «Иги не такой, как другие». И от слов Ни стало Иги больно.

Ни заметила Иги и направилась к нему.

— Ни увидела, как Иги вышел из пещеры, — сказала она, — Ни пошла за ним.

Ни была красива, и Иги почему-то стало больно от ее красоты.

— Что нужно Ни?

Ни тихо ответила ему:

— Ни хочет быть с Иги.

В теле Иги возникла Ни, которая легла на спину и закрыла глаза.

— Хорошо, — сказал Иги, — пусть Ни ляжет.

— Нет, — сказала Ни и посмотрела на Иги, а лицо ее

источало какие-то непонятные лучи. — Ни не хочет лежать с Иги.

Иги удивился.

— Тогда что же Ни хочет?

— Ни хочет быть рядом с Иги. Ни хочет сидеть с Иги под деревом.

«Что произошло с Ни?» — молча спросил Иги и внимательно посмотрел на нее.

Раньше, до того как на берегу ручья случилось то, что случилось, Иги хотел молча сидеть с Ни, хотел, чтобы все слова спали в это время. Но, наверное, хотелось ему этого потому, что Ни была теплая и красивая, или потому, что Иги оказывается, был не таким, как другие. А что же произошло с Ни? Неужели и Ни не такая...

Иги встряхнул головой и прогнал слова.

Потом они сели под дерево и сидели молча. Наконец Ни сказала:

— Иги сделал каменную Ни? А где она сейчас?

— Иги оставил каменную Ни здесь, — сказал Иги, и вдруг в его теле возник Зу, который держал в руках камень и убежал в лес. «Он нес каменную Ни, — молча сказал Иги. — Для чего нужна Зу каменная Ни?» — А потом громко добавил: — Наверное, она где-нибудь здесь.

— У Иги есть удивительные слова, — прервала молчание Ни, — Ни хочет услышать удивительные слова.

От Ни повеяло теплом, и вдруг она стала такой, какой была до того, как на берегу ручья случилось то, что случилось.

Иги завернулся в приятную теплоту Ни и сам превратился в тепло. Тепло овладело всем, и теперь все было теплом, теперь все было Иги и все было Ни.

Рука Иги нашла вздрагивающую время от времени руку Ни и легонько сжала ее.

— Когда Иги смотрит на Дневное Око, Иги рад Ни, — спокойно сказал Иги, и слова шелестели, словно лес, когда пробегают по нему ветерок. — Когда Иги смотрит на Ночной Глаз, Иги скучает по Ни. У Ни глаза, как дремлющее море, у Ни волосы, как опавшие листья. Когда Иги один, Ни возникает в его теле и Иги не бывает один. Когда Иги чувствует дыхание Ни, ему кажется, что ее дыхание это то, отчего все становится одним и тем же, отчего Иги во всем и Ни во всем...

Рука Ни слегка дрожала, и она прошептала, словно ветер:

— Иги не такой, как другие. Иги хороший.

* * *

На середине скалы, там, где растет последнее дерево, все остановились.

Иги продолжил путь в одиночестве.

Он шел медленно, выпрямившись и откинув назад голову. Вершину горы освещало только что проснувшееся Дневное Око, и Иги ясно различал каждый куст, каждую травинку, каждый комочек земли.

На вершине скалы было светло.

Иги шел медленно.

Эта дорога с давних гор была уготована Иги. Он должен был выпрямиться, а потом, выпрямившись, взойти на скалу Большого Сна. Потому и подавали ему голос далекие вершины: «Пусть Иги выпрямится!». Потому бормотало безбрежное море: «Пусть Иги выпрямится!». Потому кричали ему небо и два его глаза: «Пусть выпрямится Иги!». И удивительный запах Ни требовал от него того же.

Иначе быть не могло. Иги должен был выпрямиться, а потом подняться на скалу Большого Сна.

Вождь ждет внизу, там, где растет последнее дерево. Ждут и остальные.

«Иги сильнее вождя», — вдруг неожиданно для себя молча сказал Иги, и ему захотелось оглянуться. Но он не оглянулся.

Он спокойно поднимался к вершине.

«Если б Иги знал и то, что останется от него, когда он исчезнет с вершины скалы, — молча говорил Иги, — тогда все было бы так, как вчера, когда Ночной Глаз рассыпал по земле сверкающие лучи, и Иги сидел рядом с Ни под деревом. Но Иги не знает этого. От Старого вождя остался след. Но тогда шел дождь. Сейчас же дождя нет, и от Иги не останется следа... Хотя, след это совсем не то, след это не то, что должно остаться после Иги».

Иги достиг вершины.

А те, остальные, ждут внизу, там, где растет последнее дерево.

Иги обернулся так резко, будто что-то подтолкнуло его, и вдруг вздрогнул.

На тело его набежала теплая волна, и до того, как глаза его успели разглядеть то, что они увидели, слова молча сказали: «Иги знает, что останется после него!».

Там, внизу, уставившись в землю лужками лбами, стояли его братья и смотрели снизу вверх на Иги, а длинные руки их почти волочились по земле.

А в самом конце, позади всех, стоял Зу — стоял, выпрямившись, расправив плечи, с высоко поднятой головой и спокойно смотрел на вершину горы.

И Иги понял, что громче всех, громче глаз неба, громче моря и леса, взмолились в его теле спорбленные, уколобые братья: «Пусть Иги выпрямится!».

В тело Иги с невероятной быстротой ворвалось бесчисленное племя — их лучистые глаза смотрели в небо, все они стояли, выпрямившись и расправив плечи. И это странное племя ворвалось в тело Иги, чтобы осветить все в нем.

А Иги смотрел и на Зу, и на это лучистое племя, и на свое освещенное тело.

Потом он сделал шаг назад. Лицо его источало тепло. Сделал еще один шаг и, не почувствовав под собой земли, молча сказал: «От Иги осталось то, что в Иги было Иги».

НАЧАЛО

П о в е с т ь

Уйти! Исчезнуть! Никогда больше не появляться! — по моему лицу текут слезы, и я рыдаю во весь голос. Не останавливаюсь и бегу без оглядки. Деревня уже далеко, давно умоляй собак, но я все бегу, опустошенный и взвинченный. Слово во сне сменяют друг друга поля и рощи. Я падаю навзничь, как змея, обвивают меня трава и корни деревьев. Вскаживаю, вновь бегу, они еще сильнее держат меня, и я качусь вниз по склону, натыкаюсь на что-то холодное и большое, чувствую острую боль в затылке и успокаиваюсь.

...Красный велосипед, мчится мой красный велосипед. Кружит над маленькой поляной. Я, словно орел, то взмываю ввысь, то опускаюсь на землю.

...Красный велосипед, летит мой красный велосипед. Я кружу над маленькой поляной, вновь исчезает велосипед, грушевое дерево усыпано деревенскими ребятами, все показывают на меня пальцем и смеются, просто умирают со смеху.

Я падаю. Слово спелые плоды шелковицы, осыпаются мальчишки с дерева, ломаются ветки. Разодрав себе лицо, руки и ноги, я внезапно оказываюсь в воде. Встаю. Мальки щиплют меня за ноги, мне щекотно, и я смеюсь до слез, вода подступает ко рту, потом подымается выше, еще выше. Окруженный рыбами, со связанными ногами, сижу я в центре большого аквариума и стараюсь дышать. Мне не хватает воздуха. Одна лишь вода, повсюду вода. Я задыхаюсь.

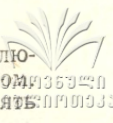
Рыбки? Нет. Это не рыбки. Это собаки. Они разрывают меня на части, а у меня связаны руки и ноги...

Я скатился в обрыв. Откуда-то издалека слышу голос дяди Тедо. Лежу в синей комнате и наблюдаю за тонкой полоской света, падающей из-за занавеси.

Красивая женщина в белом халате пристально смотрит на меня и шепчет что-то непонятное. Всматриваюсь и узнаю — это же Гванца.

Окончание. Начало в № 4.

— Гванца, — хочу я позвать ее, но рот у меня полон слюны и крови, и я что-то бормочу странным и хриплым голосом. На шум в палату входят Гванца, мама, папа, врачи, и я опять погружаюсь в огромный аквариум.

Это был мой первый побег из дому. А три года спустя я еще раз убежал потому, что папа обвинил меня в воровстве, сказав, что я присвоил сдачу. Мы почти не разговаривали друг с другом. И большей частью общались через маму.

— Неужели, тебе не стыдно, что с тобой происходит? — частенько выговаривала мне она. — Раньше тебя невозможно было оторвать от отца, так ты к нему лип, а теперь и смотреть на него не хочешь!

— Оставь меня в покое, мам...

— Все вы такие — и ты, и твоя неблагодарная легкомысленная сестрица. Оставь его в покое!.. Хм. Можно подумать, что мы с папой только тем и заняты, что беспокоим вас! Что с вами происходит, ума не приложу. Неужели ты совсем ничего не понимаешь?

— Понимаю, мама, понимаю. Оставь меня!

— Оставила, уже давно оставила! Может, ты мне все-таки скажешь, куда ты отправляешься и чего вдруг оделся?

— К Татии иду. Я ей пластинки обещал.

— Да ну тебя с твоей Татией... Почему ты во всем такой непутевый? Разве Татия тебе пара? Я ведь прекрасно знаю, за что эту паршивку выгнали из института. Хотя ей-то что от этого, отец и второй раз ее устроит. Посмотрим, что ты запоешь, когда тебя из десятого класса вытурят и останешься без аттестата. Вот увидишь, тогда тебя твоя Татия и на порог не пустит.

— Я пошел...

— Смотри, не опаздывай! А то приду и за шиворот выволоку...

— Мама!..

— Ладно, ладно... Не опаздывай. Вечером на нашей улице полно бандитов. Ты что, забыл, как тебя избili в прошлом году...

— Я пошел...

— Подожди, — говорит мама. Достает из передника деньги и засовывает мне в карман куртки. — Приезжай на такси! Да смотри, не трать много! — строго говорит она и кладет мне во второй карман пятерку.

Я наконец-то выхожу и в сердцах, как отец, хлопаю дверью. Я больше так не могу! Сыт по горло! Когда же наконец кончу я эту школу и стану свободным?! Поеду куда-нибудь, в Москву, или в Ленинград, чтобы избавиться навсегда от каждодневной опеки, и заживу спокойно.

Татия ждала меня. Она вышла в палисадник перед домом, и лепила снежную бабу. Когда она увидела меня, идущего по улице, радостно помахала рукой — перелезай, мол, через забор, не обходи! Я перелез через низенькую узорчатую ограду. Из-под заснеженного куста выскочил щенок со сплюсненным носом и с радостным лаем завертелся в ногах.

— Это твой, Татия?

— Нет, вот его, — она стукнула по плечу неподвижно стоящего рядом со снежной бабой коренастого мужчину которого я где-то видел.

— Познакомься, мой друг!

Тот сделал движение мне навстречу.

— Ах, не двигайся! Потом успеете раскланяться! Леплю скульптуру, — оправдываясь, улыбнулась мне Татия и стала скатывать в руках ком снега. Мужчина стоял, не двигаясь.

— Тамаз, — сказал он мне и слегка кивнул головой.

— Ника!

Он опять слегка кивнул мне и застыл в неподвижности.

«Кого он мне напоминает? Боже, кого он мне напоминает?» — думал я. Бесцветные глаза, прямой, широкий в переносице нос и тяжелый выдвинутый вперед подбородок. «Знакомое, очень знакомое лицо», — вновь подумалось мне.

— Ник! Как я ждала тебя! Ты же знаешь, я только тебе и верю... — Татия была в своей стихии. Она сделала «скульптуре» подбородок потолще и подмигнула мне, косясь на Тамаза. — Знаешь, я еле уговорила его!.. — Еще раз обошла она вокруг снежного истукана. — Он чуть с ума не сошел, когда я сказала, что собираюсь лепить с него снежную бабу! — Татия еще больше утолщила подбородок «бабе». — Мне, говорит, сказали, что я похож на Наполеона, я ему доказываю, что его собачонка похожа на Наполеона гораздо больше. Одним словом, извел меня, пока согласился, чуть ли не до слез довел!.. А утром заявился ко мне с компанией — поднимаемся, говорит, на Мтацминду. Я и говорю, гони их всех к черту и приходи один. А он, смотри, какой бессовестный!.. Сначала не хотел быть натурой! А ты как думаешь, говорю ему, с чего это я вдруг сказала, чтобы ты один приходил, — улыбнулась она Тамазу. — Может, тебе что-то другое подумалось?

Тамазу, видимо, в одно и то же время и подумалось и нет.

— Может быть, ты обо мне плохо думаешь? — смело уставилась ему в глаза Татия.

— Да нет, — наконец подал голос Тамаз.

— Тогда продолжим.

— Татия, мне холодно! — сказал я.

— Скажи, что здесь нужно доделать, и мы пойдем.

— Кофе у тебя есть?

— Есть.

— И рюмочка коньяка найдется?

— Поищем.

— Пошли, и давай поговорим о твоём произведении в более теплой обстановке.

— Коньяк я принесу, он у меня в машине, — обрадовался Тамаз и побежал в конец сада. Татия грустно проводила его взглядом.

— Он похож на взрослого мужчину, не правда ли? А знаешь, сколько ему лет? Всего двадцать шесть.

— Почему ты смеешься над ним?

— Что?

— Почему ты смеешься над ним, делаешь из него рака?

— Это для тебя он взрослый, но не для меня, — засмеялась Татия. — Несчастный Ромео...

— Он что, влюблен?

— А как же! Словно тень, по пятам ходит. Хотя ничего себе не позволяет. Даже в любви не сумел мне признаться.

— Бедняжка.

— Кто, Тамаз? Да он пол-Тбилиси продаст, стоит мне только слово сказать.

— Нет, не Тамаз.

— А кто же?

— Твой муж...

Татия засмеялась. Наклонилась, зачерпнула рукой снег, бросила его мне в лицо и убежала. Увидев, что я не иду за ней, остановилась. Вернулась медленно, развязной походкой, встала у меня за спиной, положила на плечи руки и вздохнула.

— Ник...

— А?

— Уж не собираешься ли ты стать моим мужем?

— Нет!

Татия обняла меня сзади, и я почувствовал за ухом ее теплое дыхание, от которого по всему телу пробежала дрожь.

— Не выношу влюбленных. У них у всех какое-то дурацкое выражение лица. И никогда не знаешь, кто какую глупость выкинет.

— Ужасный народ!

— Да, страшный!..

— А я? — переспросил я, помимо своей воли, и меня вновь передернуло.

— Ты, нет! Ты, нет! Хотя ты тоже сумасшедший, и похлеще остальных, к тому же умный и коварный. Но таким ты мне нравишься даже больше. Тебе всех жалко. Даже этого придурка Тамаза, а тебя никто не пожалеет!.. Ты не позволишь себя жалеть!.. Вот почему!.. — Татия поцеловала меня в мочку уха и больше не поднимала головы. Так мы и стояли.

С лаем подбежала к нам японская болонка, и появился Тамаз с коньяком и шампанским в руках. Он приближался с бессмысленной улыбкой на лице, посматривая на верхушки деревьев над нашей головой. Он делал вид, будто ничего не видел и ничего не слышал. Мне казалось, что Татия вздрогнет, увидев его, и отпустит меня. Но мне это только казалось. Наоборот, она еще сильнее прижалась ко мне, и я вновь ощутил возле уха ее дыхание и горячие, влажные губы. Тамаз смотрел на нас, а Татия, словно нарочно, еще сильнее льнула ко мне.

— Это ты не меня целуешь, Татия!.. — Я чувствовал, что постепенно закипал во мне гнев, и от злости багровело лицо.

— Не выбирай впредь меня, если хочешь целоваться назло другому.

— Не хочешь, возьму обратно! — она лизнула кончиком языка мочку уха. — Ты — злючка, — проговорила она обиженно и слегка укусила меня в мочку. — Тамаз! Тамаз! — крикнула она ему вдогонку. — Иди, иди сюда, — прошептала она, — хочешь, скажу тебе новость.

Тамаз стоял перед нами. Закоченевшими руками прижимал к груди бутылки и смотрел куда-то вдаль, мимо нас.

— Тамаз!.. Я призналась Нике в любви!

— А?..

— Да!.. И знаешь, что он мне ответил?

— Нет!.. — прошептал он, побледнев.

— Как я могу жениться на такой сумасшедшей!..

— А?.. Да?? Как же это?.. — вдруг радостно, словно младенец, засмеялся Тамаз.

Потом смеялись мы все. И я, и Татия, и Тамаз. Японская болонка, к нашему удивлению, стала кувыркаться, и мы теперь смеялись над этим. Потом мы пили кофе с коньяком. Потом шампанское. Тамаз неожиданно подружился со мной. Мы сидели в обнимку и пели.

Когда я возвратился домой, мама встретила меня, стоя у окна. Она обрадовалась мне, но от окна не отошла.

— Гванца не приходила... — прошептала она.

— Давно ушла?

— В шесть часов за ней зашла Додо. Они пошли к кому-то на день рождения. И вот я жду вас, — сказала она сердито.

А за окном по-прежнему шел снег. Но теперь вместо крупных ленивых хлопьев пошел мелкий, частый. Ничего не видеть за белой завесой. Даже дом Хасана скрыт за ней. А мать по-прежнему стояла у окна. Стояла и ждала. Я осторожно прошел к себе. Зажег свет, съел простоквашу, разделся, надел длинный халат, в котором я обычно щеголял в бассейне, и пошел в ванную. Открутил до конца кран с горячей водой. Хлынул кипяток... Ванная наполнилась паром. Я разбавил кипяток холодной водой. Пар вмиг исчез и стал стекать крупными каплями по зеркалу и кафельным стенам. Я налил в воду пол-бутылки хвойного экстракта, размешал воду рукой, и коричневатая с зеленцой вода приятно запахла. Я закрыл оба крана и осторожно, сначала левой, а затем правой ногой влез в ванну. Ноги горели, а выше колен мне стало холодно. Я оперся руками о край ванны и осторожно, миллиметр за миллиметром, как во время замедленной съемки, опустился на дно ванны. Кожа незаметно успокоилась, я выпрямил скованные в коленях ноги и разлегся.

Дома у нас только мы, молодые, пользуемся ванной как положено. Отец купается быстро, по-военному, а мать использует ванну больше для полоскания белья. А у меня с Гванцей идет постоянная война из-за того, кто дольше засидится с книгой в туалете и дольше будет нежиться в ванне. В последнее время Гванца стала заносить книгу и в ванную. Пояжет голову полотенцем, уляжется преспокойно в ванну и читает, пока вода не остынет совсем. И этому научил ее я. Она больше увлекается детективами — серьезную лите-

ратуру, мол, буду читать, когда перейду на пенсию. И полку для книг в ванной сообразил я — трудно ведь все время держать книгу в руках. Во-первых, она непременно намочится, а во-вторых, какое это удовольствие, если будешь все время читать в напряжении и думать о том, чтоб не опустить руки в воду, и голову не положишь как следует на надувную подушку, шею удержишь прямо, как взведенный курок. То потеряешь строчку, то надо перевернуть страницу, а то и книга свалится в воду и потом жди целый день, чтобы она просохла на горячей батарее.

Сделать-то полку я сделал, но пользуется ею больше Гванца или же мама использует ее как подставку для тазика со стиркой. И вообще у меня есть такая привычка — придумую что-нибудь, потом долго возжусь со своей затеей, найду все, что необходимо для этого, сделаю и тут же позабуду. Так собрал я небольшую модель самолета, коротковолновый транзисторный приемник, а в нашем саду я целых две недели ломал голову над тем, какую провести ирригационную систему, чтоб все деревья одинаково получали воду. И придумал-таки, а потом забросил. Вообще-то надо было только иногда прочищать канальчики от глины и ила, не более. И весь сад поливался бы равномерно... А я забросил... Мы теперь снова поливаем деревья из длинного резинового шланга. И так во всем: задумаю что-то, теряю покой, день и ночь занимаюсь этим. Но едва сделаю, закончу работу, она тотчас становится для меня неинтересной, к тому же я вовсе не забочусь о том, какая судьба постигнет мою выдумку... Я думал об этом и еще о многом, когда вдруг вспомнился мне Тамаз. Он не понравился мне с первого взгляда. Почему? Может быть, я приревновал его? Нет, не потому! Я многих ребят видел с Татией, но ни один из них не вызывал во мне такой неприязни! К тому же мы ведь друзья! Недавно и Татия сказала:

— Если бы ты знал, как мне всё и все надоело! Я рада, что хоть перед тобой мне не нужно притворяться счастливой, что у нас с тобой чистые взаимоотношения...

Татия... Я нередко пытался представить себе наши взаимоотношения иными, но у меня ничего не выходило.

И Татия сказала однажды: я видела во сне, как будто у нас с тобой любовь и тотчас проснулась от страха.

— Чего ты испугалась? — спросил я, но она не ответила.

— Я не могу сказать тебе этого, это чисто женская тайна...

Хоть мы и друзья, но и я не говорю ей всего, и у меня есть свои тайны...

— А что ты видишь во сне?

Когда она задала мне этот вопрос, я солгал: — Ничего... Она удивилась. Если бы я рассказал о своем красном велосипеде... Мой велосипед... Интересно, встретится мне в жизни человек, кому я смогу поведать свои самые сокровенные желания, мечты, думы...

Татия и Тамаз? Нет! Это — невозможно! Просто Татия любит, чтобы рядом всегда кто-то был, и ей почти безразлич-

рекаемым. Так я и рос в обстановке беспрекословного подчинения. Прошло несколько месяцев с того памятного дня, и я уже не знаю, как назвать его: трагическим или счастливым.

После этого я всегда вспоминаю тот злосчастный летний вечер, когда, обиженный на Гванцу, покинул я церковный двор и вернулся домой. Я не должен был убежать тогда, я, наверное, должен был ворваться в комнату и швырнуть в моего отца утюг или тяжелый стул.

После того, как меня побили в тот раз, я привык ходить с поднятой головой. Я уже никого не стеснялся и не боялся.

— Ваш мальчик стал наглее, — говорили часто маме учителя, привыкшие к моей покорности, терпению и безмолвному подчинению. А самое ужасное что, пострадав от отцовского деспотизма, мама проповедует теперь покорность и послушание.

Может быть, я слишком категоричен в своих суждениях, но я предпочитаю покорности взаимное уважение и свободный обмен мнениями и моих детей, наверное, воспитаю в этом же духе.

Однажды я сказал это маме. Сначала она засмеялась, а потом всю неделю допытывалась, чем она меня обидела?.. Не поняла она меня! Для мамы я, наверное, навсегда останусь тем неспособным к сопротивлению, безынициативным маленьким мальчиком, каким она меня воспитала.

Мне стало холодно, и холод отрезвил меня. Видимо, я задремал. Вода совсем остыла. Я поднялся, выпустил из ванны воду и открыл теплый душ. Быстро ополоснулся. Потом перекрыл горячую воду. Выдержал несколько секунд под холодными струями душа и как ошпаренный выскочил из ванной. До красноты растеря махровым полотенцем. Рядом скрипнула дверь уборной, потом донесся звук спускаемой воды. «Гванца пришла!». Только она могла сначала спустить воду, а потом запереть дверь. Я надел халат и тихо вышел в свою комнату. Мне не хотелось присутствовать при очередной ссоре Гванцы и мамы. Или еще хуже, стать ее участником. «Сколько можно тебя ждать. Твой брат пол-Тбилиси обошел, искал тебя!...». И все в том же роде. И каждый раз все повторялось сначала, причем не только Гванца не верила маме, но она и сама не верила в воздействие своих слов. Я ушел к себе, потушил свет и лег. Мне было тепло и приятно. Пока я был в ванной, мама положила в постель горячую грелку. Если они сейчас войдут сюда, я сделаю вид, что сплю. Почему? Я ведь не боялся ни мамы, ни Гванцы. Их ссора мне ничем не грозила. Но я все-таки притаился. Может быть кому-нибудь другому я сказал бы, что это не мое дело, что я не имею права вмешиваться в женские склоки. Но ведь это ложь. Я боялся за свое душевное равновесие, за свой покой. И где? Дома... Среди своих, где никакая опасность мне не грозила. Так чем же я лучше тех уважаемых горожан, которые во время уличной драки срочно закрывают окна и гасят свет? Или тех, которые проходят по улице мимо вора, насильника или хулигана будто во всем беспрекословно соглашаясь с ним, и сво-

им бездействием еще сильнее раззадоривают, его. Потом они придумывают себе различные оправдания. Например, то, что мне вечно твердила мама: «Это не твое дело! Для этого существует милиция!... У тебя другие цели!...». И тысячу других подобных мудрых выражений. Но я не верю ей. Ведь это говорила не мама, это говорил ее страх, она по-своему защищала меня, старалась, чтобы я избежал опасности. Мама ведь совсем другая. А истинное свое лицо она проявляла там, где уж никак не получалось, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Мама всегда была рядом... Мама была рядом, а я стоял с разбитыми коленями. На противоположной стороне улицы держался поломанный велосипед. А мама бежала, опережая всех, и во всем винила себя одну... Мама была рядом. Я сидел под столом. Кулак отца громыхал по нему, а мама защищала меня, говорила, что это она открыла ящики и брала на себя все те проступки, которые ставились мне в вину и за которые меня ждало наказание. Мама была рядом, и когда я испугался злой собаки, она почувствовала и защитила меня. Избавила от опасности... Мама... Она не умела плавать, но вырвала меня у реки... Трое били одного, которого только она одна защитила... Так откуда же такое несоответствие между словом и делом? Подсознательно, наверное, и мама верила мне. Как часто она с радостью и восхищением смотрела на меня, когда я выходил победителем в соревнованиях по плаванию, и как она мрачнела, когда кто-то оказывался лучше меня, опережал меня, одерживал надо мной верх. С какой гордостью и трепетом показывала она гостям мои дипломы и награды!..

Здесь была тайна. И только я мог раскрыть ее, разобратсья во всем.

Из столовой время от времени доносились взволнованные голоса мамы и Гванцы. Шум постепенно усиливался. Если так пойдет дальше, то они разбудят отца! От одной мысли меня передернуло. Я ведь давно уже готовил месть. Я каждый день закалял себя, тренировал. Синяки мои еще не зажили, и я замазывал их крем-пудрой Гванцы, но я уже твердо решил никому ничего не спускать, даже самой малой обиды. И в особенности тем, кто причинил мне самую сильную боль, кто озлобил меня.

Я должен избить того человека, уничтожить его собственными руками. А потом его... Отца! Я не должен прощать ему ни одного слова, ни одного угрюмого взгляда, повелительного тона... Мы не были равны, и не стали бы равными. Мы должны уважать друг друга, а не безмолвно унижительно подчиняться.

Без этого я не стал бы человеком. Униженный и не пользующийся уважением в родном доме, в других местах я должен был ждать худшего. Сначала я думал уйти из дому и начать новую жизнь. Хотя, это был бы побег. Я спасался от отца бегством, спасался от его деспотизма, но ведь собственное «я», мой страх и покорность оставались со мной. И посторонние люди увидели бы в первую очередь мою трусость и робость.

Улица мне уже не казалась такой таинственной и загадочной, как внушала мне мама. Я даже познакомился и под дружил с «уличными мальчишками». Много дрался. А если бы чин было достаточно, тем более, если ты не молчишь, если тебе не страшно увидеть то, от чего все отворачиваются, если ты способен принять близко к сердцу чужую боль, чужие слезы.

Было ли мне страшно? Конечно, я боялся, да еще как! Когда я впервые увидел блеск лезвия ножа, у меня подкосились ноги. Хорошо еще, что все это длилось секунду. Помимо моей воли, схватил я кисть, держащую нож. А потом и к этому я привык. Наверное, так же привыкают к ядовитым змеям. Я выписал польский журнал и стал изучать приемы самбо. Перед плаванием я и мой приятель — «уличный мальчишка» — разминались, отрабатывая различные приемы. В скором времени к нам присоединилась вся группа. Напечатанные на тонкой бумаге журналы окончательно истрепались. Потом мы стали сами придумывать какие-то ситуации и даже начали тренироваться с настоящими ножами, но однажды нас застал тренер и категорически запретил подобное развлечение. А все началось через неделю после того избиения, когда мама послала меня за хлебом. У меня только-только зажило лицо. Был полдень. Торговали все булочные, но я все-таки направился в сторону ненавистного мне района. Там напротив булочной всегда околачивались одни и те же ребята. Все они были старше меня. А два-три моих ровесника были у них на побегушках. Они выбирали кого-нибудь из прохожих и всячески издевались над ним. Сначала они подсылали к избранной жертве маленьких, а потом и сами подходили. Меня они узнали еще издали. И как только ни измывались они надо мной!

Обычно я им жалобно улыбался. И думал лишь о том, как бы спастись. Когда же им надоело издеваться надо мной, они разрывали круг и выпускали меня. И в то же мгновение попадала в меня или кем-то мастерски запущенная сигарета, или огрызок яблока, или я получал от кого-то сильнейший пинок. В первый раз я полез было в драку, но меня вдруг остановили дружеской улыбкой и спросили: «Не обидело, мол, тебя что-нибудь», и до тех пор мило и дружелюбно разговаривали со мной, пока у меня сами собой не опустились руки и я не начал мечтать лишь о том, чтобы побыстрее исчезнуть отсюда. Я сам себя убедил в том, что я бессилен против них и всегда старался обойти это место... А в тот день, выйдя в первый раз на улицу после того, как меня избили, я направился прямо к ним. Меня узнали издали. Сначала они будто обрадовались, перебросились несколькими словами и приготовились к встрече. Я же вел себя так, словно никого не видел и то роился по делу, подобным образом мне иногда удавалось ускользнуть от них. Но этот день был иным, я шел к ним и не то чтобы отводил взгляд, а наоборот, внимательно рассматривал, на месте ли все мои мучители. Они не выдержали моего настойчивого взгляда. Возможно, тому причиной было мое посиневшее, избитое лицо, но все отвели взгляд. Я вошел в круг (в тот круг, откуда я всегда мечтал выбраться), поздно

ровался. Кое-кто ответил мне, потом я купил в булочной хлеб и пошел домой. С тех пор надо мной больше никто не смеялся.

Многие не боятся темной комнаты и тишины. Я же боялся. И не только потому, что сам испытывал чувство страха, а в основном и мама способствовала этому. Главное, рискнуть однажды и шагнуть в эту темноту. Первый шаг — самый трудный, самый главный... Я боялся, поначалу боялся. А потом сам же смеялся первым. Поборол Страх, или понял что-то? Нет, не это было главное. Я был связан, скован тысячью маленьких и больших цепей. Каждая новая победа над моим страхом радовала меня тем, что она разрывала эти цепи и толкала на преодоление новых препятствий.

Говорят, собака чувствует, кто ее боится, и именно его и кусает. Я уверен в этом, потому что не раз испытал это на собственной шкуре. Как бы я ни убеждал себя в том, что собака мне ничего не сделает, все-таки, приближаясь к ней, я испытывал страх, и лицо у меня начинало гореть. И конечно, других она пропускала, а на меня рычала и даже пыталась укусить. Однажды на углу улицы загнала меня в тупик одна безродная псина. Несколько раз она кидалась на меня, рычала и скалила зубы. И когда у меня уже не было пути к отступлению и я потерял надежду на спасение, произошел во мне какой-то перелом. Исчез страх, и место отчаяния заняли злость и решительность. Не помню, как я ринулся на нее. Собака убежала, испуганно визжа, а я, удивленный, разглядывал клочок шерсти, вырванный у нее из загривка... И люди, наверное, такие же. Когда ты боишься, противники чувствуют это за версту. Он и пальцем тебя не тронул, а ты уже его пленник, и он сделает с тобой все, что захочет. В таком состоянии тебя обуздает каждый. Не имеет значения, кто сильнее физически. Наверное, больше половины насилий совершаются потому, что одни добровольно обрекают себя на роль жертвы, а насильник, осмелевший от этого, превращается в еще более страшного и жестокого зверя. В это время единственное лекарство — боль. Не сделай я больно тому ощеренному псу, возможно, я до сих пор боялся бы собак. Я обнаружил еще одно сходство между собаками и людьми: еще ни разу не удавалось мне увидеть, чтоб огромный, убежденный в собственной силе, царственно шествующий дог когда-либо бросился на кого-нибудь или же залаял без причины. А маленькая, слабая собачонка все тявкает и только и мечтает о том, как своими маленькими зубками схватит кого-нибудь за штанину (в особенности тогда, когда ты боишься!) и непременно укусит. Возможно, я ошибаюсь, но и среди людей физически, духовно сильный человек, никогда не позволит себе издеваться над слабым, и наоборот, я знаю многих, которые часто беспричинно затевают драку с более сильным (и что главное — последний, как правило, бывает прав), только потому что, победив его (если даже эта победа добыта нечестным путем), хотя бы ненадолго они убеждаются в том, что что-то представляют собой. Главное — побороть страх и...

Голоса умолкли.

— В чем дело? Дадите вы наконец уснуть? — слыша-

лось ворчание отца, и я поглубже зарылся в подушку, по телу пробежала дрожь.

— Не могу спокойно разговаривать с собственными детьми...

Разве могла моя мать ответить иначе. Я улыбнулся, прижавшись к подушке. Казалось, все должно было завершиться благополучно, как вдруг снова загворила Гванца. Полился такой поток слов, что я невольно вскочил с постели.

«Ведь все кончилось хорошо, с какой стати эта ненормальная злит отца?». Раздраженный, я стал одеваться.

Гванца говорила правду, и почти теми же словами, которые я давно хотел бы сказать сам, но не решался. «Молодец, Гванца, молодец!». Я застегивал пуговицы на рубашке и надевал туфли, когда голос Гванцы перешел в крик. — «Я сейчас же выйду!» — шептал я. Когда я приоткрыл дверь, мать стояла между отцом и Гванцей и умоляла его лечь.

— Взгляните-ка на этого миротворца, что тебе здесь надо? — спросил отец сурово и насмешливо оглядел меня. Он буравил меня глазами, а я стоял растрепанный, с пылающим лицом.

— Ника больше не такой дурачок. Он согласен со мной, да! — снова завелась Гванца.

Потом все смешалось. Закружилось, как карусель. Отец бросился к Гванце, мать каким-то образом очутилась между ними. Все трое повалились на диван. Мама старалась защитить Гванцу, отец же отчаянно колотил обеих. Я бросился на отца, оторвал его от матери, и со всей силой отшвырнул вправо. Отец пошатнулся, навалился плечом на дверь, та распахнулась, и он упал.

— Я не хотел, отец, не хотел! — закричал я и наклонился к нему, чтобы поднять. Но он не позволил мне, держал меня за руки, желая, видимо, повалить. Я вырвался, схватил с вешалки шапку и куртку и бросился на улицу.

Я ведь не хотел, совсем не хотел этого. И ждал, ждал давно... Но иначе, совсем иначе представлял я себе поединок с отцом. Я жаждал борьбы. Настоящей борьбы, и вовсе не хотел видеть поверженного, униженного отца. Что же случилось? Я почему-то думал, что мы сначала поговорим, а затем в настоящей мужской схватке выясним...

Снег уже перестал падать, а я все бежал, ноги проваливались в глубокий свежий снег.

— Что же произошло? Что изменилось?

Произошел какой-то перелом. Я добежал до проспекта Руставели и остановился. Мне не было страшно. Я больше не боялся ни отца (я всего лишь жалел его), ни темных углов, ни подозрительно шатающихся прохожих. Я даже не испытывал отвращения! Ненависть, страх, унижение и мучающее меня чувство скованности, годами насаждаемое во мне, уничтожающая боль исчезли куда-то. Впервые, я почувствовал себя так же легко и свободно, как во сне, когда сидел на красном велосипеде. Я был великодушен. Никакой ненависти и злости не было в душе моей. Я снова бежал, скользил по снегу, смеялся и пел какие-то хорошие песни.

Перед домом Татии стояла знакомая заснеженная машина. «Тамаз? Нет, это невозможно!» — подумал я. Наверное, он сидит в машине. Я счистил рукой с ветрового стекла снег и заглянул внутрь. Там никого не было. Я посмотрел на номер машины. Я все еще не верил. Номер машины был тот самый, Тамаза, а я все еще не верил, не хотел поверить. Наверное, он не смог подняться по скользкому подъему до дому и оставил машину здесь... Как я хотел, чтобы было именно так! Как же не хотел думать плохо о Татии! Я взглянул на окна. В них было темно. «Татия одна, и она спит! Татия одна, и она спит!» — убеждал я себя. — Татия одна, и она спит! — повторил я громко.

Я боялся, и здесь я боялся. Человек ведь боится не только собаки, других людей, темных углов или колеблющихся теней! Еще страшнее потерять веру. Именно этот страх сковал меня и повернул обратно... «Я сильный, сильный! — подумал я. — Я должен знать все! Я все вынесу!». Мне было больно, очень больно, и, наверное, эта боль придала мне силы.

— Татия! Татия! — закричал я и бросился обратно. — Татия! Татия! — кричал я и, сжав кулаки, мчался по лестнице. Дверь открылась. За дверью стояла Татия в длинной ночной рубашке и вся дрожала.

— Что случилось, Ника? В чем дело? — спрашивала она скорее себя, нежели меня.

Я схватил ее за руку. Она оказалась легкой, как перышко. Оттолкнул ее от дверей. В темном коридоре скрипнула дверь.

— Выходи! — закричал я каким-то нечеловеческим голосом и бросился туда. Тамаз заправлял в брюки рубашку, когда я ворвался в комнату.

— Это ты, сопляк! — процедил он сквозь зубы и замахнулся на меня рукой, в которой держал нож. Мне показалось, что он плеснул мне водой в правую щеку, но я не дал ему опомниться и левой рукой схватил руку с ножом, скрутил ее. Нож выпал, зато он пнул меня ногой в пах, хорошо еще, что я стоял боком и он не мог сильно ударить меня. Я не выпускал его руки, дернул его сильнее, и Тамаз, рыча, повалился на пол. Я безжалостно бил его в лицо, в глаза, в нос, меня привело в ярость то, что я заметил, как он, поверженный, все еще пытается ударить меня в пах. Поначалу я держал его, но потом он ослаб, раскинул руки и уже не сопротивлялся. Бледная Татия стояла, прислонившись к двери, и смотрела на нас бессмысленным взглядом. Я встал. Выволок Тамаза и потер ему лицо снегом. Видно, он пришел в себя. Я довел его до машины и вернулся. Закрыл дверь. Дубленку повесил на вешалку и вошел в комнату. Татия сидела там же, где стояла недавно, и плакала. Я сел рядом. Неуклюже погладил ее по голове и вздрогнул. Нет, мне не было противно! Просто она была другой. Некоторое время мы сидели молча. Потом Татия встала и стала прибирать разбросанные вещи. Несколькими раз она приближалась, видимо, хотела что-то сказать и не решалась. Прибрав в комнате, она снова подошла ко мне и взяла за руку.

— Пойдем, умойся!

Я умылся холодной водой и успокоился, почувствовал, как горит у меня щека.

— Я думала, он убьет тебя, когда он замахнулся ножом, — сказала Татия, заклеивая рану на щеке лейкопластырем.

— И что же?

— Не помнишь, как ты отобрал нож? Вот он! — показала она мне изогнутый нож с пестрой рукояткой. Я брезгливо двумя пальцами взял нож, открыл дверь на балкон и швырнул его туда, где стояла машина Тамаза.

— Ничего не помню! Не хочу помнить, поняла! — бросил я на нее злой взгляд и еще раз помыл руки мылом.

— Что же ты помнишь?

— Тамаз ругался...

— Да, свернословил! Ты прав... Никогда не думала, что ты способен на такое... Когда ты ворвался, мы только что убрали со стола и Тамаз раздевался...

— Не надо, Татия...

— Хорошо... Не буду... Я не обманываю тебя... Может быть, я скорее обманываю себя... Тамаз принес мне кольцо. Я знала, что это несерьезно. Это была плата... Ты ведь не знаешь, как трудно... Ты ведь не знаешь, как хочется каждой женщине, чтобы ее хоть немного кто-то любил... Хотя бы даже просто так... Порой пусть кто-то даже обманывает тебя... А еще когда сердце твое переполнено любовью... Отдам все безвозмездно, лишь бы однажды хоть в чем-то почувствовать, что ты необходима кому-то...

— У тебя есть кофе? — невпопад спросил я.

— Есть кофе, есть...

Потом я молот кофе, Татия зашила мне порванную рубашку, отстирала кровавые пятна и высушила рубашку утюгом. Потом постелила мне постель в комнате, выходящей на улицу, и погасила свет. Долго я еще слышал монотонный шум воды из ванной.

Вдруг что-то холодное коснулось моей руки. Татия, голая, сидела на краю дивана и дрожала.

— Холодно! — сказала, она, стуча зубами. — Хочу к тебе.

Я подвинулся к стене и затаил дыхание. Татия скользнула под одеяло. Вытянулась, касаясь меня только мокрыми волосами. Так мы лежали. Дрожь ее передалась и мне. Мокрые волосы касались моего лица, плеча и неприятно щекотали.

— Тебе противно? Противно?.. Скажи! Ведь я противна тебе! Ты ведь не испугался, не испугался Тамаза, ведь ты бил его, кричал, почему же сейчас ты молчишь?

Татия набросилась на меня, обнимала, целовала, постепенно её ласки стали грубее, потом стала бить. Кусала, билась головой. Одеяло соскользнуло на пол. Я лежал по-прежнему молча, безучастный ко всему. Татия присела на колени и вдруг стала ругать меня теми же словами и с той же интона-

цией, что и Тамаз. Тут уж я не стерпел. Я замахнулся, и у Татии из рассеченной губы потекла по подбородку черная струйка крови.

— Ударь, ударь еще! — попросила она и поцеловала мне щеку донь моей правой руки.

Я встал. Взял ее на руки и понес к крану. Смыл кровь холодной водой. Потом вышел в столовую, смочил платок уксусом и вытер ей лицо. Я снова подхватил ее, как ребенка, и перенес на диван.

— Не уходи! Я обниму тебя и будем так спать.

— Хорошо...

— Мои волосы тебе уже не мешают?

— Нет...

Татия прижалась ко мне еще крепче, обхватила руками и ногами, отыскивала губами мочку уха. Сладкая дрожь медленным огнем охватила все мое тело. Теплые волны окатывали меня и обволакивали непривычной дремотой. Скованность исчезла. Тело постепенно расслабло. Я потерял вес, стал удивительно легким, и давным-давно позабытое пьянящее ощущение невесомости подхватило и понесло меня.

Не существовало больше гнетущего страха, нерешительности. Исчезло и сковывающее меня чувство унижения.

Велосипед мчался. Быстрее, еще быстрее.

Зоопарк, лестницы, ведущие в цирк, коджорская дорога, рощицы сменяли друг друга, и вдруг я ощутил, что лечу по небу. Вокруг не видно уже знакомых мест, и окрестности непривычно изменились. Я мчался по воздуху, а там, внизу, совсем низко виднелись леса и красные крыши домов.

Полет мой длился недолго, какие-то доли секунды. Я знал, с самого начала знал, что это сон. Счастья свободного бытия я еще не почувствовал, не осознал, и вновь и вновь вставала передо мной действительность, жестокая действительность. Мысли опережали сон. Я еще летел по воздуху, когда уже знал, что это было ничто, а правда была внизу, в серой повседневности.

Я бы предпочел умереть, исчезнуть, но хоть немного продлить эту стихию движения, чтобы не остановилась она столь страшно спокойно и безвозвратно...

Не успел!.. Татия вздрогнула, и я открытыми глазами неприятно ощутил унижительный плен темной, геометрически правильной, квадратной комнаты. Я вдохнул теплый, застоявшийся воздух и поспешил закрыть глаза; но видение исчезло — ни синего неба, ни головокругительного полета, я лежал на спине, как Икар с обгоревшими крыльями, рядом лежала Татия, мурлыча, как пригревшаяся у огня кошка.

— Ник! Больно мне, Ник!

— А?

— Ты спал! Как ты сладко спал!... И во сне ласкал меня... Какие у тебя нежные руки, Ник... Что ты видел во сне?

— Велосипед.

— Что?

— Велосипед, — красный велосипед...

— Ох, что ты говоришь, Ник?... Ты действительно
щий ребенок или просто обманываешь меня?
— Нет! Я в самом деле видел велосипед..
— И что же?
— Я летел по небу.
— Растешь... Ты счастливый, Ник!.. Еще что видел?
— Небо, чистое небо!
— И больше ничего?
— Нет.
— А я думала, тебе снилась женщина, когда ты ласкал
меня.
— Нет!
— Ласкай, ласкай меня еще! И я, и я хочу твоего чистого
неба!..

Потом нам стало жарко, и мы сбросили на пол одеяло.

— Ник!..
— Да?..
— Знаешь, чего я хочу? Ты только не смейся!
— Хорошо..
— Ник!.. Я снова хочу стать чистой, Ник... И принадле-
жать только тебе!..
— ...
— Я глупая, да?
— ...
— Ник, ты помнишь?..
— Что?.

— Помнишь, ты рассказывал мне, как Христос, когда им
повстречалась прокаженная кошка и все отвернулись, остано-
вил апостолов, помнишь, что он сказал?.. Посмотрите, какие у
нее красивые глаза...

— То была не кошка, а собака, — поправил я.

— Ник! Ник! Ты — Христос, а я та кошка, не так ли?
Ты ведь тогда говорил это обо мне? Как я хочу родиться
снова, все забыть, Ник! И жить только для тебя, только для
тебя!..

— ...
— Спишь?

— Нет!
— Хочешь, я все расскажу тебе! Я никогда никому
ничего не рассказывала, только тебе!

— Нет!..
— Ты сердиться?

— ...
— Ты прав, Ник! Рассказывала, рассказывала всем... кто
спрашивал... Потом, спрашивали меня, потом? А как было с
тем?... Потом? А я, я какой?.. Потом били, когда говорила
правду... Ты не спрашиваешь, и все-таки я скажу, Ник... Ты
лучше всех, правда, Ник!.. Больно, Ник!.. Хорошо, хорошо!
Больше не буду говорить ничего!.. И во мне ведь есть что-то
хорошее, взгляни, приглядишься ко мне повнимательнее. Я ведь
все-таки лучше кошки. — Татия заплакала, прижимаясь ко
мне. — Ник, как я хочу быть счастливой!..

— Не плачь, Татия, не надо!..

— Хорошо... Хорошо...
Постепенно в комнате светлело. Татия спала, прижавшись ко мне, закрыв лицо моей правой рукой. На улице, по улицам, проехало несколько машин...

— Я спала?

— Не знаю.

— Какая у тебя тяжелая рука! Не боялся раздавить меня? Ты вообще тяжелый. Всю ночь лежал рядом и не произнес ни одного ласкового слова.

— Татия!

— Прости, прости! Если бы ты знал, сколько раз я мечтала о тебе! А ты хотел быть мне другом... Сколько раз обнимала я тебя в мечтах!.. И того дебила я ведь позвала из-за тебя, чтоб ты приревновал, чтоб ты видел, как из-за тебя я мучаю других... Тамаз тотчас вернулся, как только отвез тебя домой, сказал, что оставил шапку... Я знала, что это ложь, но ведь ты отказался от меня... — Хорошо, я больше не скажу ничего!

— ...

— Ты в самом деле любил меня, Ник?

— Нет.

— Врешь!.. Я ведь знаю... Зачем же ты пришел ко мне ночью?..

— Нет! — глухо повторил я.

— Тогда зачем ты пришел? Почему прогнал Тамаза? Почему избил его?

— Не знаю.

— Из-за меня, ведь так?

— Татия, Татия! — послышался с улицы голос Гванцы. Татия встала, поцеловала меня в нос, надела розовый халат, по зрх накинула мою дубленку и вышла на балкон.

— Татия!

— Да, он у меня! Поднимайся... — устало сказала она Гванце и вернулась в комнату.

— Я поведу твою сестру на кухню, сварим кофе. А ты пока оденься! — Она поцеловала мне ладонь, потом подбородок, потом верхнюю губу. Раздался звонок, и она оторвалась от меня, побежала к двери, по дороге застегивая пуговицы на халате.

Я с трудом отыскал одежду, разбросанную по всей комнате. Оделся и вышел в ванную. Снова разделся, принял душ и оделся.

Слышно было, как на кухне беседовали Гванца и Татия. С улицы несколько раз донесся протяжный сигнал машины.

— Это такси! — сказала Гванца и выпустила колечками сигаретный дым.

Когда мы выпили кофе. Татия принесла мою дубленку и обе заботливо одели меня. Гванца пошла вперед.

— Я задержу машину! Не опаздывай, — и она сбежала по лестнице.

Татия стояла передо мной. Внимательно разглядывала меня. Потом, прижавшись ко мне, обняла меня и поцеловала в нос.

— Татия...

— Не говори ничего!.. Он никогда не появится здесь... Наверное, и другой тоже... Не веришь?.. Возможно, все будет иначе... Не знаю. Ты ничего не говори... Знаю, сюда ты больше не придешь... Знаю и то, что никогда никому не скажешь, что спал со мной... Я буду любить тебя... Не так, как вчера!.. Еще сильнее. Еще... Но ты все-таки не приходи, Ник.

— ...

— Я сумасшедшая, да?

— Не плачь!..

— Ты сам не плачь!

Мы взглянули друг на друга и вдруг расхохотались.

— Ты не идешь? — послышался снизу голос Гванцы.

— Идет, идет!.. Сегодня ведь у Тамаза день рождения.

Представляешь, с какой физиономией он встретит гостей? — истерически захохотала Татия.

— Я пошел...

— Да, иди, иди...

Я спустился по лестнице. Гванца ждала меня в машине. Такси скользило по свежему снегу. Таксист довез нас до подъема Чавчавадзе и выключил мотор. На счетчике показывало рубль и шестьдесят копеек. Я протянул трояк. Видимо, ему показалось этого мало, он хлопнул дверцей.

— Оставь его! — опередила меня, как всегда, Гванца и схватила мою руку. Мы медленно пошли по подъему. У нашего дома мы встретили старшую дочь Хасана — Наргизу. Она поздоровалась с нами на чистейшем грузинском языке, выругала того, кто выдумал снег и, плавно раскачиваясь, вновь стала сгребать лопатой снежные горы. Пока мы поднимались по лестнице, она несколько раз оглянулась и посмотрела нам вслед.

— Может быть, ты и с ней?.. — спросила Гванца и плечом подтолкнула меня. — Интересно, когда-нибудь я увижу тебя с какой-нибудь нормальной девушкой?..

— Татия очень даже нормальная...

— Для тебя — да! Если бы у тебя была сотая доля ее порядочности, ты бы не доводил маму так!.. Она чуть не помешалась, пока искала тебя...

— А ты?

— Идем, идем...

— Нет!

— Отец уже ушел. Чего тебе?

— А я не боюсь!..

— Знаю. Вот вручу тебя маме, а там делай, что хочешь.

Мама, видимо, уже увидела нас. Она стояла за дверью. Не успела Гванца произнести это, как мама открыла дверь.

— Ты больше никуда не уйдешь, сынок? — в глазах матери я видел страх и ожидание. — Если захочешь уйти, убей меня и только потом уходи!.. Будешь жить здесь, в своей комнате. Никто не будет тебе мешать... Отец твой тоже человек; и его тоже жалко... Если хочешь, не встречайся с ним вовсе...

— Нет, мама, нет!..

— Чего же тебе, сынок? Скажи, что ты хочешь?

— Не знаю, мама... Ничего не знаю...

Ника в самом деле не знал; ничего не знал. Недавно у него был дом, был отец, была Татия, были Гванца и мама, но все это оказалось теперь из другого мира. Это было неразделимо, к тому же мать — часть Ники, а не наоборот, как думали другие. Мы ведь говорим — моя мама, а не я у мамы. Мы говорим также — мой отец, но отец не принадлежал Нике. И Гванца не принадлежала ему, и Татия. «Мой дом». Дом — да. Хотя бы частично. Ника верил в свой дом. Это он, с ног до головы. Каждый камень. Трещина в скале. Каждая царапина. Параллельные зарубки, следующие одна за другой. Он так рос. Эти два дерева посажены в его память. Эту ветвь надломил он. И марсианские каналы в саду проведены им. Здесь зимой и летом стоит своеобразный, неповторимый аромат сохнущего на ветру в солнечный день белья. Ника верил в свой дом. Потому он и вернулся. Все остальное оказалось зыбким. Все перепуталось. Неожиданно? Нет! Это не было неожиданностью. И прежде ведь было так... Круг замкнулся!

А началось это давным-давно. В тот вечер, когда он впервые сел на чужой красный велосипед. Когда столь страстно захотел стать свободным, независимым и иметь настоящего, верного друга.

Раны, полученные им при первой драке, скоро затянулись и вспомнились только на море, когда бледными пятнами проступили на загорелом теле. Потеря друга не оставляла ран. А боль оставалась. Отец... Сначала он потерял отца, потом Гванцу, сегодня — Татию. А сейчас — веру в отца. Отец не должен был падать, не имел права. Отец мог постареть, даже умереть, но одна только мысль, что ему станет жаль отца, ужасала Нику. Сегодня отец не был тем, на кого он смотрел с гордостью и покорностью, тем, кому он, сколько помнил себя, подражал или с кем состязался. Он превратился в обыкновенного человека, хотя именно это и привело Нику в ужас. Он давно примирился с изменой друга, тем более с низостью врага или противника. Отец спас бы его от всего. Он — самый решительный, самый справедливый, самый сильный. Такого отца не стало. И он не знал, не знал, как объяснить случившееся. Существовал человек, который всего лишь был отцом, его отцом — и больше ничего, абсолютно ничего. Сегодня осталась та боль, которую он испытывал с потерей друга. Но эта боль существовала сама по себе, а отец — сам по себе, Ника почувствовал огромную пустоту. Сейчас он был свободен. Никто его не держал. Исчез страх. Исчез и горький привкус покорности. Но ни радости, ни счастья свободы он не почувствовал. Мать ждала. До сегодняшнего дня другие думали за него. И это было обидно, нестерпимо обидно. Ника всегда пытался обрести некоторую свободу, быть относительно независимым. Но все это лишь относительно. Это была скорее игра, хотя его побег из дому не был уже игрой, но и эти зачатки собственного «я» не были еще полной свободой.

Мама стояла покорно и ждала. Пустоту, огромную пустоту сменило что-то тяжелое и незнакомое. Мама ждала. Ждала

и Гванца. Его ждали — и это было впервые. Нике доверяли что-то, Ника должен был думать не только о себе, его спрашивали, интересовались его мнением.

Его заставляли думать о судьбе семьи. И того человека жалко — отца. Так говорили Нике. Мое, я, хочу — этого было недостаточно! Нужно! — всегда чужое, пустое слово сегодня напоминало о себе чаще других. Не так, как песня, некогда навязчивая и вдруг позабытая. Свобода, утверждение собственного «я», оказывается, начинается с этого легко произносимого и трудно поддающегося действию слова. Ника не ответил, так и ушел — в свою комнату. Пошел тяжело, не слеза и осторожно прикрыл дверь. Пока еще он не знал, что ответить. Тысячи мыслей вертелись в голове. В одно, только в одно он верил. Отныне все его действия или же слова были абсолютно свободны от всего и всех. Никто не мог помешать ему, встать у него на пути. Отныне он был в ответе за себя. Тяжесть, столь непривычная тяжесть, ощущение которой первоначально так удивило его, привело в растерянность, постепенно даже стала приносить ему удовлетворение. Ответственность — не только тяжелая ноша, но и приятная обязанность. Он вырос. Он прежде всего стал нужен, необходим. Ника переоделся. Помыл руки и вышел в столовую. Мать накрывала стол к завтраку. Гванца помогала ей. Он подошел к столу, выдвинул стул и сел.

— Все будет хорошо! — улыбнулся он. — А теперь кормите меня, я голоден!..

Перевод Динары КОНДАХСАЗОВОЙ

Федор РАСПОРКИН

Минуло тридцать четыре года со дня окончания Великой Отечественной войны, но «никто не забыт и ничто не забыто». Снова и снова писатели разных жанров обращаются к этой вечной теме. Мы предлагаем вниманию наших читателей отрывок из повести о прославленном командарме П. Г. Чанчибадзе.

ГЕНЕРАЛЫ И СОЛДАТЫ

Третий за какие-то два часа налет начался крутым, пикированием; «юнкерсы», ныряя и уходя ввысь и опять ныряя, жутко ревели, сбрасывая фугасы и мелкие бомбы. От их треска, рева моторов, гудела голова.

Хотя это было и глупо, но ни Ратибор, ни Чанчибадзе, попав врасплох под бомбы, оглохнув от этой кутерьмы, не сдвинулись с места, не отбежали от переправы, да и прятаться, собственно, негде было — под бомбы попала большая территория. Могла бы случиться и беда, да подбежал к ним, пригибаясь, солдат в погонах сапера и потребовал оправиться в укрытие.

— Сюда, товарищи генералы, сюда! — торопил он, боясь за их жизни.

Оказывается, по приказанию командира саперной роты, предусмотрительного офицера, солдаты постарались и незадолго до бомбежки отрыли надежные узкие щели. Была тут уже и армейская связь — небольшая, но сильная рация.

Едва ввалились в щели, как рядом так хряпнуло, что задрожала земля и стала обваливаться стенка. Ударило гарью и пылью, и Ратибор, схватившись ладонью за рот, задышал часто-часто, потом чихнул, и из носа показалась у него струйка крови. Чанчибадзе оглушило, он долго тер левое ухо, затем поднялся и велел адъютанту Махарадзе позвать к нему офицера из пункта авиационного наведения. Тот тут же появился.

— Где истребители? Вызвать! — И адъютанту: — Прикажи зениток натягать тут, да поживее.

Глядя на мельтешивших над колонной чернобрюхих «юнкерсов», он вдруг перевел взгляд на поле.

— Посмотри, посмотри, Ратибор, что там делается! От тяжелых орудий, не успевших разъехаться в стороны, когда на них стали валиться «юнкерсы», расчеты бросились врассыпную. Это, очевидно, и возмутило его в первое мгновение. Потом он поутих и выругал себя: не принимать же, мол, им смерть, сидя у орудий. Однако, подумав, что так может случиться и в бою, при артобстрелах, велел собрать разбежавшихся. Бойцы подходили смущенные и подавленные. Еще бы! Смалодушничали на глазах у генералов.

Чанчибадзе строго взглянул на артиллеристов.

— Вы что ж, часто так бегаєте? И при артобстрелах бросаете орудия?

И замолк, не желая далее укорять их за оплошность или слабость.

— Мы не разбежались, мы рассредоточились, — вставил кто-то из солдат, осмелев.

Чанчибадзе засмеялся:

— Я так и понял, — весело сверкнул он глазами.

Никогда не утрачивал Чанчибадзе чувства юмора. Ох, как это выручало не раз и людей, попавших при нем в неловкое положение, да и самого его, когда он терялся в какой-то ситуации.

Подвернувшемуся же комбригу выговорил:

— Почему подставил всю бригаду под бомбы? Мог бы и рассредоточить. Вот солдаты и то это понимают. — Потом смягчился: — Ладно! Головь батареи три на тот берег.

Бомбежка кончилась, дым мало-помалу рассеялся, но с того берега, от местечка, все еще доносилась, временами усиливаясь, стрельба. Это раздражало Чанчибадзе, и он сердито спросил у Ратибора:

— Когда это кончится? Возитесь... Что там у тебя? Батальон, полк?

Ратибор ответил:

— Сейчас там батальон подполковника Пермякова.

Чанчибадзе переспросил:

— Подполковника? Я не ослышался?

— Нет, не ослышались. Он там окапывается, и я уверен, ни при каких обстоятельствах ни на пядь не отступит. Посланный же полк, как я уже докладывал, будет брать населенный пункт.

— Отлично! Ход мастеровский, конем! — Чанчибадзе успокоился и хитро посмотрел на Ратибора. — Богато живешь. Подполковники командуют у тебя батальонами.

— Это, товарищ командарм, армия, в которой мы воевали, не поскупились, когда уходили к вам, многих в чине подняла, так сказать, в дар.

— Что ж, это правильно. И нам надо эту традицию перенять...

Между тем вокруг них собиралось все больше генералов и офицеров — в погонах артиллеристов, летчиков, танкистов, — пока, наконец, не подбежал молодцеватого вида подполковник, со скрипящей портупеей.

— Товарищ командарм, где прикажете оборудовать для вас КП? Тут или где?

Чанчибадзе, не задумываясь, указал за реку:

— Вот там, в лесу.

Подполковник взмолился:

— Там немцы!

Чанчибадзе опять же, не моргнув глазом, спросил у командива, указывая на лес:

— Ратибор, там немцы?

— Возможно. Но через четверть часа, уверяю, — вышибем!

— Значит, там и оборудовать мой КП.

Враг, отбрасываемый все дальше к своей границе, дрался ожесточенно. Любая кочка, не говоря уж о холме, реке, узле дорог, которые здесь так часто встречались, использовались им как рубеж для завязывания кровопролитных сражений. Гвардейцев беспрерывно атаквали танки, авиация, но они, отражая контратаки, яростно шли вперед, отвоевывая земли родной Прибалтики.

Армия продвигалась вперед неудержимо, и это заражало невиданным оптимизмом всех — от солдата до командарма. И поэтому, не дай бог, допусти кто-либо задержку в продвижении или замешкайся — это вызывало взрывную реакцию!

В эти дни, как наблиздали в войсках и штабах, их командарм, генерал Чанчибадзе, вспружинился, как никогда. Только вперед!..

Обгоняя части на марше, которые, как ему казалось, медленно двигались, он подзывал к себе командира и строго спрашивал: «Почему медленно идешь? Немножко устал? Да? Отдыхать хочешь? — Нахлобучивал свою меховую шапку, которую носил и летом, и резал: — Нет, дорогой. Ты мне дойди до моря, я сам тогда остановлю тебя. Понял?».

А случись где заминка на боевом рубеже, Чанчибадзе бросался туда, и на КП дивизии становилось жарко. «Почему, дорогой, — допытывался он у командива, — твоя пехота портянки сушит?».

Тот, измотанный боем, даже не оправдывался: «Не сушит. Огонь не дает голове подняться. Бризантами, шрапнелью бьют».

Командарм насплывался, прикинул к стереотрубе, озадаченно глядел через окуляры на дымящееся, все в разрывах снарядов поле боя. Пехота действительно залегла, прижатая осколками и пулями. Он хватает карту, разыскивает по телефону Стрельбицкого. «Поддержи, дорогой, нашу славную 24-ю. Смети врага огнем «эресов».

В один из таких горячих дней, когда штабисты на картах уже начертали, согласно директиве Ставки, стрелы главных ударов — на Восточную Пруссию, в штабе армии разгорелся спор. Начальник разведки Закревский, очень умный, осмотрительный белорус, встревоженно докладывал командарму, что противник готовит по армии сильный контрудар. Опирился данными, он дал понять, что нужно немедленно приостановить продвижение армии и занять оборону.

ИЗДАНИЕ
1953 г.
3022011033

Темпераментный, экспансивный командарм и слышать этого не хотел. Сверкнув своими большими, темными, как масляные глаза, он воскликнул:

— Также мне, испугал! С ходу, с ходу собьем, и пойдем дальше...

И все-таки, остыв, он поежился. Его крупное свежесбритое лицо, слегка потускнело. Всего лишь несколько дней назад, 28 июля, в районе Кедайнйяй, немецкий генерал Раус нанес армии чувствительный удар, прорвал силами в 150 танков стык между 11-м и 13-м гвардейскими корпусами (тоже, кстати, неожиданно) и серьезно осложнил обстановку. Хорошо, что поблизости оказался 1-й танковый корпус...

Закревский тоже, очевидно, вспомнил тот случай, и прямо глядел на командарма:

— Что ж, вы хотите повторения?! Но учтите, там немцы преследовали тактическую задачу, а тут, как говорят данные разведки, — стратегическую. А это, вы знаете, чем пахнет...

Чанчибадзе опять вспыхнул:

— Заладил! Разведка да разведка. Дай данные!

Потом надолго умолк, раздумывая.

Остановить армию, остановиться ему, Чанчибадзе? Разве он на это согласится?

Однажды уже было такое, в мае 1944 года, под Севастополем. Подошли тогда вплотную к городу, оставался, казалось бы, еще один рывок, и 13 гвардейский стрелковый корпус, которым он командовал, вырвется к Северной бухте, но засевшие на высотах гитлеровцы, особенно «смертники», чужа гибель, сказали на редкость упорное сопротивление. Они раз за разом кидались в контратаки, и наши полки залегли. Кое-кто из командиров растерялся, без артиллерии, мол, не взять, и вот так же, как сейчас, предложил приостановиться. А город-то вот он, рядом. Севастополь!.. Разве мог он, находясь в этот момент в цепи, усидеть, укрывшись за камнями? Рванулся вперед, как рядовой, матерясь, с наганом в руке, увлекая за собой других. Никогда не забудет ту отчаянную атаку, навстречу ураганному огню, когда лицо секла обиваемая пулями каменная пыль. Помнит неслыханное по силе «ура!», с которым ринулись в атаку гвардейцы, помнит и свой голос: «Добивай эту сволочь!».

А начни он тогда советоваться да уговаривать, что бы было? Во всяком случае, Севастополь не был бы взят в тот день.

В сорок первом тоже был случай. Дивизия, которую он вел, пробивалась из окружения. В один из дней, когда особенно наседали авиация, кое-кто предложил уйти с магистрали в леса и там, рассеявшись, идти на соединение со своими. Конечно, уйди они в леса, может быть, людей и спаслось бы больше, но соединения как цельного боевого кулака уже не было бы. А магистраль? Осталась бы без прикрытия. Фашисты враз, усевшись в танки и не встречая сопротивления, очутились бы в нашем тылу.

Взвесил он все это, хотя, по правде говоря, тогда и взвешивать некогда было, и отдал приказ: отходить в боевом по-

рядке, оставляя как заслон против немецких танков артиллерийские батареи. С первым таким «заслоном» остался и сам. Начальник «смерща» дивизии, узнав о том, что он ^{остается}, отвел его в сторону: «Нельзя этого делать! Уходи с ^{главными} силами. Немцы ведь могут взять». Чанчибадзе оттолкнул его: «Меня немцы не могут взять. Я — не курица, понял? — И, чертыхаясь, повторил: «Я — не курица...».

Эта фраза, произнесенная с сильным грузинским акцентом, вызвала смех даже у тех, кто, подавленный неясностью обстановки, уже было приуныл. И она оказалась сильнее приказа.

Чанчибадзе, вспомнив те, выигранные им сражения, креп и теперь в своем решении — наступать! Он хорошо знал свою 2-ю гвардейскую армию. Это — могучая сила, это — сведенные в единый боевой кулак три корпуса, дивизии, полки, батальоны, роты; это — десятки тысяч бойцов, выполняющих его волю; она оснащена новейшей техникой, включая танки, самолеты, «арсы»; если нужно, может одновременно выставить до тысячи артиллерийских стволов. Армия, его армия — черт возьми! — может прорывать, как это было на Миусе, под Мелитополем, на Перекопе, под Севастополем, казалось бы неприступные укрепления противника. Знает враг по Сталинграду и силу ее наступательных ударов...

Он оторвался от бумаги, вопросительно посмотрел на Закревского: помнит ли тот все это? И, как бы призывая их в союзники, оглядел других сидевших здесь же генералов — начштабарма Левина, командующего артиллерией Стрельбицкого, начальника политотдела армии Сергеева, члена Военного Совета Черешнюка.

Те угрюмо молчали. Ага! Уже склонились на сторону Закревского, запуганные его доводами. Значит, все они, и штабисты, и тот же Стрельбицкий, сговорились против него. На мгновение почувствовал себя так, будто кто-то пытается затолкнуть его в клетку. В этот момент он и впрямь походил на разъяренного ягуара, готового к прыжку. Одним махом отбросил от себя и данные Закревского, и карту и с издевкой взглянул на штабистов, которых недолюбливал, считая, что они не шевелятся даже тогда, когда, по его мнению, нужно бегать. Спросил:

— А вы-то? Тоже за то, чтобы остановить армию? — И мгновенно почти патетически воскликнул: — Не позволю! Боги, и те — не посмеют!..

Стрельбицкий усмехнулся и тихо, но так, чтобы было слышно, проронил:

— Боги, конечно, не остановят. А «тигры» — ты хорошо знаешь, что это такое, — могут...

Это была последняя искра, которой недоставало, чтобы Чанчибадзе взорвался. Он стремительно повернулся к Стрельбицкому.

— Пугать?! Меня?.. — И захрипел, почти не владея собой: — И, гляди, запугал бы, если бы я был прусом. Правильно я говорю? — допытывался он, подступая к Стрельбицкому, который улыбался, принимая все это за шутку, тем более что и сам Чанчибадзе смягчился и вроде бы начал шутить: — К

тому же, как тебе известно, я из Махарадзе, грузин. А грузины, знаешь, с Казбека прыгают на голову врагу.

— Здесь нет Казбека, — поддразнил его Стрельбицкий и уже серьезно, как и требовала того обстановка, заявил: — Здесь, пойми, собран железный кулак, который может, не обижайся, расквасить нос даже такому командарму, как ты...

Чанчибадзе вдруг побледнел, утих, но стал, как все заметили, еще страшнее, чем был до этого. Он поправил ремень, коснулся кобуры, будто проверяя, цела ли, нервно поднял плечи и, наконец, процедил сквозь зубы:

— Ты, может быть, знаешь, — он холодно и угрожающе посмотрел на Стрельбицкого, — что бывает за попытку сломить волю командарма?..

— Знаю!..

Разговор достиг предела, за которым либо умолкают, либо всерьез дерутся, а чаще всего принимают сгоряча необдуманные решения. Стрельбицкий хорошо знал Чанчибадзе — это был не кипящий, как могло показаться, самовар, а динамит, который мог взорваться в любую минуту, — и первым умолк. Ведь в конце концов не отдаст же Чанчибадзе приказа на продвижение. Но тут же, к своему сожалению, услышал, как тот безапелляционно распорядился:

— Генерал Левин! Дивизий не останавливать. Кто дальше продвинется, представить к награде! Все...

Чанчибадзе остался один; теперь он мог, не сбиваемый никем, повзыскательнее оценить свои действия. На людях то ли не мог сосредоточиться, то ли рисовался, что абсурдно и невероятно для него, командарма, то ли закипало, встречая препятствия, неуминое его бунтарство. Молод! Всего — сорок три! Командует армией, да еще какой — гвардейской!.. В Ставке, где он недавно был, поди, постоянно интересуются, как дерется, как действует она? Тут никак нельзя ошибаться, делать промашки.

Допустим, сейчас он остановит армию, а вдруг данные Закревского не подтвердятся?! Как он будет выглядеть? И в то же время, если враг действительно собрал кулак и ринется — лже может плохо кончиться.

Опять задумался. Война! Как здесь все сложно! На одного себя положиться нельзя. К тому же, каждый твой шаг, план операции наверняка самым тщательным образом, если не окажутся огражденными тайной, анализируются и проигрываются в штабах врага, так же как и его действия — в наших.

Вообще командовать, да еще армией, без вдумчивой работы, коллективного опыта нельзя; таит в себе немалую опасность и то, что тебе как командарму никто, по существу, перечить не может — подавляет власть. Между тем, у него, чего он никак преодолеть не может, частенько берет верх интуиция. Да и горячность. Это всегда может обернуться трагедией для него. Для тысяч людей. Подчас со всем этим «багажом» он уж очень неприглядно выглядит в глазах других, хотя многие и ошибаются в нем.

Однажды, уже здесь, в Прибалтике, он по-глупому, из-за горячности попал впросак. Командующему фронтом, под чье начало поступила армия, еще не побывавшему в ней, вдруг показалось, что он, Чанчибадзе, только что назначенный ее командармом, не подходит для этой роли, что не хватает у него ни выдержки, ни способности трезво оценивать события. При первой же встрече Чанчибадзе, будучи вызванным в штаб фронта, почему-то безапелляционно заявил, что он легко может рассеять вражескую группировку в Прибалтике и раньше, чем кто-либо, вырвется к Балтике, и, мол, если хотите, доставит Верховному Главнокомандующему бутылку с морской водой. Что это, легкомыслие, тщеславие?

— Вы это серьезно? — переспросил у него комфронта. — Или от радости, что назначены командармом? Такое, знаете, бывает у лейтенантов, получивших повышение.

Говорил это комфронта, как и понимал Чанчибадзе, в шутку, но видно было, что он ему не приглянулся. На прощание тот сказал малозначительное, малообещающее:

— Посмотрим, посмотрим...

А потом, как сам признался, уже лучше узнав и оценив Чанчибадзе, в тот же день запрашивал Верховного Главнокомандующего о назначении во 2-ю гвардейскую «более подходящего» командарма. Но получилась осечка. Тот отчитал его так, как отчитывают за самые прубые промахи.

— Вы что, давно его знаете? Только два дня? — в трубке послышалось прерывистое дыхание, словно человек шел в гору и нес тяжелую ношу, затем дыхание оборвалось, и он глухо сказал: — Удивлен вашей опрометчивостью, генерал Черняховский. В другой раз — накажу.

Верховный, может быть, и поддержал бы комфронта, наверняка поддержал бы, он и доверял ему почти во всем, но, к счастью для Чанчибадзе, Верховный знал и его. Он в числе других генералов 2-й гвардейской после завершения Крымской операции, взятия Севастополя, был приглашен в Ставку. Сталин, очевидно, запомнил его. Разговор между ними складывался резкий. Вначале Сталин поблагодарил за Крым и Севастополь, потом, обращаясь больше к нему, чем к другим, спросил:

— Сколько в ротах осталось людей?

Вопрос оказался больше, чем неожиданным. Верховный интересуется ротами? Пришлось назвать.

— Человек по тридцать.

— Из ста — тридцать? Это уж! — И далее с еще большей горечью продолжил: — Не считаете ли вы, что это чрезмерные потери? — Потом, не дожидаясь ответа, задал второй вопрос: — Каким образом потери артиллерии?

— В артиллерии урона почти нет.

— Я вас спрашиваю не об артиллерии. Это-то вы бережете. Доложите о дивизионной, полковой!

Услышав, что в армполках потери достигли сорока процентов, сказал:

— Многовато. Ругать вас надо. Но дрались вы неплохо. Крым вернули, Севастополь! Такие операции без потерь не

обходятся. Фашистов побили там больше, это мы учитываем. — Сделал небольшую паузу. — Мелкую артиллерию дадим; и пушки, и гаубицы, минометы — тоже. — Опять умолк. — Проходил взад вперед, наконец, остановился. — Роты командовать труднее. Людской состав надо беречь, генералы. Ныне — не сорок первый год, когда ни с чем не считались, дивизии кляли. Телерь надо обескровить противника огнем...

Потом Верховный сказал, что 2-я гвардейская должна нацеливаться на Прибалтику, а затем и Восточную Пруссию. Повергнуть врага в цитадели немецкой военщины — задача трудная и таит много неожиданностей. Там Гитлер сосредоточил лучшие силы...

— Вот мы и бросаем туда вас, гвардейцев. Нам нужны генералы прорыва, тарана. Считаю, что вы такие и есть. Главное — уверенность, мастерство. Я бы вам не говорил об этом, если бы не знал случаев, когда генералы пасовали и проигрывались битвы. Хватало этого у нас и у немцев... Возьмите генерала фон Виттерсгейма. Он первым со своим танковым корпусом почти прорвался летом 1942 года к Волге. И что ж? Дальше, в районе практорного нарвался на такое сопротивление, что пришел в отчаяние и тут же был отстранен Гитлером за «необъективное» донесение о стойкости советских воинов. Это сломило его волю.

Чанчибадзе помнил, как еле сдерживался, чтобы не прервать Сталина, а тот заметил:

— Вы что-то хотите сказать?

— Да, товарищ Сталин! Вы можете быть уверены, с нами такое не случится. Пруссию расколем, как орешек.

— Это хорошо. Очень хорошо! — Сталин снова посуровел. — Предупреждаю, бои будут тяжелыми, медленное вгрызание в Пруссию погубит вас. Это неприемлемая тактика для данного случая. Нужен глубокий прорыв... — Он прошелся по кабинету, приблизился к висевшему на стене портрету Суворова, поднял к нему голову и не торопясь сказал: — Надеюсь, знаете, что по этому поводу сказал великий полководец? Победу я одерживал дважды, сначала мысленно, потом на поле брани. Ему можно верить...

Прошло три дня с тех пор, как Чанчибадзе отверг предложение отдела разведки, и армия, как он хотел, пробивалась вперед, освобождая литовские города и села, и вдруг... ошеломляющая вест... 33-я гвардейская дивизия попала под неожиданный танковый удар, окружена... Лучшая дивизия!

Чанчибадзе это, по своей сути страшное, сообщение застало в дороге, в «виллисе», в котором он мчался в армейскую авиаэскадрилью, чтобы вручить награды летному составу.

Дорога вела к хутору, вблизи которого она дислоцировалась, здесь в тылу было сравнительно тихо; орудийный гром и стук крупнокалиберных пулеметов слышались приглушенно, где-то далеко; стояла жара, и он, будучи один в машине, позволил себе расстегнуть ворот и снять меховую шапку.

Помяв ее в руке, он усмехнулся своей привычке носить ее в летнюю пору.

Он все еще находился под впечатлением встречи литовскими крестьянами; остановили машину на развилке: человек восемь, мужчины и женщины, и все, кланяясь, пригласили на стоявшее неподалеку от дороги подворье — крытый замшелой корой дом, два прогнувшихся от ветхости сарая, высокие, врытые в землю столбы, на которых крепилось колесо, служившее гнездом для аистов.

Колесо оказалось необжитым, пустым, черным пятном, выделялось на фоне ясного голубого неба, и Чанчибадзе с какой-то глубокой, неосознанной виной смотрел на него. Может вспомнил пророненные отцом слова: «Горе человеку, когда птица покидает гнездо».

Из смятенного состояния вывел его крестьянин, который, показывая на колесо, сказал:

— С сорок первого пустует... Когда хутор заняли немцы, в избе поселился их ефрейтор. Однажды он увидел, как я заглядывал на аиста, поднимавшего оwox детей из гнезда, схватил автомат и затукал... С тех пор и пустует гнездо.

— Может быть, теперь вернутся аисты, — сказал ему Чанчибадзе. — немца здесь больше не будет. Понял? Аисты прилетят...

Чанчибадзе, понимая, как ждут от него эти люди окончательного, утвердительного ответа, что немцев действительно больше не будет на их земле, убежденно проговорил: — Отныне и вовеки! Нынешний разгром немцев — это Грюнвальд... Окончательный.

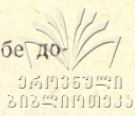
Литовцы радостно закивали, повторяя, прикасаясь к его звезде на шапке, непонятное ему слово: «явукижде, явукижде!..». Литовец, который помоложе, кинулся к колодцу, взялся за льняную веревку и качнул журавль: в поднятой со дна колодца бадье оказался кувшин с холодным молоком. Он пил, захватив зубами края глиняного кувшина. Потом взял в руки полотенце, которое протягивала ему милостивая русая литовка; она, рдея от застенчивости, с любопытством глядела на него, и ему захотелось быть стройным, элегантным. Отстранил кувшин, подбоченился, лихо сдвинул кубанку набекрень. Она улыбнулась. «А что, нравлюсь?» — обрадовался он, пошучивая с осмелевшей литовкой.

Улыбались и литовцы, заговорили о веселых танцах и песнях, которые могли бы быть, если бы он остался в их хуторе на вечер. Он поблагодарил и пошел к ожидавшей машине. Уже на ходу, сопровождая его, литовец обвел рукой вспаханные поля, спросил, можно ли, коль время подходит, засеять их.

— Засевайте, обязательно засевайте! — ответил он и добавил, улыбаясь: — Жаль, что война, а то бы я тоже с вами потрудился и взял бы за это всего лишь рушник, вот сю вышитый, — и он указал на приглядывающую ему литовку.

— И уехал, благословляемый крестьянами...

...Но, как же так — дивизия окружена! Да что они там,

302201033

негодяи, спали?.. Выпрыгнул из «виллиса», привлек к себе догнавшего его офицера связи:

— Подтверди! Я не верю...

— Да! Окружена... Но, говорят, знамя вынесено.

Закричал:

— Еще чего не хватало! Знамя! Отдать и его?..

«Виллис» мгновенно развернулся и помчался в штаб армии; трясясь в нем, Чанчибадзе проклинал все на свете. Значит, начали!... В его воображении предстали детали контрнаступления немцев. Танки — «тигры», «пантеры» и «фердинанды», подминая все на своем пути, теснят армию. Потери... И на страшном этом фоне видится лицо крестьянина, допытывающегося, можно ли засеять?

В штабе армии не все было ясно. Перешел ли враг в наступление по всему фронту, или лишь на отдельных участках? Контрнаступление ли это, которое предсказал Закревский, или лишь частный удар? А дивизия погибла целиком, или остался кто? Знали лишь, что к 27 июля 1944 года она продвинулась в район Принкишки. Здесь ее и застали немецкие танки. Кто утверждал, будто погибли все полки, а очевидцы, вырвавшиеся из окружения, говорили, что ничего особенного не случилось, погиб лишь один батальон Катуграева.

— Дай бог, чтобы хоть так! — проронил Чанчибадзе, несколько успокаиваясь. Но когда сообщили о том, что погиб, вынесен из окружения знамя дивизии, начальник политотдела Домников, он схватился за сердце: Домников! Любимец армии! Он помнил его со Сталинграда, под Севастополем тоже шел рядом с ним в той бешеной атаке, и — на тебе! — в Литве, считай, в конце войны, — погиб...

Но все там произошло иначе. 3 августа заседал по этому поводу Военный совет армии. Оказалось, что дивизию действительно немцы пощипали изрядно, ударив по ней с тыла. Домников же жив, вынес знамя, но тем не менее обвиняется в неправильных действиях, назван чуть ли не трусом. Ему грозит трибунал...

Чанчибадзе дважды перечитал «объяснительную», отобравшую накануне у Домникова. Он взволновался, протестуя против того, что было написано в докладной комиссии штаба армии о событиях в 33-й гвардейской дивизии. При чем Домников? Не он виноват — комдив!

Он расставлял на той бумажке вопросительные знаки, смотрел на Черешнюка, члена Военного совета, Стрельбицкого, начштаба Левина... И, за исключением Стрельбицкого, не понимал, какова их позиция; взгляд Стрельбицкого, негодующий, строгий, явно указывал на то, что виноват во всем не кто иной, как сам командарм: предупреждали-де! Послышалось даже, будто тот так сказал: «Хорошо, что под ударом оказалась одна дивизия»...

Но он пропустил мимо ушей, дабы не отвлекаться в сторону от рассматриваемого вопроса. Стал читать вслух «объяснительную» Домникова, сказав перед этим:

— Думаю, что это прольет свет на случившееся...

Закончив читать, Чанчибадзе посмотрел на Сергеева — начальника политотдела армии, у которого от напряжения побледнела натянутая на скулах кожа. Он — участник боев еще при Халхин-Голе, в Карелии, в нынешнюю войну тоже не фальши, ни компромиссов; его правда была всегда с ним — это постоянное пребывание, несмотря ни на какую обстановку, рядом с солдатами, в окопах; эта правда делала его авторитетом непререкаемым и среди бойцов, и среди генералов. Чанчибадзе это ценил, хотя и побаивался ершистости и, казалось бы, не по его седьмым годам неуступчивого характера. Он мог ему, в отличие от других, сказать прямо: «Чанчибадзе, здесь твоя линия никуда не годится», или еще резче: «Перегнул ты, командарм, выправляй дело»... Так было, а это Чанчибадзе хорошо помнит, в период прорыва обороны врага на реке Молочной, у Мелитополя, когда Чанчибадзе, будучи командующим 13-м гвардейским корпусом, допустил произвол, сорвал ордена с командира замешкавшейся в бою дивизии, а еще раньше — на Миусе, где он сгоряча, обвинив артиллеристов в неумении сосредоточить огонь в нужном месте, самолично перерубил топором провода, шедшие в артолки от комарта корпуса Петушкова, и взял на себя командование ими...

Вот тогда Сергеев и потребовал от него — коротко и строго: «Выправляй!». А перед комдивом, вдобавок ко всему, потребовал извиниться.

Что он теперь скажет?

Однако генерал Сергеев глубоко уважал командарма, стремился, когда нужно поддержать его, не дать в обиду. Вот и сейчас он уловил и тревогу командарма, и смятение, и те колебания, которые тот испытывал при решении вопроса об инциденте в 33-й дивизии. Он, этот опытный комиссар, понял все: командарма беспокоит не судьба Домникова — здесь он не ошибется, а оперативная обстановка и состояние армии, определение предстоящих задач — наступать или обороняться? И все же начал с Домникова.

— Домникова, по моему глубокому убеждению, товарищ командарм, нужно представлять к званию Героя. В поведении же командира дивизии надо разобраться....

— Хорошо! Мое мнение совпадает с вашим. Но ты торопись, комиссар. Давай сюда Домникова, послушаем...

В дверях, распахнув их рывком, показался подполковник: он козырнул, выпрямился и застыл — высокий, стройный, молодой. Его черные глаза, глядели настороженно и зло. Он не понимал создавшейся ложной ситуации, ему было обидно за дивизию, неожиданно попавшую в просак, но все же вышедшую из трудного боя с честью, и за себя, действовавшего, как ему представлялось, правильно и сообразно сложившимся условиям. Он никак не мог понять, в чем же его обвиняют. Он рисковал, он мог быть убитым, он спас знамя, и, наконец, личной отвагой и распорядительностью повлиял на исход боя. Да, он не понимал, за что его судят...

Присутствующие долго и испытующе глядели на него. Не все, не гоноря, конечно, о Чанчибадзе и Сергееве, знали, что он чертовски отважен в бою, и имеет столько ранений, что их

хватило бы на семерых... В армии такие вещи не принято афишировать.

Мало кто знал и о том, что в прошлом он — вожак уральской комсомолки, секретарь обкома! Прошла еще минута, и никто из присутствующих на Военном совете не шелохнулся. Домников машинально снял фуражку, и все увидели, как из-под черных, как смоль, волос на лоб сбежали струйки пота; он смахнул их рукавом и опять застыл. Загорелая, будто взятая дымком, кожа его лица нервно подрагивала на монгольских скулах; туго затянутый ремень подчеркивал его спартакскую худобу.

Им любовались. Чанчибадзе заметил это, улыбнулся. Ишь, какой молодец! Он вспомнил военврача Олю, которая безумно любит этого бесшабашного подполковника. Сам утешал ее на Миусе, когда та рыдала над смертельно раненым Домниковым.

Выжил, и опять же, как говорят, спасла его любовь Оли, этой красивой, тонкой, как тополе, дивчины. А если без легенды, то действительно, военврач армейского госпиталя вырвала его из цепких лап смерти — ранение было тяжелым, в живот. Наконец Чанчибадзе заговорил:

— Подполковник Домников, почему вы опоздали на совет? На целых пять минут!

— У меня была на это всякая причина.

— Вот как! Вас вызывает Военный совет армии, а вы находите всякие причины?! — Чанчибадзе начал злиться. — Это расхлабанность.

Домников опрыгнулся:

— Я удивлен, что разговор начат не по существу дела...

— Домников, замолчите! — Чанчибадзе кинул взгляд на членов совета, как бы говоря, вот он, весь перед вами, этот самоуправец. Но тут же спохватился, дабы не перепнуть палку, не поставить Домникова под удар. Потому поторопился спросить, что это была за причина. Домников ответил: литовские крестьяне, когда он ехал сюда, на Военный совет, остановили его машину и пожаловались, что коновод какой-то батареи, заезжая в укрытие, орудийным передком, помял восемнадцать вилок капусты. Пришлось задержаться.

— Вот мы вам пришлем и эту капусту. — возмущился Черешнюк. — Что это такое? Выходит, мы впустую втолковываем — не обижать местное население...

— Товарищ генерал, — оправдывался Домников, — шел бой, миномет ударил...

— Ладно! — остановил его Чанчибадзе. — Чем все кончилось?

— У меня в кармане было одиннадцать тридцатирублевых. Я их отдал литовцу, и он нам простил...

— А теперь, Домников, начнем по существу, как вы изволели нам заметить!

— В «объяснительной», в основном, я все сказал, как было. Добавлю лишь: обстановка в районе дивизии сложилась весьма трагичная. Мы могли бы потерять управление, и тогда, представьте, что было бы...

Чанчибадзе опять прервал его:

— Что делает сейчас дивизия?

— Приводит себя в порядок, то есть преодолевает растерянность, а нынче повела наступление в указанном направлении.

— Почему не говорите — успешное? Оглядываетесь?..

— Да, товарищ командарм, теперь действуем осмотрительнее.

— Домников! — Чанчибадзе усмехнулся. — Военный совет считает, что вас чуть было не погубило не отсутствие осторожности. Хочу, чтобы вы это поняли. Не люблю людей, воюющих с оглядкой. Ты это знаешь! — Чанчибадзе впервые перешел на «ты». — У вас не было разведки. Вы даже не видели, что делается под носом. Такая беспечность равна преступлению. За это, только за это, мы вас и вправе отдать под суд. Прежде всего, конечно, командира дивизии. Можете идти!

Домников ушел, провожаемый взглядами сидящих, в основном генералов, не понимавших еще: милован или обезглавлен он! Тем временем Чанчибадзе начал рассуждать вслух. Безусловно, Домников виноват, но если таких, как он, судить, то кто тогда праведник в этой войне? Человек, к тому же проявил личную храбрость. Не лучше ли проанализировать действия командира дивизии.

Командир дивизии, будучи уже немолодым генералом, вскочил проворно, как лейтенант. Вскочил и почему-то сказал: «Слушаюсь!», хотя от него этого не требовалось. Выйти отсюда, с заседания Военного совета, он мог уже не командиром дивизии. Ему припомнили даже то, что любит чай распивать из самовара, что супруга, которая все время жила при нем, частенько развешивала на телефонных проводах выстиранное белье, пренебрегая маскировкой. Чанчибадзе не удержался, чтобы не съязвить по этому поводу: «Немец все время думает, что ты капитулируешь. С воздуха не поймешь, кальсоны висят или что?..».

— Куда же мне теперь? — спросил генерал, опешив.

— Без работы не оставим. Командуй дивизией, да впредь гляди!

Далее Военный совет по настоянию Чанчибадзе приступил к рассмотрению вопроса об артиллерийском обеспечении наступающих войск. Тут как следует досталось и Стрельбицкому, и начбоепита, сокративших в целях создания запаса расход снарядов. «На чем экономите? На шкуре пехоты!» — раздавались обвинения. Стрельбицкий не оправдывался; он больше чем кто-либо понимал, как опасно в складывающихся неясных условиях оставить армию без боеприпасов. Тылы, где их изготовляют, остались теперь за две тысячи километров. Короче говоря, Урал. Он лишь сказал, призывая к благоразумию, что и горючее надо приберечь. Чанчибадзе согласился, но не преминул вставить: «Ты опять за свое?».

Между тем армия наступала. Она выровняла линию севернее Шауляя, далеко загнула левый фланг, как бы нависая

над правым флангом врага. Нависая, да не очень. Чанчибадзе, чтобы создать хоть какой-то резерв, оголил эту часть фронта, оставив на три-четыре километра один батальон. Он был так прост, как казался. Тысячу раз всматривался в карту, решая, вернее отгадывая, куда ринутся немцы, если действительно начнут контрнаступление. Не сюда, конечно, не на левый фланг; ясно, что попрут напрямую, на Шауляй. Это выгодно и со стратегической точки зрения — крупный узел, известный литовский город. Взять Шауляй — значит восстановить пошатнувшуюся веру в войсках, создать фактическиую предпосылку для спасения оказавшихся в окружении дивизий.

Да, он не прост, стягивает войска куда надо! И, казалось, все было бы хорошо, если бы начальник штаба, этот дотошный буквеед, не тыкал указкой в оставленный почти без прикрытия фланг. Вдруг немцы узнают и пойдут именно туда — тридцать километров пропадут танками, а затем с тыла повернут на Шауляй, тогда что? И рассказал, что минувшей ночью группа немецких разведчиков проникла далеко в наш тыл, примерно до линии артиллерийских позиций. Хорошо, что литовец, стерегший своих овец, заметил и поднял тревогу. Артиллеристы долго чухались, но в конце концов ввязались в перестрелку и отбили взятого было немцами «языка». Хороши были бы!..

Чанчибадзе поежиллся, растер ладонью левую сторону груди, успокаивая сердце, а затем, уже неспособный на взрыв, тихо попросил начштаба отдать приказ об обязательном установлении по всей линии фронта, занимаемой армией, ночных секретов и ловушек, всяких гремящих сигналов. Установить также дежурство офицеров, поднимать их, если спят, частыми телефонными вызовами из штабов полков, батальонов и дивизии. А артиллеристам, этим соням, дать взбучку. Пусть научатся по тревоге подниматься аристократы! Как и сам Стрельбицкий.

— Короче говоря, расшевели Стрельбицкого. Нет! Не то я говорю. Стрельбицкого не трожь. Пусть занимается Шауляем. Повторяю: Шауляем — и больше ничем! Брось на ночную проверку начхимов, начфинов — вон сколько их в штабах... Хотя постой, начхимов исключи, а то попадет еще какой сдуру в лапы к немцам, греха не оберешься. Прогремим на весь мир. Закричит: русские-де, готовят химическое нападение. — Чанчибадзе передохнул, усмехнулся. — Ведь среди них, этих нач и помов, раззяв немало. Позасиделись, не шевелятся, того и гляди — молью возьмутся... — Рассмеялся. — Я все никак не соберусь сводить их в атаку. Хоть увидят, какая она, война, а то дома, когда вернутся, о ней наговорят, батеньки, бог знает чего. В страх, в страх их надо окунуть. А наградо-то сколько нахватали, ого! Что ни начфин, то полный георгиевский кавалер. Поди скажи, что передовую не видел. В 150-й артбригаде — сам не однажды натыкался, — штабники в карты режутся. Эти не отдадут, как Домников, своих придцаток в уплату за помятую колесами капусту... Армейская бригада! Стрельбицкий плохо за ней присматривает.

Начальник штаба улыбнулся:

— Замечаю, вы из-за Стрельбицкого испытываете неприязнь ко всем артиллеристам.

— Что, что? Неприязнь к Стрельбицкому! Какое издевательство! Я, если хотите, люблю его, но он об этом не знает, и не будет знать, если вы ему не скажете. Надеюсь, не скажете? Иначе восстановите его против меня, он горд! Испортите нашу дружбу... Дела идут лучше, когда мы деремся. Истины рождаются в драке... — фразу за фразой бросал Чанчибадзе, а потом неожиданно спросил: — Какой, по-вашему, недостаток у Стрельбицкого?

— Не вижу таковых, разве что излишне рассудителен!

— А у меня?

— Что ж, скажу! Излишне эмоционален...

— Э-ге! Это не недостаток! Это — достоинство! Посмотри, что по этому поводу говорил Ленин. — Чанчибадзе открыл планшетку, извлек оттуда лист бумаги. — На, читай! Нет, я сам прочту. А ты слушай, да не ищи у командарма недостатков. — Стал читать: — «Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины». Каково, а? Ленин, брат, сказал.

— Откуда это у вас? — удивился начальник штаба. — Специально припасли, для оправдания? — Он улыбнулся.

— Дал мне эту выписку, знаешь кто? Начальник политотдела генерал Сергеев. Однажды мы с ним сразились, да так, что небу стало жарко, наговорили друг другу черт знает что. Я ему возьми, да и припаяй: «Ты слишком эмоционален!».

Начальник штаба засмеялся:

— То есть, вы свою болезнь пришили ему.

— Не знаю. Наутро он принес мне эту цитату, при этом сказал: «Видишь, как ты ошибся. В эмоциональности обвинил! А это, оказывается, даже с философской точки зрения, лучшая черта характера, понял?».

— Я бы, будучи на месте Сергеева, подыскал вам другую цитату Ленина. О выдержке, скажем...

Неизвестно, долго бы продолжалась эта беседа, если бы не динамичность фронтовой обстановки; она длилась час, но за этот, казалось бы, ничтожный отрезок времени командарму не менее двадцати раз приходилось брать телефонную трубку и микрофон радиопередатчика, и почти при каждом разговоре наклоняться к карте. Нередко разговор доходил до высшего эмоционального накала, и Чанчибадзе сразу же становился самим собой. Он не шел на компромисс ни с кем, и требовал одного — исполнения приказа. «Что значит, ты не можешь взять деревушку? Неужели до конца войны будешь мне талдычить одно и то же? Брал и будешь брать...». Или: «Не вижу твоих представлений о присвоении высших званий... Героев нет?... Довоевался!».

И все это, как заметил начштабарм, преследовало одну цель: побудить людей быстрее продвигаться вперед! Только

вперед! Он не мог понять, почему командарм так торопится. Еще и еще посмотрел на карту. Ага! Хочет, чтобы к началу предполагаемого контрудара немцев занять в обороне больше забубрин, да еще по высоткам. Таную оборону труднее ломать, противник всегда будет подвержен фланговому огню.

Одобрительно крикнул, провед пальцем по ломаной линии, схожей с пилой. Это нынешнее положение передовой, но оно меняется, поскольку армия наступает. Все это, естественно, хорошо, и намерения командарма он горячо поддерживает, но в этой, казалось бы, отличной тактике есть существенный просчет — линия, то есть передовая, безокопная. Чем это грозит пехоте и артиллерии в случае неожиданного удара — хорошо известно. Окопавшаяся, зарытая в землю, она неприступна, артиллерия — тем более... На голом же месте — хана той и другой. Кто-кто, а он, начштаба, в прошлом пехотный врот, все это отлично знает. Даже их гвардейская клятва: «Там, где гвардия обороняется — враг не пройдет» — без хорошо оборудованной в инженерном смысле полосы мало что значит. Он до сих пор не может забыть немецкой контратаки на Дону, под Богоявленкой, на моряков, оказавшихся без окопов в заснеженной степи. Каких ребят потеряли, стоя встречали танки..

Он сказал о своей тревоге командарму. Чанчибадзе спросил:

— Что ты предлагаешь?

— Единственное пока что: западнее Шауляя и по всей линии взяться за инженерное оборудование, вплоть до блиндажей и дотов.

— Правильно говоришь. Но немец это заметит, а нам нужно, чтобы он не знал, что мы догадываемся о его намерениях. Я поэтому требую от дивизий не ослаблять нажим.

— А зачем же тогда так остро конфликтуете с теми, кто требует остановить наступление?

— Вот, вот и ты, мой начальник штаба, туда же! Конфликтую! А что мне прикажете делать? Остановить пехоту, засесть в окопы, а противник, может быть, и не думает наступать. Ты уверен, что он пойдет? В каких чудаках мы с тобой окажемся! После войны в академиях будут со смешком рассматривать «нашу» операцию. Нет! Давай двигаться. А оборону сооружать, как ты и предлагаешь, надо. И чем быстрее, тем лучше. Но лиц, демаскирующих работу, расстреливать. Понял? Отдавай приказ окопаться вторым эшелонам, третьим...

Чанчибадзе, несмотря на все свои недостатки, а они, как водится, обычно окружающими преувеличиваются, был человеком благородным. Вскипит, но любую идею, пусть даже гениальную, высказанную другим, себе никогда не припишет. Вот и сейчас он и виду не подал, что за тем и пригласил начштаба, чтобы посоветоваться об обороне. И когда тот предложил бросить на ее сооружение и саперов, и даже понтонщиков, с готовностью и одобрением закивал — давай, мол!

— Можно идти?

— Идите!

Но в этот момент зазвонил телефон, и Чанчибадзе беря трубку, попросил его задержаться. По опыту знал: всегда лучше иметь начштаба под рукой, чем разыскивать. А при первом звонке и начальника штаба оказывается маловато, приходится созывать Военный совет, и если быть откровенным, он уже втайне ждал такого звонка. Это мог быть приказ на оборону...

Взял трубку, прижал к уху, несколько изменился в лице; оно стало сосредоточенным, из-за наклоненной головы казалось, что глаза смотрели косо. Прикрыл ладонью микрофон и бросил начштаба:

— Из штаба фронта! Пододвинь карту...

На другом конце провода говорил Курасов, начальник штаба фронта. Спрашивал, почему-то строго и сухо, что не в его манере:

— Что там у вас произошло с 33-й дивизией? Большой урон понесла?

Обычно он спрашивал: «Что там с 33-й, наломали бока?». Очевидно, Чанчибадзе догадывался, в штаб фронта просочились неточные данные. Окружения, собственно, и не было. Он рассказал, как случилось на самом деле. Никто из комсостава-де не попал в плен, все подразделения, оказавшиеся под ударом, смело вступили в бой, отбили контратаку. Справились даже, несмотря на начавшуюся было панику, с тяжелыми танками, подбили «типра». Руководство боем взял на себя начальник политотдела дивизии Домников — герой и прочее...

Спросил, закончив объяснение, чем вызван такой разговор, мало ли бывает на фронте подобных случаев. Курасов холодно ответил:

— Нас беспокоит беспечность войск. Обстановка требует большей собранности.

Вот оно что! Опять его армию считают проштрафившейся. Беспечность, собранность! И чего только не придумают люди, сидящие в тылу... Здесь он явно перегнул и, почувствовав это, слегка покраснел. Какой же это тыл — штаб фронта?.. Вслух же выругался:

— Мало мы этому комдиву всыпали, действительно расхлябанность. Вон, — он указал на свеженькую, лежавшую на столе докладную армейской комиссии, — читал ли ты, начальник штаба? Какой-то комвзвода дивизионной артиллерии не роет окопа, живет в шалаше. Что это такое? Прав Курасов, разболтались, давно немец не задавал нам трепки...

— Сами виноваты, — бросил начальник штаба и добавил, что с их стороны, то есть командования армии, снизился спрос к офицерам за состояние боевой дисциплины, и, по его мнению, надобно бы на основе этой докладной издать специальный приказ по армии.

— В срочном порядке! — согласился командарм и, уже не обращая внимания на начштаба, углубился в бумаги. Начальник штаба ушел, но вскоре опять возвратился.

— Что еще?

— Прибыла стрелковая дивизия. Та, которую передал нам фронт. Не гвардейская, но... брала Витебск... Куда мы ее?

— Пока во второй эшелон, пусть осмотрятся, а там решим. Прошу, под удар не подставляй... Чего преха таить, так повелось: «чужих» торопимся бросать в пекло. Неэтично, если не хуже...

— Понял, товарищ командарм.

Последующие дни, как и этот, отличались напряженностью, и штабарм вроде бы даже лихорадило. Чанчибадзе, не замечая того, все ниже и ниже надвигал на брови шапку, отчего выглядел хмурым и сердитым... Впереди была битва за Литву.

Тариэл ЧАНТУРИЯ

Смысл жизни — поиск прекрасного

Посмертно были изданы книги Шота Чантладзе и Нико Самадашвили, ушедших из жизни безвестными. Их смерть не огорчила читателей, потому что они не знали ни их, ни их стихов.

Почему же так произошло? Почему при жизни не вышли поэтические сборники этих двух талантливых поэтов?..

Франц Кафка говорил Фелиции Бауэр, что у него нет литературных интересов, он просто состоит из литературы.

Трагедия Шота Чантладзе и Нико Самадашвили тоже в том, что они не имели «литературных интересов», а просто «состояли из литературы», в силу чего в корне отличались от тех, кто способен принести на жертвенный алтарь этих «литературных интересов» все, включая даже саму литературу...

Поэзия для Шота Чантладзе и Нико Самадашвили никогда не была профессией, благодаря которой можно обрести особые почести. Она оказалась для них скорее роком, худшим жребием, выпавшим на их долю. Поэтому их служение боже-ству поэзии было беззаветным, как птичье пение. И хотя привыкший к стереотипу глаз «мастера» найдет в этих книгах много недостатков с точки зрения поэзии, с нравственной позиции — они поистине безупречны.

* * *

... В 1949 году в Бахмаро, недалеко от базара, я увидел Шота Чантладзе, в пух и в прах проигравшегося в доморо-щенную рулетку некоего Киколии. Тогда я не был еще знаком с Шота. Он показался мне чрезвычайно красивым и немногословным человеком. Меня очаровали его внешность и одиночество. Никого рядом с ним не было—ни товарища, ни знакомого. Меня поразило, что этот проигрыш не произвел на него ровно никакого впечатления. Он оглянулся на приятелей, у которых стояли слезы в глазах после проигрыша, и попытался уте-

шить их улыбкой. С тех пор я почему-то всегда вспоминаю его таким — до конца проигравшимся. Помнится, мне захотелось подойти к нему и отдать имевшиеся у меня гроши. Но я не был знаком с ним и постеснялся это сделать. У меня создалось впечатление, что он играл много и плохо, однако я был моложе него и не решился сказать ему об этом.

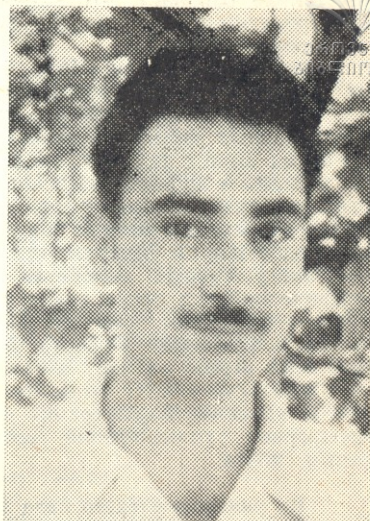
Потом мы сблизились. Хотя это не назовешь ни дружбой, ни даже товариществом. Вообще окружавшие его люди часто льстили себе иллюзией дружбы с ним. По своей природе это был одинокий человек, и присваивать себе дружбу с ним — с моей стороны, по крайней мере, наивно.

Но он был отшельником вовсе не потому, что его нуждали к тому чрезмерная гордыня или мизантропия. Просто он шел своей дорогой, и двоим на ней — не разойтись. Это его одиночество раздражало многих и часто, распаяясь, они утверждали, будто его стихи — носители некоей человеконенавистнической и неприемлемой идеи! (Утверждать это тогда было нетрудно, ибо никто, кроме двух-трех человек, этих стихов в ту пору не читал). Вот эти «человеконенавистнические» строки:

Дрогнула бабочка — и к другим цветам устремилась,
Ребенок проводил ее улыбкой нежной, детской.
Играет ребенок — пальцы у него в чернилах.
И на щеке своей чернил он не замечает.
А в дневнике — «двойки»,
А из глаз — умный взгляд.
Заигрался ребенок...
Солнце зашло,
А его нигде не видать,
И в траве валяется сумка¹.

Подобно стоящему на перекрестке герою сказки поэт избрал более трудную дорогу. Он любил поэзию, но ненавидел стих. Ополчившись против старого, традиционного его толкования, смело менял средства выражения. Возможно, отсюда и

¹ Здесь и далее стихи Ш. Чантладзе приводятся в подстрочном переводе.

некоторый эклектизм, который наблюдается в его книге. Однако, он же означает, что в ней ощущаются все тенденции, характеризующие современную поэзию вообще, и грузинскую в частности.

Верлибр был для Шота Чантладзе не средством маскировки поэтической беспомощности, как это нередко бывает, или же самоцельным желанием скомпрометировать классические стихотворные формы, а попыткой освободиться от помпезного атавизма. Еще с тех пор, когда отбирали его произведения для публикации в журнале «Цискари», запомнились эти рукописи со стихами, занесенными автором в тетради в форме прозы (кстати — автографы личных писем Тициана Табидзе имеют внешний вид стиха...). Мухран Мачавариани, который редактировал эту книгу, придал подобным произведениям Шота Чантладзе графический вид стиха, дабы сделать их доступными для «широкого читателя». Сам же Шота Чантладзе, пользуясь крылатым выражением Роберта Фроста, хорошо знал, что свободный стих похож на игру в теннис без сетки. И в этой игре он мог, если бы успел, метко орудовать своей ракеткой.

В качестве иллюстрации хотелось бы напомнить одно его прекрасное стихотворение, которое считаю лучшим автопортретом поэта:

Из университетского сада гляжу на Варазисхеви.
Народ по этому короткому пути торопится к стадиону.
Народ веселый,
Народ жизнерадостный.
Я же грустный гляжу на этих людей.
Среди них, наверное, не найдется никого,
Кто, изменив свое настроение,
Встанет рядом со мной и
Начнет глядеть
На идуший к стадиону люд.

Душа болит, ибо я тоже не вышел из потока тех людей, не поступил ради Шота Чантладзе желанием пойти на стадион. Сколько раз встречал я его, идущего против людского течения! Но если нас нельзя упрекать за то, что мы предпочитали сидеть на стадионе, то почему же укорять его только за то, что он не сидел рядом с нами там же и не орал вместе с другими в течение двух часов!

И хотя он глядел любящими глазами на «народ веселый, народ жизнерадостный», он был все же отстранен от него.

Сегодня наш слух и глаз привыкли ко многим новшествам. В ту же пору, когда писались эти стихи Шота Чантладзе, некоторые совершенно безобидные эксперименты воспринимались как ересь. В подобном отшельничестве Шота Чантладзе возможно и был повинен какой-либо из тогдашних редакторов:

Я сейчас хожу в редакцию,
Где редактор чувствует себя,
Как в собственном доме,

И разговаривает с тобой,
Как на остановке трамвая,
Который уже приближается.

...И ходил он по обычным улицам обычного города, и был незаметным, «как дерево, стоящее за деревом, стоящим у трамвайной остановки». Или сидел в комнате, как «в плотно замкнутой сноске». Или чувствовал, как седали у него волосы, и выслушивал упрек уже поседевшего родителя: «Сынок, что с тобой происходит?».

Иногда останавливался, как «настенные часы в деревне», поглядывал сощуренными глазами на палящее солнце, и им овладевала странная мысль: «А что может получиться из этого солнца?».

Ему чуждо было всякое медитационное бормотанье, дабы показаться читателю умным. Думать о Вселенной он начинал лишь тогда, когда «собственные чувствовал руки», и с той минуты наблюдал за происходящей в собственном теле смертельной борьбой — за тем, как набухшие до предела жилы перегоняли кровь между теменем и ступней:

Удержать тело норовят жилы,
Словно боятся — оно распадется,
Руки борются друг с другом шумно,
Правая — с левой,
Левая — с правой,
Правая — с правой,
Левая — с левой,
И правая побеждает,
И левая побеждает,
И правая побеждена,
И левая побеждена,
И правая не успокоится,
Не успокаивается и левая.

Тело мечется и горько извивается,
Есть победа,
Есть поражение,
И борьба не прекращается,
И борьба не стихает.

Однако когда-нибудь борьба да прекращается... И тогда поэт чувствует, что должен «за этим миром» увидеть старость. И он видит, «какое дальнейе расстояние» между плотно выстроившимися могилами.

Острое ощущение смерти как бы выполняло для него функцию живительного импульса. Его поразительно острый глаз мог заметить не только то, как рождается на подушке мышь, но и то, как наблюдает за ее рождением кошка... Он оставляет неразъясненным это поэтическое виденье, ибо предполагает в читателях людей мыслящих и понимающих.

Шота Чантладзе любил много ходить. Он передвигался по улицам Тбилиси как бацилла поэзии — этого поистине неис-

целимого недуга, и своими страстными, глубоко логическими и в некоторой степени фанатическими суждениями зарождал в окружающих безудержное желание созидать.

Своей роковой преданностью поэзии Шота Чантладзе приходило к тому примирившегося со смертью японского фанатика-камикадзе, который держит в руке пловидки для собственной могилы... Он думал и жил как уже «находившийся там». И это помогало ему правильно мыслить и беспристрастно выражать свои суждения.

Шота Чантладзе видел смысл жизни в поиске прекрасного. Именно поэтому для него граница между реальностью и иллюзорностью была столь подвижна.

И он верил! (ибо есть на свете ложь, в которую хочешь верить и поверишь).

Или не верил! (ибо есть на свете правда, в которую хочешь не верить и не веришь).

На грузинском языке, наверное, не существует более щемяще высказанной урбанистической тоски, чем «Моя настольная книга» Шота Чантладзе, так же как, наверное, нет стиха короче этого:

Ушел снег...
Пришла земля.

Эти слова, вынесенные Мухраном Мачавариани в название книги друга, как упавшие на ее обложку слезы.

Между тем у автора этого сборника была несравненная улыбка. Она мерцает и в его книге, в таких стихотворениях, как «Юмореска», «Помню бледность», «Деревня», «Где-то тяжело умерло тари».

И восприятие окружающего у него было странным. Он мог, например, сравнить прошедшего незаметно человека и верблюда с малонизвестными строками.

Мог увидеть, как обняла змея собственное тело (этот стих, как и «Змея» Анны Каландадзе, лучшее из того, что написано на эту тему по-грузински).

Автор этой книги обладал даром в словах оживить фреску:

Холодно было Марии, и в руках матери
Холодно было маленькому Иисусу...

Иным вызывать дух покойников нужно порой для того, чтобы унизить живых. И это — поступок неблагоприятный.

Но несправедливо и то, что иногда лишенным признания при жизни поэтам даже после их смерти не воздается должное.

Пусть гиперболичность некоторых суждений в этой рецензии не покажется читателю чрезмерной, ибо Шота Чантладзе, строгий судья и объективный человек, даже после смерти не присвоит себе ни незаслуженного имени, ни чести!

061935020
020101033

***

По Вакийскому кладбищу, как и по всем кладбищам этого рода, проходит главная дорога. У ее края, в каких-то ста метрах одна от другой, две могилы друзей — Гурама Рчеулишвили и Шота Чантладзе. Выход книги одного из них — Шота Чантладзе — это день рождения его как поэта.

И поэтому — спасибо тем, кто позаботился о ее издании. Спасибо Мухрану Мачавариани. Спасибо коллективу «Мерани». Спасибо всем, кто возьмет в руки этот крохотный сборник, как принесенный на безвременную могилу запоздалый цветок....

Песенная радуга

Весна моей молодости! Вижу белые пятна гор, четко обрисованные голубым, вечерний дым костра — как Млечный путь по небу, молнию над Мтацминда, золотые пчелы-огни ночного Тбилиси, гордый Сигнахи, «крепость, которую нельзя взять», подымающий на своих башенных высотах не только радость рассветного неба, но и славу десяти веков...

Грузия! Матовые лезвия водопадов, ястребá, застывшие над головой, луч солнца, на котором, кажется, держится мир, язык тумана, безуспешно слизывающий из ущелья розовый ковер дуга — луг широк... Недаром «чудовищно-прекрасной» страной назвал Грузию Репин. Но не поверхностна, не проста ее красота.

«Есть страны, — пишет знаток Грузии поэт Николай Тихонов, — полные особого значения для других стран... Их природа, их искусство, их древняя культура вызывают особое волнение не только знатоков. Они оказывают свое влияние на художников, писателей, ученых.. Одна из таких стран в Европе, стран, которые для европейского сознания являются полными особого смысла, по-моему, — Италия... Для русских поэтов нашей Италией несомненно стала Грузия».

В самом деле! В 1818 году по Военно-Грузинской дороге проехал Александр Грибоедов, воспел Цинандали, отдал свое сердце Нине Чавчавадзе, и по сейчас безутешно оплакивающей его в мраморе на горе Давида. Спустя одиннадцать лет после путешествия Грибоедова Владикавказ, Казбеги, Мцхета видели Пушкина, пришедшего в Грузию тем же путем. Надо ли напоминать, какой пафос творчеству русского гения придала легендарная страна! И в 1838 году Александр Одоевский, как бы подытоживая минувшее десятилетие, пишет стихотворение, знаменательно озаглавленное — «Брак Грузии с русским цар-

ством», называя Грузию дево́й чернобровой, дочью и зари и огня, вечно новою прелестью... Как бы уже подытоживая, а ведь еще не сказал своего последнего слова Лермонтов, еще не признавался в любви к Грузии Яков Полонский, еще не открыла на нее глаза нервная и пронзительная поэзия XX века...

И разве можно считать случайностью, что великаны, стоящие у истоков советской поэзии, кровью сердца продолжили волнующую летопись дружбы. Есенин был обязан вдохновением последних своих двух лет гостеприимному краю, где «вино янтарное в глаза струит луна, в глаза глубокне, как голубые роги». Кто знает, вернись Есенин в Грузию, мы не имели бы трагедии 1925 года... И наконец — Маяковский, «по рождению — грузин», собственной биографией прочно связавший в сознании современников две наши республики, Маяковский, о котором Тициан Табидзе не без гордости писал:

...рады Багдады,
Что в грозной лире твоей одну
Накрепко прикрутили когда-то
Поющую по-грузински струну.

Недаром было сказано, что самая форма букв грузинской азбуки напоминает языки пляшущего пламени — в них есть почерк той же энергии, что пронизывает и грузинское искусство, и грузинскую природу. Не будь этой энергии, не было бы того величественного пути, который сумела пройти маленькая Грузия. Народ, родивший Шота Руставели, сумел сохранить национальную независимость. Вот почему постоянно обращается в прошлое мысль грузинского поэта, находя в нем идеалы доблести и патриотизма. Вот почему столь понятны нам поиски грузинской поэзии, всегда тесно связанной с народом, его историей и культурой. В Телави на башне, где родился последний грузинский царь Ираклий II, растет зеленая елочка. Древняя башня дала жизнь молодым ветвям. Не так ли и древо грузинской поэзии встает на могучем фундаменте многовековых народных свершений?

Вслед за «Мерани» Николоза Бараташвили ворвались в мировую поэзию «Синие кони» Галактиона Табидзе. Уже в 20-е годы громко зазвучали в ту пору еще юные голоса Симона Чиковани, Ираклия Абашидзе, Тициана Табидзе. При всем задоре своих новаторских талантов они ощущали себя продолжателями народных поэтических традиций. И грузинская советская поэзия смогла образно и колоритно передать черты народной жизни. Стихи Сандро Шаншашвили воссоздают в памяти неповторимую долину Алазани, ее поля и виноградники, холмы Джугаани и Телави, темные величественные горы вдали.

Становление Советской власти и строительство социализма в Грузии — это мужание грузинской советской поэзии, с новым восторгом воспевающей преобразенную родину. «Ушгульский комсомол» Симона Чиковани, «Баллада о спасении» Ираклия Абашидзе, «Октябрьские стихи» Валериана Гаприн-

дашвили — все это ново, свежо, вдохновенно. Что такое автомобиль? В Грузии 20-х годов автомобиль был символом революции — и на горных дорогах, и в быту, и в мировоззрении. В стихотворении Чиковани «Вечер застаёт у Хахмат» юноша Аладаури мечтает стать шофером с не меньшим трепетом, чем ныне мечтают стать космонавтами. Люди нашей современности — вот герои грузинской поэзии, герои Великой Отечественной войны, сталевары металлургического комбината в Рустави, строители Ингурской ГЭС, виноградарь, чаеводы, пастухи. Как сказал Борис Пастернак, переводивший Валерия Габриэлидзе:

Волшебнo новую возводят Грузию.
Послужим ей всей нашей правдой новой.
Чем наши руки будут заскоружлее,
Тем полновесней всколосится слово.

Как никогда зовут гудки фабричные.
В ряды со мной, друзья и однолетки!
Поэзию живит одно сверхличное,
И тем же дышат люди пятилетки.

Но высится еще в Телави девятисотлетняя чинара, под которой сжигали Акакий Церетели и Илья Чавчавадзе. Нет разрыва в движении веков. Это особенно ошутимо и незыблемо в стране гор с их вечной жизнью. То, что уходит в прошлое, было когда-то новаторским и еще может дать толчок движению нового. Жизнеутверждающий пафос Важа Пшавела звучит в эпосе и лирике Георгия Леонидзе. Тонкость чувств Бараташвили наследует Тициан Табидзе. Много лет пройдет, а все будут слышны отзвуки его вдохновений —

Ведь рвется, как оползень, песня в привете,
Когда проезжаешь долину Кахетии...

Прекрасна Грузия — в блеске солнца и снежных вершин, в зелени долин и голубизне бескрайнего неба. Прекрасна Грузия — в труде чаеводов и металлургов, виноградарей и гидростроителей. Песенный край — как же не петь о нем! Как же не петь о нем грузинским поэтам — и русским их друзьям, вдохновленным этим необычайным краем.

Русско-грузинские культурные связи утвердились, как известно, на протяжении столетий. Новый период наступил в начале XIX века, когда присоединение Грузии к России совпало со становлением русской классической литературы нового времени. Это становление связано с именами Пушкина, Грибоедова, Лермонтова. С этими же великими именами связан подъем в развитии русско-грузинских культурных отношений. И еще он связан с великим городом на Неве.

В самом деле, откуда приехал в Грузию Пушкин? Он приехал из Петербурга, который мы ныне с гордостью называем Ленинградом. Откуда приехал в Грузию Грибоедов? Он приехал также из славного города на Неве. Откуда приехал в

Грузию Лермонтов? И он приехал из великого города. В первой половине XIX века высоко в небо взметнулась песенная радуга, которая пила на севере чистую воду Невы на юге — Куры и Арагви. Культурный мост, возникший между Петербургом и Тбилиси уже в ту пору, мы можем рассматривать как провозвестника нашей нынешней дружбы. К славному породе Белинского, Чернышевского, Добролюбова тянулись грузинские «шестидесятники», названные «тергдалеули». Их глава Илья Чавчавадзе окончил, как известно, Петербургский университет.

Войдя в XX век, город на Неве, в ту пору не только столица России, но и столица русской поэзии, традиции дружбы, сохранив, приумножил. Петербуржец Александр Блок мысленно перенесся на Кавказ, следуя за вдохновением Врубеля и полетом собственного демона. С именем Бальмонта связано развитие активных переводческих контактов. Сергей Есенин, в Петербурге ставший известным поэтом, провозгласил в Грузии незабвенное: «поэт поэту есть кунак».

И разве случайно именно в Ленинграде, городе уже более чем вековой традиции нашей дружбы, зазвучала грузинская сага правофлангового интернационализма Николая Тихонова? В 1924 году в Ленинграде была создана поэма Тихонова о Грузии «Дорога». В 1932 году там же была написана его повесть о Грузии «Клятва в тумане». В 1935 году в Ленинграде была издана книга стихов Тихонова о Грузии «Стихи о Кавказе». В 1937 году в Ленинграде были написаны статьи Тихонова о Грузии «Золотая поэма» и «Поэт и мир», посвященные Шота Руставели. Мы, ленинградцы, и с нами наши друзья повсюду гордимся тем, что именно из Ленинграда прозвучали тихоновские строки, ставшие как бы эпиграфом к антологии советских поэтов о Грузии:

Я не изгнанник, не влекомый
Чужую радость перенести,
Мне в этом крае все знакомо,
Как будто я родился здесь.

Большую роль в развитии русско-грузинского песенного братства сыграла творческая деятельность другого ленинградца — Николая Заболоцкого. Свои «Заметки переводчика» он начал знаменательными словами: «Переводчик служит делу дружбы народов». Для него эти слова значили особенно много: войдя в мир грузинской образности, он стал, по выражению С. Чиковани, деятелем грузинской культуры. Он не только подарил русскому читателю поэмы Важа Пшавела, но и завещал ему собственную неизбывную любовь к Грузии:

С тех пор мне собратьями сделались горы,
И нет мне покоя, когда на трубе
Поют в сентябре золотые Гомборы,
И гонят в просторы, и манят к себе.

Великий Октябрь сломал стену молчания между народами Советской страны. На обновленной основе укрепилась дружба

русско-грузинских строк. Грузинская поэзия учила чувству родины и природы, романтичности мироощущения, монументальности образного строя. Она учила чуткости в осознании событий прошлого, в оценке истории своего народа. И не кажется преувеличением неожиданное сближение Заболотским двух эпох:

**И сердце Ильи Чавчавадзе
Гремело так громко и близко,
Что молнией стала казаться
Вершина его обелиска.**

Уже в предвоенные годы Ленинград стал всесоюзным центром изучения и пропаганды грузинской литературы. В феврале 1935 года в ленинградском Доме писателей имени Маяковского состоялся вечер грузинской поэзии, в котором приняло участие много гостей: Сандро Эули, Тициан Табидзе, Ираклий Абашидзе, Алио Машашвили, Карло Каладзе, Иосиф Гришашвили, Симон Чиковани, Паоло Яшвили. Год спустя в Ленинграде состоялся вечер поэзии Симона Чиковани, а еще через год — творческий вечер Тициана Табидзе.

Душой русско-грузинской объединенной поэзии был Николай Тихонов. Еще в 1934 году он перевел в Цинцандали 2500 строк грузинских поэтов. В Ленинграде при Союзе писателей по его инициативе впервые в стране была создана секция по изучению грузинской литературы и грузинского языка. Она объединила поэтов, переводчиков, литературоведов. На совместных вечерах от Ленинграда выступали Н. Тихонов, Б. Пастернак, С. Спасский, В. Эрлих, Б. Брик, А. Гитович.

Началась война, фашистские танки черным клином перерезали дорогу Ленинград — Тбилиси. Но песенная радуга, соединившая нас, продолжала светить и из-за туч. Ленинградцы обороняли подступы к Грузии, грузины сражались под Ленинградом. Это не лозунговый штамп. Поружкой — военная судьба Георгия Цицишвили, ныне известного писателя, который воевал на Ленинградском фронте на всем протяжении блокадной эпопеи. Воевали не только солдаты, но и поэты, не только поэты, но и их книги. Книга стихов Георгия Леонидзе, набранная в Ленинграде накануне войны, не успела выйти в свет, типография была разбомблена, часть тиража погибла, но сохранившиеся экземпляры пошли в окопы, вдохновляя на солдатские подвиги песенным словом.

Кончилась война. Николай Семенович Тихонов переехал в Москву. Но посаженная им у Петропавловской крепости на берегу Невы чинара вновь зазеленела. В 1945 году в ее гостеприимной тени родились новые строки:

**У вас, наверно, в Грузии, Тамара,
Дожди прошли. И скаты темных скал
Дымятся от полуденного жара.
Мне кажется, что я всю жизнь искал
Единственной, неповторимой встречи...**

1935920
2110333

Эти строки Михаила Дудина предвещали поиск им новой встречи Ленинграда с Грузией. Я помню, как свежо в послевоенные годы прозвучали обновленные Дудиным в русском стихе бессмертные ритмы бараташвилевского «Мерани». Недавно мы получили замечательный результат переводческой работы Дудина — всего Бараташвили перевел он на русский язык. Интересен также переведенный им цикл Михаила Квливидзе, публиковавшийся в нескольких журналах и затем включенный переводчиком в трехтомное собрание своих сочинений.

Как и у Тихонова, переводы идут у Дудина рядом с оригинальными стихами о Грузии. Особенно примечателен его цикл «Окно в горы» со стихами, посвященными Георгию Леонидзе и Симону Чиковани. Мне они особенно дороги, так как встречами именно с этими поэтами был осенен мой первый приезд в Грузию.

«Я в Грузию, должно быть, не приеду», — сказал Дудин когда-то. В этом, к счастью, он ошибся. Ныне среди имен поэтов, навечно прописанных в Грузии, несомненно, значится и его имя. Он получил признание не только широкого читателя, но и славных грузинских мастеров слова. «Михаил Дудин, — пишет о нем Ираклий Абашидзе, — частый гость Грузии. Но не только гость. Грузия органично вошла в его творчество, стала неотъемлемой его частью. Многие строки его стихов посвящены нашей земле, ее природе, ее труженикам».

Пафос дудинских стихов о Грузии — братство поэтов различных народов. Наиболее концентрированное, афористическое выражение этот пафос получил в «Надписи на книге переводов Николоза Бараташвили»:

День новый в крови и железе
Гремит на камнях площадей.
Но светится в братстве поэзий
Прекрасное братство людей.

Раздумья об истории Грузии выводят здесь на широкий простор современной мировой истории.

Невозможно, однако, в кратком сообщении говорить о работе каждого ленинградского литератора, причастного к теме Грузии. Попробуем идти пропой обобщений. Контакт с Тбилиси давно и прочно осуществляется прежде всего через журнал «Литературная Грузия». В 1975 году он предоставил свои страницы для высказываний ленинградских поэтов, писателей, литературоведов. Среди них была Галина Цурикова, которая затем выпустила в Ленинграде интересную книгу о Тициане Табидзе, а сейчас развивает тему Грузии в прозаических жанрах. Дмитрий Молдавский в указанной подборке высказался достаточно категорично: «Сейчас ни историку кинематографа, ни историку поэзии без знания того, что делается в Тбилиси, далеко не уйти». И он творческой практикой подтверждает свой внутренний контакт с Тбилиси — недавно, например, была опубликована в Ленинграде его рецензия на выпущенный издательством «Мерани» сборник стихов русских советских поэтов о Грузии «Если нельзя про это».

Среди участников подборки в «Литературной Грузии» был и Георгий Холопов. Он писал: «Меня всегда увлекала очень яркая, самобытная, насыщенная глубокими мыслями грузинская поэзия». Георгий Константинович Холопов — главный редактор ленинградского и всесоюзного журнала «Звезда». И он на деле доказывает, что верен Грузии. В «Звезде» не только печатают произведения грузинских авторов, но и внимательно следят за развитием грузинской литературы. Об этом может свидетельствовать статья Владимира Лаврова в десятом номере журнала за 1978 год, в которой говорится о романе Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхия». Автор анализирует новое произведение грузинского собрата, раздумывает над причинами его успеха. Он вводит грузинскую прозу в контекст прозы общесоюзной. Статья эта не случайна для ее автора: Владимир Лавров принадлежит к числу тех, пока еще немногих, ленинградских литераторов, для которых Грузия стала близкой.

Годом раньше в «Звезде» (1977, № 3) была опубликована интересная статья Анатолия Пикача «Древняя земля — молодое небо», посвященная современной грузинской литературе. Внимание автора привлекает цикл Ираклия Абашидзе «Гимн жизни на земле» с его беспокойством за будущее человечества и верой в счастливое будущее. А. Пикач подробно говорит о прозе Нодара Думбадзе, выделяя в ней сочетание обличительной остроты и жизнеутверждающего пафоса. Он рад отметить творческие переключки писателей братских литератур. Так, сопоставляя стихи Шота Нишнианидзе со стихами Сергея Есенина, он отмечает не только образную близость, но роднящую поэтов подлинность патриотического чувства, любви к родной земле.

«Дружба народов — дружба литератур». Говоря о деятельности журнала «Литературная Грузия», А. Пикач подчеркивает хорошую традицию этого журнала — рассказывать об иноязычных (прежде всего — русских) писателях и об их отношении к Грузии. «Журнал, у которого есть свое лицо и свои хорошие традиции», — так говорит о «Литературной Грузии» ленинградский критик. Его вывод тем более заслуживает внимания, что он основывается на анализе целого ряда опубликованных в журнале произведений И. Абашидзе, В. Жгенти, Г. Цицишвили, Ю. Мосешвили, Т. Чиладзе, А. Адамия, А. Абшелава, Н. Думбадзе, С. Дранула, Г. Гелашвили, Ш. Нишнианидзе, А. Сулакаури, О. Иоселиани, Ф. Халваши, А. Каландадзе, Г. Гвердцители.

Пройдя по страницам «Звезды» еще чуть назад во времени, найдем содержательную статью Ирэны Сергеевой «Нас в этот город дружба привела...» (1973, № 1). Автора интересует работа грузинских поэтов над темой Ленинграда. Анализируя стихи Галактиона Табидзе, Иосифа Гришашвили, Ладо Сулаберидзе, Тамаза Чиладзе, Сергеева подчеркивает, что ленинградская тема помогает им расширить идею дружбы народов, русско-грузинских связей.

«Звезда» идет во главе ленинградской периодики, но грузинская тема звучит не только в ней. В журнале «Нева» были

опубликованы переводы М. Дудиным стихов М. Квливицидзе, стихи В. Торопыгина «Улица Руставели», Г. Гампер «Свадьба в Кахетии». Главный редактор «Невы» Александр Федорович Попов и секретарь Союза писателей Грузии Георгий Шалвович Цицишвили договорились о творческом контакте, об обмене материалами.

Возьмите такое, казалось бы, сугубо местное издание, как альманах «Молодой Ленинград», публикующий произведения начинающих ленинградских писателей, — и здесь вы найдете имя Грузии. И не только имя, а и глубокие раздумья о национальном своеобразии республики, ее народа, его поэтов и художников. Я имею в виду очерк Ирэны Сергеевой «Воспоминания о Тбилиси». Автор напоминает слова Чаадаева: «чтобы явственно говорить роду человеческому, надо обращаться к своей нации, иначе не будешь услышан». И автор рассказывает о патриотических истоках творчества Софьи и Тенгиза Мирзашвили, Зураба Размадзе, Реваза Тархан-Моурави и других своих тбилисских друзей.

Дружба с Грузией — это дружба сердца. В первый раз я приехал в Грузию с рюкзаком за плечами, не зная там никого. Но имя Николая Тихонова, изучением творчества которого я начинал тогда заниматься, открывало мне двери и сердца. Управляющий делами Союза писателей Грузии Иродион Кавкарадзе выдал мне документ, коим предписывалось оказывать подателю всемерную помощь в его исследовательских замыслах. Давний друг Николая Семеновича Мзия Александровна Эрнстави помогла мне увидеть Грузию во всем ее разнообразии и блеске. Почему я об этом говорю? Да потому, что сердце всегда откликается сердцу. Я уехал в Ленинград, но в сердце Грузия осталась навсегда. Я почувствовал свою причастность к песенному мосту, сам себя как бы назначил представителем Грузии в Ленинграде. Как поэт, я написал ряд стихов о Грузии. Как переводчик, опубликовал в русских и грузинских изданиях стихи грузинских поэтов. Как литературовед разрабатывал грузинскую тему в монографиях «Поэт и мир», «Поэт романтического подвига», в пособии для учителей «Литература народов СССР». Как сотрудник Пушкинского дома выступил оппонентом на защите в Ленинграде диссертации аспиранта из Грузии Т. Путуридзе. Как журналист публиковал в журнале, где работал, материалы о Грузии.

В индивидуальном выражается общее, вот почему я говорю о себе. Я мог бы также говорить о Владимире Торопыгине, который дружит с Иосифом Нонешвили, Нодаром Джалагония, переводит стихи друзей. Книга стихов Нодара Джалагония «Поезд «Грузия — Сибирь», выпущенная издательством «Мерани» в переводе Владимира Торопыгина, — несомненная удача и автора, и переводчика. В ней много стихотворений, значительных по мысли, концентрированно передающих миропонимание поэта, например «Белая и Черная Арагва»:

В Белой — в будущее вера.
В Черной — ненависть к врагу.
В Белой — слез грузинских мера.

- В Черной — кровь на берегу.
 В Белой — Грузии дыханье.
 В Черной — смерть ее врагов.
 В Черной — прошлое, страданье.
 В Белой — завтрашнего зов.

Зов завтрашнего дня явственно слышен в разделе «Ния-Грузинская». Здесь собраны стихи о БАМе, куда поэт приехал не праздным гостем. Он работал плечом к плечу со своими героями, и это помогло ему найти слова, достойные его темы. Важно и то, что переводчик также бывал на БАМе, — пример равноценного содружества двух поэтов. На БАМе как бы встретились их индивидуальные творческие устремления. Уже упоминавшееся стихотворение В. Торопыгина «Улица Руставели» посвящено грузинскому поселку Ния на БАМе, тому самому, что определил замысел книги Н. Джалагания.

Крепнут контакты не только лепких на подъем поэтов, но и солидных историков литературы. Уже в течение ряда лет в издательстве «Мерани» доктор филологических наук Вано Шадури выпускает сборники, посвященные Пушкину, Лермонтову, Грибоедову, Чернышевскому. Трудно переоценить их значение. Составленные с любовью и вниманием, они содержат богатый материал, несомненно, играют большую идейно-воспитательную роль. Открывающийся обстоятельной вступительной статьей, сборник, посвященный Пушкину, например, содержит произведения великого поэта о Грузии, проникновенные высказывания современников о его творчестве. Особый интерес представляют материалы послереволюционного времени, речи и доклады деятелей грузинской литературы о Пушкине, стихи о нем, принадлежащие перу Ираклия Абашидзе, Галактиона Табидзе, Иосифа Нонешвили, Хута Бериулава и других грузинских поэтов. Сборник подчеркивает плодотворность встреч русских и грузинских литературоведов, например, участия в пушкинской конференции в Тбилиси научных сотрудников Пушкинского дома в Ленинграде — академика М. Алексеева, докторов и кандидатов наук Г. Фриндлендера, Б. Сандомирской, Р. Незуитсвой, Я. Левкович, Н. Петруниной и их коллег.

Вано Семенович Шадури — частый посетитель и друг Пушкинского дома в Ленинграде. Здесь же в Пушкинском доме с докладами о творчестве Н. С. Тихонова выступили в 1971 году тбилисские литературоведы Валентина Балуашвили и Мери Христесашвили. А недавно издательство «Мерани» выпустило книгу Балуашвили, посвященную русско-грузинским литературным связям.

«Встреча с Грузией» — это название книги Балуашвили звучит для меня не только констатацией прошлого, но и призывом на будущее. Больше дружеских встреч, литераторы Грузии и Ленинграда! Увереннее продолжим пушкинские и тихоновские традиции, традиции Ильи Чавчавадзе и Галактиона Табидзе, встретившего Октябрьскую революцию в городе на Неве.

В сентябре прошлого года ленинградские поэты, как и каждой осенью, получили приглашение участвовать в очеред-

ном «Дне поэзии». Но на этот раз редколлегия сборника предполагает поместить в «Дне поэзии» и переводы. Прекрасное начинание, пусть оно увенчается успехом! А как обстоит дело с публикацией ленинградских поэтов в Грузии? В недавно изданном сборнике, о котором я уже упоминал, они представлены достаточно скупо. Нет, например, ни стихов, ни имени Александра Рытова, а у него есть такие интересные стихи о Грузии, как «Ингури», «Девочка из Наки», «Охотник и Дали»:

**Над Ингури, над башнями сванов, криком древней печали,
Рдяной страсти, давно позабытой, сокрытой веками:
Подари мне сентябрьского тура, солнцеликая Дали!
Подари мне сентябрьского тура с золотыми рогами!**

Александр Рытов не сможет ныне прочитать сам свои стихи — прочитаем же мы их за него, пусть грузинское сердце услышит любовь к нему русского поэта! Пусть оно услышит стихи Ирэны Сергеевой, пусть сбудется ее мечта: «И отдам я все дни мои, чтобы в Грузии ночью глубокой прочитали стихи мои, повторяя отдельные строки». Еще в ее книге 1973 года «Гость» Грузии был посвящен большой цикл. Список грузинских поэтов, которых она переводила, достаточно обширен: Шалва Кармэли, Виктор Габескирия, Ладо Сулаберидзе, Эмзар Квицанишвили, Нази Киласония, Нелли Габриелидзе, Морис Поцхишвили. В переводах Ирэны Сергеевой отмечают стремление к передаче звучания мелодии грузинского стиха.

Гете говорил: если лирический поэт не пишет прозу, значит, ему не о чем писать. Сергеева, как мы видели, стихами не ограничивается, тему Грузии она разрабатывает разножанрово — как очеркист, как критик. Но и в прозе остается поэтом, недаром предпосылая своим очеркам вдохновенные признания в любви:

**Нарисуй акварель про апрель,
Отчекань мне декабрьские листья
И, мерцая глазами, Тбилиси,
В мою первую верность поверь.**

Известно, что каждый грузин — поэт, а потому грузинский поэт дважды поэт. Арифметика эта исполнена большого философского смысла, ибо душа Грузии напоена воздухом родины. И мы по примеру больших русских поэтов поднимаемся к ее синему небу с чувством признательности и восхищения. Как сказал Николай Тихонов:

**Крутой тропею — не ленись —
К лесам Таврарским подымись,
Взгляни в открывшуюся высь, —
И ты увидишь наяву
Неснившуюся синеву...**

**Перед такую синевой
Я был когда-то сам не свой.**

Перед такою синевою
Встань с непокрытой головой...

0619350201

Уже не встретит меня в гостеприимном писательском дворце на улице Мачабели Георгий Леонидзе. Нет Чиковани. Нет Ило Мосашвили. Что ж, преимущественно не только поэзия, преимущественно жизнь человеческих поколений, создающих поэзию. Сегодняшняя Грузия встает в стихах Григола Абашидзе, Иосифа Нонешвили, Шота Нишнанидзе, Хута Берулава, Мориса Поцхишвили, Джансуга Чарквиани. Они владеют тайной покорения чутких сердец:

Когда вспорхнешь ты ласточкой весенней,
Когда твой взор умоет небо синью,
Я жду тебя весь май, весь май — как вечность,
Мир без тебя — как желтая пустыня.

О, так журавль летит с чужбины дикой,
Прибой тоскует, землю обнимая,
Надежду я ращу, как землянику,
Под беспощадно ярким солнцем мая...

И вновь думаешь о песенной радуге Ленинград — Тбилиси. Жизнь идет вперед, и все новые знаменательные вехи появляются на ее дороге. Переводит грузинских поэтов Михаил Дудин. Владимир Торопыгин написал стихи, посвященные Иосифу Нонешвили, которого недавно ленинградские литераторы поздравили со славным юбилеем. Газета «Вечерний Ленинград» опубликовала стихи о Днях советской литературы в Грузии осенью 1978 года. В ленинградском отделении издательства «Советский писатель» готовится новая книга Ирэны Сергеевой «Ветер в городе». Откройте ее наудачу — вы прочтете стихи о нашей дружбе, о Грузии, о Тбилиси:

Не плачь, Тбилиси, я вернусь!
Сотри дожди с лица и с улиц!
Все, кто любил тебя, вернулись,
Их слово помнят наизусть.

Тбилиси! Радость ты и грусть!
За что меня ты возвышаешь?
Один меня ты утешаешь,
Тбилиси! Я тобой кланюсь!

Хорошо сказала Ирэна Сергеева — правильно и точно. Мы непременно вернемся в Тбилиси, мы встретим улыбки грузинских друзей. Высокий и радостный долг — вместе искать и находить слова, достойные нашего времени. Так пусть все ярче сияет над нами песенная радуга, черпающая вдохновение на севере из пасмурной (нет, голубой!) Невы, на юге — из легендарных Куры и Арагви!

В СОГЛАСИИ С ПРАВИЛАМИ ЧЕСТИ И ЧИСТОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ

(О КНИГЕ ЛЕВАНА ХАИНДРАВА «ДЫМКИ НА ГОРИЗОНТЕ»: ЗАМЕТКИ, ВОЗРАЖЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ)

1.

Сразу хочу сказать, что это не исследование творчества писателя Левана Хаиндрава, на что, не будучи литературоведом или литературным критиком, не смею претендовать. Это и не литературный портрет, ибо литературный портрет тоже результат исследования. Это, действительно, только заметки, продиктованные естественной потребностью поделиться первыми впечатлениями о прочитанном и давним желанием высказать свое глубокое уважение к человеку, который рядом с нами, вот уже многие годы, с достойным подражания трудолюбием, пишет правдивые, добрые книги.

Удивительно бесшумно работает Леван Хаиндрава. У иного литератора книга еще целиком в «чернильнице», а он уже говорит о ней повсюду, как о готовой, совершившейся, с трибун говорит, со страниц газет и журналов, по радио и телевидению. И вот годы проходят, годы, интervью множатся, хоть отдельной книгой их издавай, но книги, которую они предвещают, а если точнее — рекламируют, все нет и нет.

У Левана Хаиндрава тоже уходят годы на создание книги, годы молчания и труда. Труда в молчании, а значит, серьезного, сосредоточенно-глубокого, тяжелого, такого тяжелого, что уже не до болтовни, и такого необходимого, что без него уже просто нельзя. Жить нельзя, да, да — жить невозможно, если не сказать, что обязан сказать, если не выполнить эту радостную и тяжкую, эту сладостную и горькую и только тебе одному предназначенную работу.

Вся суть в одном-единственном завете.
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете
Живых и мертвых, — знаю только я.
Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог.
А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

Удивительные, и я бы сказал, программные для каждого художника строки — это Александр Твардовский о труде настоящего писателя, — а Александр Трифонович, как мало кто, знал цену писательскому труду.

Убежден, что так и только так создают и настоящие книги, и настоящие картины, и вообще все настоящее и по-настоящему нужное людям.

И это, по-моему, прекрасно.

А вот когда молчат об уже созданных произведениях — это плохо. Плохо и неуважительно по отношению к писателю, плохо и неуважительно по отношению к тем, для кого писатель создает свои произведения.

О книгах, об уже вышедших книгах Левана Хаиндрава чаще всего молчат, а это несправедливо и обидно. Мне, читателю, обидно. Автор, разумеется, молчит из присущей ему скромности (Леван Хаиндрава скромнейший из лично известных мне литераторов, и мне очень по душе, что он такой и что другим быть не может, во всяком случае, иным его я себе не представляю), а вот почему молчат те, кто должен сказать о них свое слово, хотя бы в силу своего профессионального долга? Для чего же тогда стоят на своих боевых постах критические «дальномерщики» и «локаторщики»? Для того, конечно, чтобы смотреть и видеть! А вот не заметили (так и подмывает сказать: «Дымки на горизонте» не увидели, но дело серьезное и тут не до каламбуров), не обратили внимания, не почуяли. Попросту говоря, прозевали вы, братцы-критики, книги хорошего писателя Левана Хаиндрава.

В каком-либо преднамеренном равнодушии и пренебрежении я наших критиков, понятно, не обвиняю. Преднамеренности нет, а вина все же есть, хотя мне известно, какое множество самых разных факторов мешает подчас хорошей книге попасть в поле зрения критики. Ну да, бог с ними, с критиками... И не в порядке соревнования с ними я взялся, так сказать, не за свое дело, то есть за эти заметки, а прежде всего потому, что «Дымки на горизонте» — книга, которую я прочитал не только с интересом (Леван Хаиндрава весьма и весьма умелый, интересный рассказчик), но и с большой пользой для души своей, что мне, не критику, не так просто объяснить. И все же в меру своих сил и способностей попробую это сделать.

Меня очень привлекает в книге «Дымки на горизонте» ее тон (прежде сказали бы — дух ее, а теперь скажут — настрой Модное, но до чего же не симпатичное мне словечко!), который я хотел бы определить, может быть, несколько архаичным, но зато точным словом — благородство.

Но вот я назвал это слово несколько архаичным и призадумался — а так ли это? Нет, конечно: благородство—слово весьма и весьма сегодняшнее, а еще больше завтрашнее (завтрашнее — говорю я потому, что, как и все мы, верю — завтрашние люди будут чище, благороднее нас, сегодняшних. Без такой веры не сажают дерево и не строят дом. А мы сажаем сады, мы строим города и села). Так что, напрасно, совсем напрасно мое беспокойство — никому сейчас не придет в голову трактовать и понимать слова благородие, благородный и благородство, как трактовали его силу и власть имущие в дореволюционной Российской империи. А толковали, как свидетельствует Владимир Иванович Даль, так:

«Благородие... дворянское происхождение; всякому дворянину, независимо от заслуг и от выслуги его, а равно и всякому обер-офицеру, присвоен почет благородия; благородство... качество, состояние это, дворянское происхождение; II поступки, поведение, понятия и чувства, приличные сему званию, согласные с истиною, честью и с нравственностью». И еще у Даля о тех, коих хочешь не хочешь, заслужили или не заслужили, достойны или недостойны, надо было титуловать «Ваши благородия» — «Благородный, происходящий от дворянского рода, дворянин; обер-офицер, чиновник обер-офицерского чина; II согласный с правилами чести и чистой нравственности, честный, великодушный, жертвующий своими выгодами на пользу других».

Не беру на себя смелость судить, насколько прочно и неразрывно сам Владимир Иванович Даль связывал с дворянским званием, с дворянским происхождением понятие о благородстве, благородности, хотя он и дает нам вполне достаточное основание сомневаться в неразрывности этих уз — посмотрите его «Напутное слово» и вы прочтете там: «Поперечный отдел (II) отделяет другое значение слова, за разделом сим объясняемое».

Последуем за этим указанием «Напутного слова» и сразу, не входя в обсуждение личных пристрастий и взглядов В. И. Даля, увидим, что другое значение слов благородный и благородство «за разделом сим объясняемое» несравнимо шире и несравнимо демократичней, а главное, уже никак и ничем не связано с высокомерными сословными притязаниями дворянства, узурпировавшего, присвоившего себе исключительное право на благородство. Теперь мы, несколько не противореча Далю — наоборот, тут мы с ним единомышленники, — можем смело сказать: благороден всякий человек, согласный с правилами чести и чистой нравственности, честный, великодушный, жертвующий своими выгодами на пользу других.

Мне могут сказать: «Ну, зачем этот затянувшийся экскурс? При чем тут лексикография? Благородный и благородство, честь и достоинство — ну сколько еще можно об этом? Да и зачем вы

ставите себя в смешное положение человека, который всем доказывает, что колесо круглое, а не квадратное?». Ничего не скажешь — интересные и, я бы сказал, даже «коварные» вопросы, но у меня на них заготовлен достойный, по-моему, и тоже «коварный» ответ. Ответ вопросом на вопрос: «Скажите, а вы часто — ну пусть даже не ежедневно, не ежедневно — сверяете с понятием благородства и чести свои помыслы, свои — и не только свои — поступки? Что? Как-то не думали? Жаль, следовало бы думать». Это я говорю не только моему возможному, очень даже возможному, возражателю, это я и себе в укор говорю, потому что и сам... Но о себе говорить сейчас не буду — неуместно. Вернемся к книге «Дымки на горизонте», в связи с которой возникли и этот экскурс в лексикографию, и данный разговор о благородстве и чести. Нравственные проблемы, как известно, принадлежат к вечным проблемам литературы, и я написал слово «данный», чтобы подчеркнуть конкретность нашего разговора; так как поводом для него послужила не литературская привязанность к вечным темам, а вот эта, в незатейливой обложке, книга Левана Хаиндрава, потому что вся она, как я уже сказал, высоким духом благородства и чести проникнута. Да и написана она, как я полагаю, ради утверждения этих основ человеческой, достойной человека жизни, во славу их. Да — во славу того, что делает человека человеком. Это не значит однако, что книга Л. Хаиндрава только о людях благородных, что она только благородство и чистоту показывает — автор показывает и подлость, причем, показывает нам настоящую ее подлую харю и называет ее настоящим ее подлым именем, потому что в войне против благородных и честных она нередко выступает в чужих благопристойных обличьях, под чужими благопристойными именами.

Книга «Дымки на горизонте» одна из многих — к нашему счастью их много — благородных книг — борцов за достоинство человека. К глубокому нашему сожалению, есть на свете и иные книги, подлые книги (не будь их, не стал бы я — да и никто не стал бы так настойчиво и так подробно говорить о том, что уже давно и всем известно, о том, что еще в пору своей юности человечество записало на каменных — для вечного сохранения — скрижалях). Авторы таких книг рисуют человека как вместилище самых низменных страстей и животных инстинктов. Всячески стараясь унижить и принизить человека, оплевывая ядовитой слюной все чистое в нем, они предвещают как нечто неизбежное. «Недалек тот час, — зловеще каркают они, — когда порочный по своей натуре человек, не устояв на двух ногах, снова опустится на четвереньки». Человек, человеколюбивая литература противопоставляют бесчеловечной, человеконенавистнической свою глубокую убежденность в высочайшем предназначении человека, свою непоколебимую веру в то, что человека никогда не вернуть на четвереньки, ибо есть у него такие, приобретенные на долгом пути, опоры, как совесть и честь, благородство помыслов и поступков, любовь к себе подобным и чувство ответственности за все, что происходит на планете Земля.

Вот об этом, главным образом об этом, книга Левана Хаиндрава «Дымки на горизонте».

Когда в книге так отчетливо, с такой определенностью роживается ее направленность, ее основополагающая идея, всегда возникает интерес к тому — откуда это? Из какого источника? Книга Левана Хаиндрава «Дымки на горизонте» сама в первом же рассказе, на первых же страницах (что потом неоднократно подтверждается и в других рассказах) дает исчерпывающий, на мой взгляд, ответ на этот вопрос.

Автор книги «Дымки на горизонте» — человек нелегкой, «необычной судьбы» — это взятые в кавычки слова из предисловия. И далее, из того же предисловия мы узнаем, что Леван Хаиндрава «родился, вырос и возмужал вдали от родной земли, нерасторжимой частицей которой чувствовал себя с первых лет сознательной жизни, и упорно стремился к ней, пока уже зрелым человеком не стал ее гражданином». В открывающем книгу рассказе «Муций Сцевола» Хаиндрава весьма лаконично, пока только для зачина, говорит об образе жизни своих единомышленников в стране, куда судьба забросила его семью. «Население Харбина (автор говорит в данном случае о Харбине начала века. — Э. Ф.) было очень смешанное. Помимо русских и, естественно, коренных жителей края — китайцев, в Харбине обосновались представители почти всех национальностей Российской империи: украинцы, поляки, грузины, армяне, евреи, татары. Особенно много грузин появилось в Харбине в 1905—1906 годах. Это были и высланные из Грузии участники революционных событий, и те, кто, опасаясь репрессий царских властей, сами решили на время переменить местожительство... Грузины и здесь, в труднообозримом отдалении от родины, в значительной степени сохранили привычный уклад, приверженность обычаям своей страны и жили в тесном общении между собой, не замыкаясь, однако, в рамках одной национальности».

Вот в этом я и увидел простой и ясный — не упрощенный — ответ на вопрос об истоках. У грузин, оказавшихся в «труднообозримом отдалении от родины», отобрали многое, их оторвали от отчей земли, от родной почвы, но душу грузинскую отнять не смогли. А в ней, в душе — все сокровища, бесценное богатство. Конечно, и это богатство можно потерять — это уж целиком зависит от самого человека, — но заброшенные на чужбину грузины берегли его pulse жизни, передавая из души в душу своим детям. Отсюда и тот высокий дух благородства, которым проникнута книга Левана Хаиндрава, — его, рожденного вдали от родины, воспитали и вырастили грузином, в духе народной, грузинской нравственности, в основе которой любовь к родине, честь человека и его человеческое достоинство. И еще — это само собой разумеется — всегда присуще грузинскому народу братское чувство к другим народам, к людям другой национальности. Для Левана Хаиндрава с самого раннего детства русский — брат, китаец — брат, еврей — брат, поляк — брат... Русский язык, русская художественная литература приобщили Левана Хаиндрава к духовной жизни народа-брата; английский язык позволил познакомиться с жизнью других народов. Все это вместе взятое сформировало художника. В созданных на русском языке (Л. Хаиндрава начал писать художественную прозу еще за рубежом, в Китае, сотрудничая в тамошней

русской прогрессивной печати) его рассказах, независимо от того, какую действительность они отображают и изображают — грузинскую, русскую, китайскую, английскую и др., — всегда отчетливо проявляется их грузинский характер. С особенной силой это проявляется в тех произведениях Хаиндрава, в которых он разрабатывает нравственные проблемы и коллизии. На меня лично в этом плане, да и вообще, сильнейшее впечатление произвели рассказы из этого сборника «Муций Сцевола», «*Perpetuum Mobile*» и «Подвиг».

Рассказу «Муций Сцевола», видимо, и сам автор придает особое значение, и не случайно он открывает книгу «Дымки на горизонте». Позволю себе привести целиком начало рассказа, так как в нем я вижу открытую, прямую декларацию взглядов автора:

«Не знаю почему, но среди героев древности мне всегда как-то особенно импонировал благородный римский патриций Муций Сцевола.

Враги захватили его и уговаривали изменить родине, угрожая в противном случае подвергнуть пыткам. Чтоб показать им свою непреклонность, Муций Сцевола положил руку на раскаленные уголья жаровни и сжег ее.

Предание гласит, что потрясенные таким мужеством и выдержкой этруски отпустили Сцевола и воздали ему почести.

Ищем ли мы в любимых героях те черты характера, которые хотели бы иметь сами? Предчувствуем ли собственную судьбу? Или подвиг героя заставляет звучать скрытые струны нашей души в силу каких-то неведомых психологических причин? Кто возьмется ответить на эти вопросы?

Но когда я думаю о Муции Сцеволе, мне часто вспоминается одна давняя дальневосточная история, которую я в юности слышал от своего отца...».

Не пересказывая произведения, что просто невозможно, напоминаю только о том, что произошло в начале нашего века на берегах Сунгари: в харбинский дом ссыльного, лишенного в России прав и звания грузина Давида Нижерадзе приходит с просьбой дать ему работу (Нижерадзе стал в Харбине преуспевающим предпринимателем) молодой человек Джумбер Гедеванишвили, за плечами которого 5 лет сахалинской каторги, а впереди 7 лет ссылки. Работу, хлеб, кров — все нашел в доме Нижерадзе молодой человек. У Давида Нижерадзе не было детей, и все шло к тому, что он усыновит Джумбера, который всем своим обликом, всем своим поведением очень пришелся ему по душе. Но будь такой «благополучный» конец у этой «давней дальневосточной истории», Хаиндрава, я убежден, не стал бы рассказывать ее нам. Зачем? И причем в таком случае Муций Сцевола? Нет, совсем, совсем не благополучным концом чревата эта история — молодая, красивая жена Давида (она моложе его почти на 20 лет), воспользовавшись отъездом мужа, решила соблазнить Джумбера. Благородный молодой человек отверг ее домогания. Отвергнутая женщина отомстила ему коварно и жестоко. Вот тут-то и начался драматический поворот рассказа. Во время обеда, на который Давид Нижерадзе пригласил самых почтенных, седобородых членов грузинской колонии, он предъявляет Джумберу страшное обвинение: «Этот человек, воспользовавшись моим отсутствием, посягнул на честь моего дома».

Джумбер в отчаянии: «Лучше бы он меня ударил... Убил бы... Было бы легче. Как мне жить дальше, с таким обвинением, с таким позором?». Джумбер жалеет, что при нем нет револьвера. «Это был бы лучший выход... Но нет, невозможно оставить всех с убеждением, что Джумбер Гедеванишвили был подлецом. С этим клеймом ни жить нельзя, ни умереть невозможно».

Вот так и только так: с клеймом бесчестия нельзя жить и нельзя умереть.

Немного, совсем немного слов произнес Джумбер Гедеванишвили в свою защиту: «...Я не виновен. Моя совесть чиста. Никогда, ни в одно мгновение, даже в мыслях своих я не посягнул на честь своего благодетеля. Я не знаю, поверите ли вы мне. Мы, люди, всегда легче верим плохому. Но я говорю правду. Вот моя кровь... — и тут Джумбер положил левую руку на стол, а правой вынул из ножен кинжал. — Пусть она вытечет из меня вся до капли, если я лгу сейчас хоть единым словом!

С этими словами он с силой ударил клинком по указательному пальцу. Палец, как лежал на столе, так и остался лежать рядом с другими, начисто отрубленный у самого основания. Кровь струей брызнула через стол...».

Давид Нижерадзе сразу понял все. И принял решение. Бесповоротное. Наутро он вышел из кабинета, где долго просидел запершись, кликнул жену и вместе с ней уехал на другой берег, а вечером вернулся один.

«Ночью большой дом вспыхнул со всех четырех углов и в течение часа сгорел дотла.

За несколько минут до пожара Давид Нижерадзе вышел из ворот своего дома и навсегда исчез для всех, знавших его в Харбине».

Не имеет права на счастье человек, сделавший несчастным другого.

Не должен стоять дом, в котором оклеветали и запятнали грязью бесчестия ни в чем не виноватого.

Кровью и огнем отвечают на это честные люди Давид Нижерадзе и Джумбер Гедеванишвили.

Могут сказать: суровы, жестоки, беспощадны такие законы, такие правила чести. Неужели возможен только такой ответ чести на бесчестье — кровь и огонь? Хорошо, конечно, когда без крови и огня, — отвечаю я, ибо сердцем своим не приемлю пролития крови. — Но что могли, отстаивая свою честь, противопоставить Джумбер и Давид коварству, подлости, предательству ТОГДА и ТАМ? Ведь они люди СВОЕГО времени — Джумбер и Давид — они герои давней, предавней дальневосточной истории, которую нам, сегодняшним, так сдержанно, по-мужски, почти без восклицательных знаков поведал наш современник Леван Хаиндрава.

Так же сдержанно — но это не значит вовсе, что бесстрастно, наоборот, — написал Леван Хаиндрава и рассказ «*Perpetuum Mobile*». Это тоже давняя дальневосточная история. Герой ее — «...ирландец с классической ирландской фамилией О'Конор. «Майкл О'Конор, майор ирландской армии» — значилось на визитной карточке.

Текст этот, где делалась ссылка на несуществующую армилу, но отсутствовал хотя бы домашний адрес, не мог не вызвать удивления.

Впрочем, этим не исчерпывались странности моего знакомства, но мало ли странных людей встречается в таком городе, каким был Шанхай в тридцатые годы?».

Так представляет О'Коннора шанхайский студент, юный грузин, чьими чистыми глазами мы видим не только странности О'Коннора — да и какие это странности! — но и, что самое главное, видим душу человека, в самом высоком смысле этих слов благородного и самоотверженного.

Конечно, молодого человека поначалу многое удивляет в О'Конноре. Удивляет и привлекает. И прежде всего то, что он нисколько не похож на других подданных британской короны. «Мне было странно, — признается рассказчик, — что он говорит об англичанах в третьем лице. Англичане, шотландцы, ирландцы, несмотря на все их противоречия, все еще сливались в моем сознании в одну кучу: говорящих по-английски, высокомерных и злоупотребляющих своим привилегированным положением иностранцев, общение с которыми не убеждало меня в их превосходстве».

Нет, не похож О'Коннор на других британцев: «Все известные мне до сих пор британцы служили или в муниципалитете международного сэттльмента, или в таможне, или в многочисленных фирмах, банках, пароходных компаниях, — если только не были их владельцами, — все зарабатывали очень хорошо», а Майкл О'Коннор беден, очень беден, и непонятно даже, на что он существует, хотя он довольствуется малым — тарелка лобно в скромном грузинском ресторанчике дяди Анисима или в китайском районе, где рассказчик как-то увидел О'Коннора, сидевшего «на узкой скамеечке уличного ресторанчика, который хозяин — он же повар — переносит в поисках клиентов с места на место с помощью коромысла. О' Коннор ел из фаянсовой чашки одно из самых дешевых блюд, состоявшее из вареного риса, обильно сдобренного бобовой соей, и двух-трех листков морской капусты. Рядом сидели и ели ту же пищу несколько рикш и кули».

Истинному джентльмену из сэттльмента, презирающему всех китайцев, а тем более таких — рикши и кули для него даже не люди, они для него рабочая скотина и только, — такой обед в таком обществе показался бы кошмарным сном. А для О'Коннора это обычная его жизнь, жизнь среди равных — все угнетенные ему, сыну угнетенного ирландского народа, — братья, все угнетатели ему — враги.

С уважительным интересом приглядывается молодой грузин к О'Коннору, и это уважение во сто крат возрастает, когда О'Коннор говорит, что он во время мировой войны был участником восстания ирландцев против владычества англичан. «Вы знали Роджера Кэйзмента?» — спрашивает О' Коннора молодой грузин, читавший о трагической судьбе руководителя восстания, повешенного англичанами. «Его осудили за измену, — вспоминает юноша, — как будто человек обязан верностью не своему народу, а его работодателям». «Я был его соратником», — с гордостью отвечает на вопрос юноши О'Коннор. «Передо мной стоял участник героического восстания. В эту минуту мне почудилось, что меня овевает дыханием чужой

славы и мученичества. О'Коннор сразу вырос в моих глазах». Уважение молодого грузина к О'Коннору не уменьшается и тогда, когда он узнает, чем занимался здесь, в Шанхае, О'Коннор — оказывается, он делает удивительную машину, он создает вечный двигатель, который намерен отдать практичным англичанам в обмен на свободу своей родины. Юноша-студент, конечно, понимает, что она наивна и неисполнима — эта идея О'Коннора, но он понимает, больше сердцем, чем умом, и то, как чисты и благородны помыслы и устремления этого не сдавшегося злу человека.

Мечтателю О'Коннору не удалось осуществить свою пусть наивную, но бескорыстную, а потому благородную мечту — один из донкихотов XX века, он надломился, сгорел.

Не знаю, существует ли сейчас шанхайское кладбище Лю-Кавей, где много лет назад юноша-грузин прикрепил к деревянному кресту на могиле безвестного вонна свободы дощечку, на которой не было обычных дат рождения и смерти, но зато были изображены на черном фоне три белые лилии — треугольником, герб его родины, а под ними: «Майкл О'Коннор, майор ирландской армии». Очень может быть, что уже сравнивали с землей и ту могилу и то шанхайское кладбище — мир сильно изменился за эти годы, изменилась, и, к великому нашему сожалению, не в лучшую сторону, жизнь в Китае, но все бури и ураганы все же не замели след — пусть даже не глубокий след, — оставленный в жизни Майклом О'Коннором — в далеком от Шанхая Тбилиси, грузин Леван Хаиндрава написал рассказ о свободолюбивом ирландце, написал потому, что не мог не написать, потому что пером его водили долг и совесть и глубокое убеждение, что нельзя, грешно дать померкнуть свету, который излучается сгорающими ради людей, иногда прославленными, а чаще всего неизвестными солдатами свободы.

Доброе дело сделал Леван Хаиндрава, человеческое. Читательское наше спасибо за то, что он поведал нам и эту дальневосточную историю. И не менее благодарны мы писателю за то, что он рассказал историю всем нам до боли в сердце близкую.

...В захваченном немецкими фашистами советском городе осталась, не успевшая вовремя уехать, семья профессора местного университета — глава семьи Аркадий Павлович Волинский, его жена Елена Викторовна и их сын студент 2-го курса Игорь, которого из-за порока сердца не взяли в армию. Вот о них и рассказ «Подвиг», рассказ внешне очень простой и вместе с тем чрезвычайно сложный, — простой и сложный как сама жизнь.

Жизнь под игом оккупантов мучительна для Волинских. Аркадий Павлович говорит жене: «У меня нет сил, Лена, отрубить руку, которая вдавликает нас в грязь, но уж целовать-то ее я никогда не буду». Еще тяжелей, чем отец, переживает беду Игорь: «...Сама мысль, что он живет под властью ненавистного врага, была для него невыносима... Душа его жаждала действия, сердце его переполняло гнев, оскорбленное самолюбие не давало ни минуты успокоения». Игорь упорно ищет тех, кто ведет активную борьбу с оккупантами, — подпольщиков, партизан — он должен быть с ними. На второй год оккупации Игорь исчезает. Некоторые обстоятельства его исчезновения дали «повод близким людям высказать лишенное основания предположение, что Игорю удалось связаться с партизанами и, быть может, даже перейти линию фронта».

Елена Викторовна горячо поверила в это и потом всю жизнь ждала, что вот-вот постучат в дверь и войдет ее мальчик, ее Игорь, живой и невредимый. И Аркадий Павлович все время поддерживал в ней ту святую веру, хотя уже давно знал горькую правду. И вот, спустя до отступления немцев Волынского «вызвали в гестапо и там ему было предъявлено для опознания тело сына. Игорь, не найдя связи с подпольщиками, решил действовать самостоятельно и, по своей неопытности, попался на первой же операции. Он был убит в перестрелке, успев только легко ранить, неизвестно где раздобытым револьвером, одного гестаповца». И все эти долгие годы, «живя бок о бок с женой, обсуждая с ней ежедневно и ежедневно планы обнаружения и спасения Игоря, составляя под ее диктовку заявления и прошения, Аркадий Павлович хранит в своем сердце тайну судьбы сына, зная, что Елена Викторовна не выдержит ужасной правды».

Человек вдобавок к своей боли принял на себя боль другого человека. «Шени чириме» — говорят в таких случаях грузины, и в этих словах древний и вечный смысл человеческого благородства — твою боль мне, твою беду мне.

И берут на себя, и безропотно несут тяжкий крест страданий, предназначенных другому человеку, и никогда, ни за что свои боли, свои страдания не переложат на плечи другого. Вот о таком подвиге любящего человеческого сердца и поведал нам Леван Хаиндрава в этом коротком, удивительно емком рассказе.

Ветераны Великой Отечественной войны, к седовласому братству которых я имею честь принадлежать, знают, что такое подвиг на поле боя, на партизанской тропе, в подполье, но и перед подвигом Аркадия Павловича Волынского любой ветеран, я убежден, почтительно склонит свою голову. Думаю об этом незаметном, долгом подвиге с гордостью. С гордостью за человека Разумного, за человека Благородного.

Я сознательно ограничил свою статью рассуждениями только об этих трех рассказах из книги «Дымки на горизонте», потому что они в силу многих обстоятельств наиболее близки мне, хотя и многие другие рассказы сборника произвели на меня не менее сильное впечатление.

4.

Возражения мои — а их два — к Левану Хаиндрава отношения имеют косвенное. В главном мы с ним единомышленники, а о некоторых частных спорных моментах говорить не хочу — не моя это задача. Мои возражения относятся к авторам двух весьма и весьма благожелательных статей о творчестве Левана Хаиндрава — известному нашему писателю Элизбару Ананишвили, автору предисловия к книге «Дымки на горизонте», и к научному сотруднику Института истории грузинской литературы Сергею Серебрякову, напечатавшему 16 декабря 1978 года небольшую, но, опять-таки подчеркиваю, добрейшую рецензию на эту книгу в газете «Заря Востока».

Первое мое возражение касается интерпретации самого названия книги «Дымки на горизонте». Сам Леван Хаиндрава в ав-

торском вступлении с определенностью, не оставляющей даже малейшего повода для иной трактовки, раскрывает смысл этого названия так: «...Ты ушел, отец, в свой час, а я двинулся своим путем и не всегда даже помнил о тебе».

Как во всякой жизни, в моей было больше ошибок и потерь, чем радостей и находок, но в самые трудные минуты я видел дымки на горизонте и по ним направлял свой путь.

И теперь, завершая горестный круг жизни, я иду уже не от тебя, а к тебе, и понимаю, что дымки на горизонте — это костры, которые ты разложил, чтоб я не сбился с пути».

Как вы сами видите, у Л. Хаиндрава тут никаких недомолвок, никаких «темных мест», все предельно ясно. А вот под пером толкователя ясность эта почему-то превратилась в неясность, а дымки от разложенных на горизонте костров — в дымку, а это, извините, нечто другое (словарь С. И. Ожегова. «Дымок — ...небольшой клуб дыма; Дымка... 1. Легкая, как дым, застилающая пелена чего-н. 2. Тонкая, легкая ткань, газ»). Читаем у С. Серебрякова: «По-настоящему интересны... воспоминания писателя о прошлой жизни... Теперь, спустя много лет, мир этот словно подернут для него какой-то дымкой, сквозь которую...» и т. д. А вот еще у С. Серебрякова о сплошной дымке, в которую он превратил отдельные дымки: «Окутанный дымкой воспоминаний...».

Видимо, надо всем нам, пишущим, повесить у себя над рабочим столом предостерегающий плакатик: «Осторожно, слово!».

Неосторожное обращение со словом чревато многими опасностями еще и потому, что одна, даже не очень серьезная ошибка, как правило, влечет за собой другие, более серьезные. Так произошло и в этом случае: превратив дымки в дымку, сквозь которую писатель Леван Хаиндрава, якобы, видит свое прошлое, С. Серебряков пишет: «Это придаст рассказам, по очень тонкому наблюдению Элизбара Ананишвили, своеобразный гриновский характер, а некоторые персонажи Хаиндрава чем-то напоминают гриновских героев».

Еще несколько слов о дымке, прежде чем перейти к вопросу «о своеобразном гриновском характере» рассказов Левана Хаиндрава. Скажу коротко: не верю в «дымку воспоминаний», мешающую писателю отчетливо видеть свое прошлое, мешающую художнику это свое прошлое изображать. Будь это так, не было бы тех замечательных произведений великих писателей о детстве и юности, которые Великие написали либо в зрелом, либо в пожилом или даже преклонном возрасте. Ну, а насчет гриновского... Никакой связи между произведениями Грина, которые, кстати, люблю читать, и произведениями Л. Хаиндрава я, как ни старался, обнаружить не смог. Родившись из дымки, она, эта связь, так для меня туманной дымкой и осталась, хотя Элизбар Ананишвили в наличии ее (правда, не называя ее так прямо дымкой) не сомневается. Читаем у Элизбара Ананишвили в его статье «К портрету Левана Хаиндрава»: «Особо мне хочется отметить те, все более редкие его рассказы, в которых действие происходит за рубежом. Обстановка, пейзаж, постепенно потускневшие в памяти самого автора, приобрели понемногу почти нереальные, условные черты. От этого глубинная суть описываемых коллизий стала ярче, обнаженной. Нечто подобное имеет место в рассказах Александра Грина. И пер-

сонажи Хаиндрава, все эти англичане, французы, португальцы и даже русские и грузины, чем-то напоминают гриновских героев с их вымышленными, экзотическими именами, не имеющими никакой национальной принадлежности... Огромный Шанхай, с его равно морозящим зимним дождем, в рассказах Хаиндрава представляется мне городом в нереальном, обобщенном, экзотическом мире — чем-то сродни гриновским Лиссу и Зурбагану».

Тут многое вызывает у меня возражения, причем решительные, хотя я сожалею об этом, поскольку не менее С. Серебрякова признаю авторитет Элизбара Ананиашвили, отличного мастера слова и тонкого знатока художественной литературы. Возражение вызывает у меня и почти медицинский диагноз, слишком поспешно, чересчур лихо поставленный — потускневшая память это, знаете, не шутка — автору рассказов Элизбаром Ананиашвили. Возражение вызывает превращение в гриновских экзотических героев «с их вымышленными экзотическими именами, не имеющими никакой национальной принадлежности», — таких, скажем, героев Хаиндрава, как Давид Нижерадзе и Джумбер Гедеванишвили — это, по моему, вполне грузинские имена, — как Батов и Доронины — это вполне русские фамилии, — как Майкл О'Коннор — фамилия это ирландская и только ирландская.

Где же тут вненациональное, экзотическое? Давид Нижерадзе и Джумбер Гедеванишвили для меня грузины, самые настоящие, по всем признакам, а главное по характерам они грузины, Батов — настоящий русский, О'Коннор — настоящий ирландец, их национальная принадлежность не вызывает никаких сомнений. А что до сходства Шанхая и Харбина с Лиссом и Зурбаганом... Ну, для чего, скажите, писателю Левану Хаиндрава понадобилось бы о городах, в которых он жил не день или два, а годы, и которые покинул не в непомнящем себя младенчестве, а в памятливые зрелые годы, писать как о придуманных Зурбагане и Лиссе? Никак невозможно поверить в такую писательскую причуду.

И еще: приписывая творчеству Левана Хаиндрава сходство с творчеством Александра Грина, уважаемые Сергей Серебряков и Элизбар Ананиашвили, по доброте своей душевной — а их доброе отношение к творчеству Хаиндрава, повторяю, вне сомнений — предполагают, видимо, что делают писателю комплимент, что это похвала, причем высокая похвала ему. А по-моему, не похвала это, а принижение (невольное, конечно, принижение), потому что писатель Александр Грин сам по себе, а писатель Леван Хаиндрава сам по себе, и каждый говорит свое, и только свое, и только по-своему. Помните, как у Александра Твардовского, которого я, разумеется, не случайно процитировал в начале этих заметок: «Сказать то слово никому другому я никогда бы ни за что не мог передоверить. Даже Льву Толстому — нельзя. Не скажет — пусть себе он бог. А я лишь смертный...».

Слово, которое сказал Леван Хаиндрава в книге «Дымки на горизонте», — его слово, оно из его сердца.

Вот пока все, что я, читатель, хотел сказать другим читателям о полюбившейся мне книге.

О ГРУЗИНСКОЙ ФРОНТОВОЙ ПОЭЗИИ

Недавно Общество любителей книги Грузинской ССР и издательство «Мерани» красочно издали стостраничную миниатюрную книжку Б. Мирцхулава «Поэты в шинелях». Во вступлении к ней справедливо отмечено, что грузинские поэты тоже сказали свое боевое слово в дни Великой Отечественной войны. В борьбе с вероломным врагом они сражались как пером, так и штыком. Волнующие строки их стихов ободряли воинов. Вместе с героями своих произведений они следовали по трудным дорогам войны...

В сборнике, составленном в алфавитном порядке, дан краткий обзор стихотворений Ш. Амисулашвили, А. Гецадзе, В. Гветадзе, А. Гомиашвили, В. Горганели, Т. Джангулашвили, Г. Кавтарадзе, М. Лебанидзе, Р. Маргиани, И. Нонешвили, Л. Сулаберидзе, А. Шанидзе, написанных на тему Отечественной войны.

«Можно сказать, что ни один грузинский поэт так ин-

тенсивно не работает по отображению Отечественной войны и ее грузинских лирических героев, как Теймураз Джангулашвили», — читаем мы в книге. В обзоре его стихов на военную тему автор сборника приводит и цитаты из поэтических произведений поэта и при этом отмечает: «Эти стихи характеризует не только любовь к Родине, но и мощные поэтические образы, изобразительность».

К сожалению, не все поэты столь же полно охарактеризованы в книге, не во всех обзорах приведены строки из стихотворений разбираемого автора. На протяжении девяти страниц, посвященных Л. Сулаберидзе, например, нет ни строки из его стихов, хотя достаточно подробно было сказано, в частности, о его стихотворении «Расставание». По мнению критика, определенная растерянность, имевшая место в начальный период войны, послужила основанием для печали, выраженной здесь поэтической строкой. Вот и привести бы тут этот фрагмент.

Интересны обзоры стихов Р. Маргиани, И. Нонешвили, Ш. Амисулашвили и других грузинских поэтов, написанных в период войны.

Как говорит Р. Маргиани, он ушел на фронт добровольцем и потом сотрудничал там

во фронтовых газетах. Многое видел и пережил на войне... И его стихи, написанные в ту пору, связаны с судьбой солдата, с той духовной и физической напряженностью, с тем нечеловеческим терпением, которые выпали на долю защитников Родины. Эти стихи нельзя читать без волнения, настолько они искренни и правдивы.

На худых плечах
Я торбу нес, полную печали...
И сам не знаю,
Как случилось, что спасся
от смерти...

Даже в подстрочном переводе этих строк из стихотворения Р. Маргиани «Встречи с весной, когда шел снег» ощущается та пронзительная нота, которая поднимает переживания воина на уровень высокой поэзии.

В стихотворениях поэта-фронтовика И. Нонешвили «Защитим славу Грузии», «Четыре брата Леселидзе», «Песня о Зое Космодемьянской», «Семнадцать» и других явно звучит призыв к борьбе:

Защитим славу Грузии,
Светлый светоч Кремля,
Имя родителей наших,
Колыбели наших детей.

(Подстрочный перевод)

Впечатляюще переданы мужественное самоотвержение и героизм грузинской девушки Зои Рухадзе: «Руки ей перевязали, к стене привязали, каленым железом ступни обжигали».

Интересен также отмеченный здесь сборник Ш. Амисулашвили «Стихи о Родине» (1971), куда вошло и стихотворение «Воспоминание о неизвестном солдате».

Видимо, рамки этого миниатюрного издания не позволили наряду с разбором стихотворений времен войны известным грузинским поэтам коснуться хотя бы кратко тех, кто, пережив ее, и ныне занимается поэтическим творчеством. Они ведь тоже прошли тяжкими фронтовыми дорогами, воевали в Будапеште и на озере Балатон, в Австрии и на подступах к Берлину... Такой небольшой обзор расширил бы границы книги, помог бы читателю составить более полную картину о творчестве всех тех грузинских поэтов, которые в годы Великой Отечественной недели военную шинель.

О поэтах в шинелях, об их военной музе и повествует эта в целом полезная книжка.

Василий ЛАПЕРАШВИЛИ

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

Вышедшая на русском языке монография Вахтанга Жвания «Проблемы справедливости и социально-экономической жизни в творчестве Ильи Чавчавадзе» (издательство «Мецниереба», 1978) — продолжение и углубление начатого автором много лет назад исследования богатого творческого наследия выдающегося писателя, общественного и поли-

тического деятеля второй половины XIX века и начала XX века, предводителя грузинского национально-освободительного движения Ильи Григорьевича Чавчавадзе. Поднимаемые им вопросы касаются всех сторон социально-экономической жизни тогдашней Грузии.

В освоение творческого наследия И. Чавчавадзе большой вклад внесли не только грузинские ученые, но и другие представители советской науки. Политическое мышление И. Чавчавадзе помогло разбудить самосознание грузинского народа, сплотить его в борьбе против классового и национального гнета. В силу этого творчество его еще при жизни вызывало огромный интерес исследователей. В советский же период им заинтересовались не только литературоведы и филологи, но и ученые других профилей. Создано большое количество как монографических обобщенных, так и других исследований по многим проблемам социальных наук.

В частности, мало изучены правовые взгляды И. Чавчавадзе, а поставленная в его творчестве проблема справедливости вообще не исследована.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости и проблемы социально-экономической жизни деревни; капиталистические отношения и финансово-экономическое положение страны; гуманизм как высший принцип справедливости и проблема справедливого самоуправления и правосудия — все эти вопросы В. Жвания рассматривает в своей книге в связи

с мировоззрением и общественно-политической деятельностью И. Чавчавадзе.

Представленный материал убеждает нас в том, что для И. Чавчавадзе существующие социально-экономические отношения не являются вечными, что они подчиняются закономерностям общественного развития и находятся в постоянном движении: на смену одному строю должен прийти другой — более передовой, прогрессивный и справедливый. Все это предостит сделать человеку, который успешно выполнит задачу, познав законы развития общественной жизни. Социальные отношения должны быть перестроены таким образом, чтобы они основывались на высоких принципах справедливости. А это значит, что необходимо создание для людей экономически равного положения, подчинение прав и обязанностей каждого члена общества интересам всего общества.

Автор обращает внимание на то, что в трудах И. Чавчавадзе часто встречаются положения, имеющие нечто общее с теоретическими основами научного коммунизма, однако его теоретические концепции не являлись марксистскими, поскольку к у выводы, им сделанные, были результатом реалистического подхода к решению вопросов.

И. Чавчавадзе, как и русским демократам, были близки идеи социализма: он был знаком с положениями марксизма и распространенными в Европе и России враждебными ему политическими течениями. И. Чавча-

вадзе расценивал марксизм как единственное политическое течение, способное направить будущее Европы в правильное русло. Однако ему представлялось невозможным применение его в условиях Грузии. С этой целью он искал особое направление, которое соответствовало бы историческим предпосылкам развития страны, ее национальной специфике.

Смело выступил И. Чавчавадзе и против политики царизма в отношении малых народов Российской империи, против тех законодательных актов, которые способствовали осуществлению и утверждению этой политики. В неравенстве перед законом он усматривал отход от гуманных начал — явление, особенно постыдное для цивилизованного общества. Проблема национального угнетения всегда возводилась им на принципиальную высоту, поскольку такое попрание человеческого достоинства являлось, по его мнению, несправедливостью — самым преступным, а поэтому и общественно опасным проявлением. Одновременно он указывал на те добрые начала, которые положены в основу взаимоотношений между Россией и Грузией, особо подчеркивая при этом, что грузинский народ сохранил физическое существование и свою самобытность благодаря союзу с Россией.

Среди многих актуальных проблем, решению которых посвятил всю свою жизнь И. Чавчавадзе, одной из главных являлось упразднение крепостничества. Он считал его жесточайшей

формой социальных отношений. Шедевры художественного творчества, созданные им до проведения в Грузии крестьянской реформы («Видение», «Человек ли он?», «Несколько картин из жизни разбойника», «Рабочий» и др.), свидетельствуют о прогрессивном мировоззрении автора, служат наглядным подтверждением его крайне отрицательного отношения к крепостничеству.

После проведения крестьянской реформы в России И. Чавчавадзе активно включился в подготовку к ее осуществлению в Грузии. С самого же начала его позиция была четко определенной и последовательной.

Справедливое решение проблемы могло быть достигнуто лишь в случае обеспечения крестьянина необходимым для существования земельным участком. По его мнению, землю следовало передать в собственность крестьянина безвозмездно и этот вопрос надо было решать за счет государства и бывших помещиков-крепостников.

Уже после проведения крестьянской реформы Илья Чавчавадзе не раз возвращался к вопросу обеспечения землей освободившегося от крепостного ига крестьянства, акцентируя при этом, что все попытки подобного рода заканчивались безуспешно. Вместо утверждения в общественных отношениях гуманных и справедливых принципов реформа породила новые формы несправедливости, оставив бывших крепостных в кабальном положении.

05940
111033

Поскольку реформа не обеспечила крестьянина необходимыми для его существования средствами, И. Чавчавадзе считал, что проблема оставалась нерешенной.

В его творчестве нашли широкое отражение вопросы максимального обострения классовых противоречий в условиях капиталистического общества, которому спозобствовали действующее законодательство и государственный аппарат. На конкретных жизненных фактах и событиях он разоблачал систематическое нарушение закона в пользу имущих классов, крайнюю несправедливость, царившую в государственном аппарате и органах правосудия, расхищение народного достояния, экономическое обнищание трудового народа, презрение к его человеческим правам и достоинству.

С материальной точки зрения в качестве социальных категорий рассматривал Илья Чавчавадзе государство и право, определял причины их происхождения, процесс развития, исторические типы. Создание в Грузии феодального государства, явившегося плодом частной собственности на землю, он расценивал как закономерное историческое явление. Законы природы, по его мнению, действуют сами по себе, независимо, и человек, желая того или нет, подчиняется им, опирается на них во всей своей деятельности.

И. Чавчавадзе глубоко разбирался в формах государственного строя и управления. По форме государственного управления он про-

водил черту между демократическим и антидемократическим строем, а по государственному строю — разделял государства на унитарные и федеративные. По И. Чавчавадзе, идеальным является унитарное государство, созданное на демократических принципах, хотя он считал допустимым объединение малых народов на демократических началах в федеративное государство при условии, если таковое в законодательном порядке обеспечит всем им национальную независимость, право на самоопределение и самоуправление.

Государство будущего он представлял себе как идеальный механизм и верил, что путем правильного управления им и проведения в жизнь совершенных законов оно в состоянии урегулировать все внутренние и внешние вопросы, полностью устранить все противоречия, обеспечить благосостояние своего народа и его мирное сотрудничество с другими народами.

В отдельных научных исследованиях, представленных в государственные органы документах, публичных выступлениях, статьях, опубликованных в грузинской и русской периодической печати, особенно же издаваемых под его редакторством газетах и журналах И. Чавчавадзе путем конкретных предложений требовал изменения отдельных несовершенных законодательных актов, введения таких правовых норм, которые отвечали бы интересам трудового народа.

Красной нитью проходит через все творчество Ильи Чавчавадзе идеал защиты человеческого достоинства, необходимости предельно чуткого отношения к угнетенным, оказания им моральной поддержки.

Гуманизм И. Чавчавадзе ярко проявился в его отношении к закону о смертной казни. Он вообще был противником такого наказания и в особенности противником его применения за совершение политического преступления. Гуманизм Ильи Чавчавадзе нашел отражение в его рассказе «У виселицы» и опубликованной в журнале «Сакартвелос моамбе» статье «Дело об отмене смертной казни и написанная в связи с этим книга В. Гюго». Практическую борьбу против закона о смертной казни И. Чавчавадзе вел в 1906 — 1907 годах в высшем законодательном органе Российской империи — Государственном совете — вместе с учеными Таганцевым, Ковалевским, Кистяковским и другими. Совместно с представителями так называемой академической группы он активно включился в кампанию по упразднению закона о смертной казни. По заданию группы готовился сделать доклад по этому вопросу, однако такая возможность ему не представилась — реакционные элементы настояли на изменении повестки дня сессии 1907 года, и вопрос об упразднении закона о смертной казни на ней не обсуждался.

В. Жвания представляет читателю убедительный материал о том, что гуманизм и

справедливость были высочайшими принципами жизни И. Чавчавадзе, о чем наглядно свидетельствуют его работа в качестве судьи и юридическая деятельность в целом.

По мнению И. Чавчавадзе, утверждение в общественной жизни принципов справедливости во многом зависело от нормализации международных отношений, мирного сосуществования народов. А это в свою очередь определяется проводимой государствами политической, которая исторически никогда не вытекала из интересов народа и была направлена на осложнение международных отношений. Правильность государственной политики, как думал И. Чавчавадзе, может быть обусловлена выработкой единого общественного мнения и консолидацией национальных сил. Выводы, которые он делал из создавшихся международных отношений, не всегда были точными, но подход к решению вопросов осуществлялся им с позиций принципов общественного развития.

В своих выводах автор книги четко определяет, что И. Чавчавадзе не сумел до конца оценить революционную роль рабочего класса в истории, находился в отдельных случаях на позициях либерализма, однако его заслуги перед национально-освободительным движением в Грузии опромны, а деятельность и творчество носят ярко выраженный революционный характер.

По широкому охвату рассматриваемых вопросов, глубине исследования, обилию

материала, правильности методологии и научному решению задачи работа В. Жвания — образец изучения богатого творческого наследия Ильи Чавчавадзе. Наблюдения автора интересны и важны, а его выводы — в основном правомерны и приемлемы.

Д. ЕНУКИДZE,
Г. НАДАРЕИШВИЛИ

ЧЕХОВ В ГРУЗИНСКОМ ТЕАТРЕ

К числу классиков русской литературы, с большой любовью относившихся к Грузии, принадлежал и А. П. Чехов, дважды побывавший в нашем крае (в 1888 и в 1900 гг.). Его восторженные впечатления отразились в дневниках, письмах, художественном творчестве.

Разносторонними и глубокими оказались связи Чехова с грузинской духовной культурой, в том числе с нашим театром. Еще в 1905 г. газета «Дроеба» писала: «Сильное и своеобразное перо Чехова знакомо нашему обществу. Его пьесы не нуждаются в разъяснениях. Они всегда с такой художественностью рисуют опре-

деленное душевное состояние человека, что весь театральный зал ощущает единое настроение».

Различным аспектом рецепции творчества Чехова в Грузии посвящено немало работ наших специалистов (П. Гудушаури, Г. Талиашвили, В. Шадури, Э. Гугушвили, Г. Бухникашвили, С. Герсамия и др.). В последнее время весьма интенсивно работает в этом направлении кандидат филологических наук О. А. Лордкипанидзе. С интересом были встречены читателями его работы «А. П. Чехов и грузинская новелла», «Дооктябрьские переводы произведений А. П. Чехова на грузинский язык», «Ранняя грузинская критика о пьесе «Иванов». И вот недавно издательство «Мецниереба» выпустило в свет на русском языке книгу О. А. Лордкипанидзе «А. П. Чехов в дореволюционном грузинском театре», в которой делается удачная попытка всестороннего осмысления проблемы восприятия драматургического наследия великого русского писателя грузинской общественностью.

Рецензируемая книга состоит из вступления и трех глав, в которых факты интенсификации переводов произведений Чехова на грузинский язык и постановок его пьес на грузинской сцене рассматриваются на фоне истории русско-грузинских общественно-литературных отношений конца XIX — начала XX столетия, причем убедительно доказывается, что эти отношения приобрели характер не национальных связей, а классового единения русских и грузинских трудящихся.

О. А. Лордкипанидзе справедливо считает, что, когда речь идет об интерпретации пьес Чехова на грузинской сцене, нельзя резко разграничивать их постановки грузинским и русским театрами в Тбилиси, ибо зачастую в русских труппах в качестве актеров или режиссеров выступали грузины, и грузинский зритель охотно посещал эти спектакли. Поэтому в первой главе своей книги О. А. Лордкипанидзе анализирует постановки чеховских пьес русскими театрами в Тбилиси, показывая, что эти постановки (особенно гастроли группы ведущих артистов Московского Художественного театра) вызвали огромный резонанс в Грузии. Свою мысль автор убедительно аргументирует анализом рецензий и откликов, опубликованных в таких органах грузинской периодической печати, как «Эртоба», «Сахалхо сакме», «Театри да иховреба», «Цискари» и другие. Особо следует подчеркнуть, что многие материалы, рассмотренные в данной главе, впервые вводятся в научный оборот.

Во второй главе рассматриваются переводы и постановки чеховских творений на грузинской дореволюционной сцене. Характерно, что первые постановки пьес великого русского писателя в Грузии осуществил именно грузинский театр (в 1889 г. — «Медведя» и в 1890 г. — «Иванова»). В дальнейшем на грузинской сцене были поставлены «Дядя Ваня» (1903), «Вишневый сад» (1909), «Предложение» (1914), инсценировка «Черного монаха» (1910). В 1914 году на грузинский язык была переведена пьеса «Три сестры».

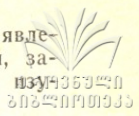
Следует отметить, что переводы и переделки пьес Чехова на грузинский язык в основном выполнялись известными общественно-литературными и театральными деятелями Грузии, имена которых были неразрывно связаны с освободительным движением и развитием грузинского театрального искусства.

Анализируя обширный материал, автор рецензируемой книги убедительно показывает, что «драматургические произведения А. П. Чехова, благодаря своей актуальной для эпохи проблематике и высокой художественности, органически вливались в русло реалистической грузинской литературы и безусловно укрепляли русско-грузинские литературные связи, выражением которых была и грузинская сцена».

Эта справедливая мысль подтверждается и тем, что, как уже установлено в нашем литературоведении, творчество Чехова стало немаловажным фактором в духовной жизни Грузии, найдя непосредственный отзвук в грузинской драматургии. Так, например, близки драматургии Чехова пьесы Ш. Дадiani «Вчерашние», В. Шаликашвили «Срубленный дуб» и другие.

Третья глава посвящена анализу многочисленных рецензий и откликов на грузинские переводы пьес Чехова и их грузинские постановки.

Как известно, интересующий автора рецензируемой книги период характеризовался многими общественно-политическими бурями и потрясениями — подготовкой первой русской революции, реакцией, наступившей вслед за ее поражением, подготовкой и свер-

шением Великой Октябрьской социалистической революции, господством меньшевиков в Грузии и т. д. Все это не могло не отразиться на отношении к пьесам Чехова, вокруг которых шла непримиримая идеологическая борьба. К чести О. А. Лордкипанидзе надо сказать, что он сумел методологически правильно осмыслить анализируемый материал, показав, что никакие акции охранительной прессы и ее приспешников не могли бросить тень на огромную тягу грузинских читателей и зрителей к произведениям великого русского писателя. Как показано в книге, восприятие чеховского наследия в Грузии, борьба вокруг него отразили непреклонную решимость грузинского народа идти совместно с русским народом к достижению единой светлой цели.

Передовые грузинские деятели в своих многочисленных статьях и рецензиях сумели правильно оценить чеховский пафос борьбы с существующими порядками, обличительный характер наследия писателя, его художественное совершенство. В своей статье, посвященной «Иванову» (1889), которая смело может быть поставлена в ряд наиболее правильных, прогрессивных высказываний русской критики того времени, Н. Николадзе писал: «Драма молодого беллетриста, судя по столичным газетам, имела несомненный и значительный успех как на сцене, так и в печати. С моей точки зрения, этого совершенно достаточно, чтобы считать

«Иванова» выдающимся явлением текущей литературы, заслуживающим подробного изучения».

Как показано в работе Лордкипанидзе, передовая грузинская критика той эпохи подробно изучала творчество Чехова именно как выдающееся явление современной литературы, стремилась выявить его особенности, представить национальному читателю все величие произведений писателя, которого К. Марджанишвили назвал «отцом драматических симфоний».

Пытотоживая свою интересную книгу, О. А. Лордкипанидзе пишет: «Внимательное изучение материала о восприятии творчества А. П. Чехова грузинской общественностью указывает на то, что наиболее интенсивно произведения великого русского писателя переводились, переделывались и ставились на грузинской сцене в период нарастания революционного движения и самой революции. А это, со своей стороны, свидетельствует о критическом характере творчества писателя, о своеобразном выражении сложных явлений тогдашней общественной жизни, заполненной не только грустью и тревогой, но и ожиданием светлого будущего. В этом же факте (на материале грузинской действительности) проявилось поистине мировое значение творческого наследия великого русского писателя, непревзойденное совершенство и реалистичность его творчества».

Весь материал, проанализированный автором, свидетельствует о справедливости этого общего вывода.

Книга О. А. Лордкипанидзе написана на основе сбора, систематизации и осмысления обширного материала. Местами, как отмечалось, она носит новаторский характер. Разумеется, я не могу сказать, что она начисто лишена недостат-

ков. Однако те достоинства, о которых говорилось выше, несомненно, будут способствовать ее успеху среди читателей, заинтересованных творчеством Чехова, богатейшей историей русско-грузинского литературно-театрального содружества.

Игорь БОГОМОЛОВ

Тенгиз КВИРКВЕЛИЯ

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Повышенный интерес, обостренное отношение к делу защиты и использования исторических памятников сейчас наблюдаются во всем мире. Никогда ранее, в прошлых веках и в первой половине нашего столетия (вплоть до конца второй мировой войны), эта проблема не была облечена в формулу «быть или не быть».

Следует признать, что в деле сохранения и использования исторических памятников — кварталов городов — мы намного отстаем от других республик Советского Союза и стран Европы. Если там можно воочию убедиться в практических результатах заботы об исторических районах (Вильнюс, Таллин, исторические города России и т. д.), то мы никак не смогли преодолеть рубеж скромных попыток проектирования. Сегодня лишь радикальные меры способны хотя бы частично исправить положение и сохранить то немногое, что все же дошло до наших дней.

В декабре 1977 г. Верховный Совет Грузинской ССР принял закон о защите и использовании памятников. Этому предшествовало постановление ЦК КП Грузии о защите памятников. В феврале 1975 г. постановлением правительства республики исторические районы Тбилиси были объявлены заповедной зоной. Еще ранее, в 1968 г., заповедником стала древняя столица Грузии — Мцхета. Были приняты решения о защите других древних городов Грузии — Сигнахи, Телави, Местиа. Все вышеуказанное свидетельствует о резком возрастании внимания к проблеме сохранения исторических памятников.

Эти весьма важные документы должны стать основой для развертывания трудоемкой и творчески интересной работы спе-

циалистов по спасению все еще сохранившихся исторических фрагментов древних городов Грузии. Мы не оговорились, именно для спасения! Века, войны, дождь и ветер, особенности быта, а порой и наша косность привели к тому, что в городах Грузии сохранилось не так уж много исторических памятников. Мы являемся свидетелями того, как постепенно исчезают тбилисские жилые дома прошлого века, ажурные тимпаны и балюсины балконов сменяются грубо отесанными досками, стены порой зияют, и диву даешься, как это дом еще не рухнул. Почти ничего не сохранилось от планировки этих домов — перегородочные, переделанные, часто подпертые костылями дома эти как бы молят нас: спасите... Наше поколение было свидетелем того, как при строительстве нового моста исчез один из наиболее колоритных участков средневекового Тбилиси — кварталы, примыкающие к старому Метехскому мосту (нет сомнений, что можно было строить новый мост таким образом, чтобы не рушить этот романтический уголок старого города). При прокладке набережных мы пожертвовали караван-сараями по обоим берегам Куры. Совсем недавно исчезла характерная застройка у бывших Дигомских ворот и т. д. Немного сохранилось от домов в Телави, от старого Кутаиси. Если вовремя не принять меры, обречен один из красивейших городов средневековой Грузии — Сигнахи. Наша общественность не раз поднимала голос в защиту романтических комплексов Сванетии, Хевсуретии, Рачи.

Чем же вызвано столь подчеркнутое внимание мировой общественности к историческим памятникам в наше время?

Если за своеобразное мерило, условный эталон принять XX век, и особенно последние пятьдесят лет, убедимся, что до этих пор христианская, мусульманская или другие цивилизации, культура Азии и Европы развивались относительно медленно и равномерно. Плавное развитие в основном предопределялось относительной незыблемостью производительных сил и экономических систем. Веками почти не менялись характер ремесленного производства, малые мануфактуры и методы сельскохозяйственного производства. В течение многих веков не менялись соотношение между городом и деревней, их тесная связь с природой, с землей, зависимость от климатических условий. Арба и лошадиная тяга почти не заменялись тысячелетиями. То же самое можно сказать о водяных и ветряных мельницах.

Дрова долгое время оставались единственным видом топлива. В этой, казалось бы, почти неподвижной среде часто возникали войны, вспыхивали восстания. Войны бывали беспощадными и разрушительными. Однако люди, отвоевавшись, вновь возвращались к селищам, к пепелищам, и новое строительство всегда находило творческую и духовную основу в разрушенных зданиях. Внедрение нового происходило медленно, в течение веков. К тому же эти сдвиги зачастую не переходили границ местных архитектурных традиций и в основном были вызваны незначительными изменениями в той или иной сфере местных условий. Но человек продолжал строить. Он часто использовал камни раннего сооружения. Разрушал то, что считал бесполезным, и по-новому строил на старых фундаментах.

Однако некоторые сооружения, например, «святые места» строились на неопределенное время и служили предметом поклонения и заботы последующих поколений. И сооружения этого пользования (например — фортификационные) стояли века, продолжали служить и приносить пользу человеку. В этом случае человек, хотя и сознавал кратковременность своего бытия, инстинктивно строил если не на века, то, по крайней мере, для ближайших поколений. Таким образом, в те древние времена далеко не все здания оказывались предметом заботы внуков и правнуков, хотя были и исключения. Бывало и так: новая религия использовала для своего культа храм изгнанной религии. Вспомните хотя бы храм Софии в Константинополе. Иногда во дворце низверженного правителя обосновывалось республиканское правление. В иных случаях война, восстание, политический переворот оказывались пагубными для зданий, т. к. их принимали за олицетворение, символ враждебного лагеря. Часто смена династий или режима, а порой и капризы моды решали судьбу сооружения. Восстановление и расширение осуществлялось в зависимости от веяний новой эпохи. Архитектор явно пренебрегал детищем предшественника.

Город с момента своего основания хотя и менял облик, но процесс этот происходил медленно. Сегодня же из-за невиданных до сих пор темпов роста и преобразований этот процесс носит определенно конфликтный характер. В основе конфликта лежат как объективные, так и субъективные причины. Проблема сохранения архитектурных памятников тесно связана с развитием производительных сил и с весьма характерным признаком нашего века — с так называемым урбанистическим взрывом. Быстрый рост городов обусловил тенденцию игнорирования исторического наследия. В градостроительстве возникли два противоположных направления: с одной стороны — романтизация прошлого, с другой — нигилизм, придание современной цивилизации абсолютного преимущества, игнорирование прошлого якобы с позиции прогресса.

Одна из объективных причин конфликта состоит в том, что в большинстве случаев (в том числе в Тбилиси) средневековая застройка оказалась в центре современного города. В условиях научно-технического прогресса и интенсификации деятельности человека все более возрастает роль организационно-управленческих учреждений. Закономерно стремление этих организаций расположиться в центральных частях города. Следует добавить, что большие города испытывают территориальный голод, и в этих условиях градостроители все пристальнее присматриваются к малоэтажной и, в большинстве случаев, амортизированной застройке исторических кварталов, расположенных в центре города. В результате одна из объективных основ «конфликта» возникает из-за противопоставления весьма заманчивой возможности интенсивного освоения территорий, оказавшихся в центре города, и заботы о сохранении и защите исторических районов.

Проблема имеет и социологические предпосылки. Начиная с пятидесятых годов в городах возникли новые благоустроенные жилые районы, где жители обеспечены современным

техническим оборудованием. На современном уровне (во всяком случае должны быть) санитарные и жилые нормативы, благоустройство квартир и территорий. Современным требованиям отвечают и расположенные в новых районах детские сады, школы, магазины, столовые, культурно-бытовые учреждения. Совершенно иная картина в старых кварталах тех же городов. Большая плотность, отсутствие современного комфорта, инсоляции, амортизированные, зачастую доведенные до аварийного состояния дома и другие неудобства ставят в неравные условия граждан разных частей одного и того же города. В этом случае «конфликт» заключается в противопоставлении желания заменить старые дома современными и необходимости защиты и сохранения этих же домов как исторических памятников. И здесь отрицание прошлого происходит именем прогресса. Однако опыт ряда городов Европы и нашей страны убеждает, что истина лежит где-то между двумя крайностями — безоговорочной романтизацией прошлого и нигилизмом.

Одну из объективных причин создавшегося положения следует искать и в экономической сфере. Возможно ли определить в рублях этическую и эстетическую ценность памятника? Представляется кощунством даже ставить вопрос в этом плане! Культурное наследие — это капитал, который достался нашей эпохе для защиты и сохранения, как духовное богатство, а не как источник наживы. Несмотря на эту истину, желание сохранить памятник во многом зависит от экономических возможностей общества. В большинстве случаев реконструкция и адаптация (приспособление) старых домов может оказаться экономически менее целесообразным, чем строительство современного типового жилого дома. Это ценность материальная. Но в какую «графу» следует ставить ценность духовную?

Можно ли совместить интересы экономики и защиты памятника? Можно ли запрячь в одну упряжку эти две проблемы? Оказывается, можно! Хотя особенности двадцатого века и создали опасность для исторических памятников, тот же век представил нам и экономическое обоснование сохранения памятников.

Из года в год расширяется туризм. Огромные масштабы развития туризма во второй половине XX века обусловлены рядом факторов, и в том числе укреплением культурных и экономических связей между странами и континентами. Формированию массового характера туризма, его превращению в значительную отрасль хозяйства способствует характерная для нашего времени техническая революция в транспорте, благодаря чему фактор времени и расстояния теряет решающее значение. Симптоматично и появление термина — «туристская индустрия», охватывающего весь сложный комплекс обслуживания, начиная с транспорта и кончая производством сувениров.

В последнее десятилетие туристская индустрия стала одним из самых доходных источников мировой торговли. К 70-м годам оборот средств международного туризма достигал 16 миллиардов долларов. По расчетам экономистов, ресурсы туристской индустрии имеют не меньшее значение, чем горнорудной.

Развитие туризма обуславливает широкий приток денежных средств и становится могучим фактором экономического развития той или иной страны или района. При этом следует учесть не только иностранный, но и так называемый «внутренний» туризм. По данным профессора П. Олдайка, советские туристы тратят на него восемь процентов своего годового дохода, или в среднем сто рублей на душу. Это означает, что доходы отечественного туризма превышают один миллиард рублей в год. По предварительным данным, эта цифра к 80-м годам должна возрасти в 30 раз! Весьма впечатляющие цифры.

Однако туризм не существует сам по себе. Сейчас часто употребляется чисто профессиональный термин: «туристский объект». Не будет объекта, не будет развиваться и туризм. «Объектом» же являются или природный феномен, или (в большинстве случаев) памятники истории и культуры. И не случайно, что большая часть туристов приходится на Италию и Испанию, где сохранено огромное количество этих туристских объектов.

И предела росту туризма не видно. По мнению специалистов, в начале 80-х годов мир станет свидетелем «туристского взрыва». По статистическим данным Организации Объединенных Наций, если в 1950 г. в мире было зарегистрировано «только лишь» 25,3 миллиона иностранных туристов, то уже к 1966 г. эта цифра достигла 140 миллионов! Такими же темпами развивается туризм и в нашей стране, имеем в виду как иностранный, так и внутренний туризм. Так, например, если в 1967 г. общее число туристов в Советском Союзе составляло 12 миллионов (из них 1,8 миллиона иностранных гостей), то в 1975 г. это число достигло 26,6 миллиона, а в 80-е годы эта цифра должна достигнуть 49 миллионов. Таким образом, число туристов ежегодно возрастает на 13 процентов. Ну а если оправдается прогноз по поводу «туристского взрыва»?

Развитие туризма и туристской индустрии предусматривается и в нашей республике. Вот некоторые данные только по Тбилиси. Если в 1967 г. в Тбилиси побывало около 80 тысяч советских туристов, в 1980 г. их число достигнет 620 тысяч. Это значит, что одновременно в столицу Грузии из городов СССР будут приезжать 4.300 гостей. В 1967 г. из-за границы в Тбилиси приехали 6 тысяч туристов, а к 1980 г. запланирован приезд 160 тысяч иностранцев, т. е. в туристский сезон в Тбилиси одновременно будут находиться 4 тысячи иностранных гостей.

Однако суть вопроса не исчерпывается только лишь чисто экономическим эффектом, притоком денежных средств, и в частности — валюты. Развитие туризма требует строительства дорог, гостиниц, ресторанов, магазинов, спортивных баз, кинотеатров и, что очень важно, требует защиты, реставрации и регенерации исторических памятников. Таким образом, забота об исторических памятниках вызывает обратную волну. Развитие туризма привлекает средства, и лишь малая часть будет расходоваться на памятники. Памятник же не остается в долгу перед обществом и не только возвращает затраты, но и способствует развитию других отраслей. Это произойдет в том

случае, если памятники истории и культуры займут соответствующее место в обоснованиях народнохозяйственных планов.

Выше говорилось, что туризм не существует без туристских объектов, львиную долю которых составляют исторические и культурные памятники. Представьте невероятное — в Тбилиси и в его окрестностях мы не смогли сохранить исторические памятники. Едва ли кто-либо переплывет океаны и пересечет континенты для осмотра жилых массивов Сабуртало или Дигоми.

На наш взгляд, проблема защиты исторических памятников имеет и субъективный аспект, который заключается в понимании их сущности людьми, от которых в той или иной степени зависит судьба памятника.

Развитие городов в послевоенный период в основном происходило за счет освоения новых территорий. Это и понятно. В условиях крайней нехватки жилья строительство обширных жилых районов на свободных территориях было весьма эффективным, этот путь дает чувствительную экономию средств и времени. По сей день невиданные масштабы жилого строительства в городах Грузии не коснулись исторических районов. Игнорирование старых кварталов вызывает раздвоенное отношение. С одной стороны, это обстоятельство отрицательно сказалось на древних районах в том смысле, что они не удовлетворяют многим современным требованиям (комфорт, плотность, благоустройство, озеленение, обслуживание и т. д.). Однако, с другой стороны, «забвению» исторических районов мы обязаны тем, что они в той или иной степени сохранности дошли до нас. Методика защиты памятников в 50-х, 60-х годах, границы самого понятия исторического памятника радикально отличались от современных. Уверен, что проведенные в те годы работы по «реконструкции» не оставили бы камня на камне от старого города. И это не пустые слова. Об этом свидетельствуют некоторые проекты и проведенные незначительные мероприятия в средневековом ядре Тбилиси. Так, в конце 60-х годов было составлено проектное предложение, которое подразумевало снос обширного участка вокруг Серебряной улицы и его застройку типовыми восьмизэтажными домами. Хорошо, что осуществление этого проекта не опередило новые градостроительные концепции. Ныне принципиальное значение имеет вопрос о том, что мы подразумеваем под понятием «исторический памятник». Ведь недаром разного рода постановления, законы об охране памятников в большинстве случаев начинаются с определения понятия «памятник».

Не так уж давно люди стали вычитывать в древних сооружениях волнующие страницы прошлого. Первоначально эти исследования были одной из форм выявления любознательности эпохи Ренессанса к памятникам античности. Любознательность эта одинаково выражалась как в исследовании земной поверхности и морей, так и в изучении тайн истории. Этим было обусловлено открытие волнующих страниц гениального греческого и величественного римского искусства. Восторженные гуманисты эпохи Возрождения эти произведения называли «памятниками». Характерно, что литературные памятники — папирусы и пергаменты переписали и опубликовали, античные скульптуры выста-

били во дворцах и парках, а архитектурные памятники, которые ми они восторгались, во многих случаях превратили в карьеры. Кроме того, Европа свой идеал искала в античном мире и постепенно разрывала связи со средневековьем. Иногда сооружения этой эпохи безжалостно уничтожались. И лишь Европа XVIII века заново открыла свое средневековое прошлое и, вместе с тем, заинтересовалась произведениями всех цивилизаций, памятниками всех времен, всех стран, всех народов. В это время зарождается научная археология, что обусловило методическое изучение античного мира, вместо «охоты за кладом» в предыдущих веках. Поразительные раскопки в Помпее и Геркулануме, открытие мертвых городов в джунглях и пустынях ознакомили человечество с угасшими цивилизациями. Развалины заговора. Новое значение стали приобретать также старые дома, храмы, монастыри, крепостные сооружения.

Французской революции в наследство досталось большое количество королевских и церковных зданий. Среди заслуг молодой республики следует отметить и то, что она выработала положение о защите «памятников искусства, истории и просвещения». Таким образом, благородное рвение в защиту памятников впервые возвела на уровень закона Французская революция. Декрет конвента 1794 года счел обязательным восстановление значительных архитектурных сооружений. С конца XVIII века понятие памятника расширяется и становится еще более емким.

Сегодня нас интересует вся история освоения земли человеком. Эту впечатляющую историю мы узнали по памятникам, которые отображают социальные концепции, художественные категории, моральные стремления своего времени. Историю читаем и на сооружениях, имеющих практическое, утилитарное назначение. Дороги, мосты, акведуки, каналы, мельницы, крепости, остатки древних ремесел, каждый след, который содержит мысль, все то, что свидетельствует о победе человека над силами природы, считаем достойным внимания и изучения.

Как только человек нашего времени понял и оценил оставленные в течение многих веков без внимания сокровища, он был вынужден задуматься над серьезной опасностью уничтожения этих сокровищ.

Вопросы защиты исторических памятников за последнее десятилетие неоднократно обсуждались на представительных конгрессах, симпозиумах, совещаниях, семинарах как во все-союзном, так и всемирном масштабах. Был создан специальный орган при Организации Объединенных Наций (ИКОМОС), занимающийся исключительно проблемами охраны памятников. И почти все документы, принятые на компетентных конгрессах или симпозиумах, начинаются определением понятия «исторический памятник». И неспроста. Четкое ограничение этого понятия имеет не только и не столько теоретическое, сколько практическое значение.

Что же такое «исторический памятник»? Для неискушенного человека этот вопрос может показаться странным, т. к., во его разумению, он прост и ясен. Однако это не совсем так. Многие из нас в том числе архитекторы, историческим па-

мятником признают конкретное сооружение, которое отражает архитектурные концепции определенной эпохи. Некоторые признают архитектурным памятником лишь сооружение, построенное в древние времена, а здания, скажем, XVIII или XIX века не считают таковыми. Для других понятие памятника непременно связано с его массивностью, капитальностью. Для них Светицховели или Гелати, без сомнения, являются архитектурными памятниками, но они не признают этого качества за мельницей, висячим мостом, избой, кукурузником. Подобное недоразумение было причиной гибели не одного интересного памятника во многих странах. Порой понятие исторического памятника весьма примитивно воспринимается и градостроителями, и теми, кто в том или ином масштабе руководит строительством. В марте 1964 г. по инициативе ИКОМОСа в Венеции был созван второй международный конгресс, в работе которого приняли участие и советские специалисты (в том числе посланцы Грузии). Конгресс принял важный документ, определяющий современные принципы защиты памятников. Этот документ известен под названием «Венецианской хартии».

В одном из определений «Хартии» говорится, что «определение достопримечательного места подразумевает единство объектов, созданных совместно человеком и природой, защита которого имеет общественное значение». Это скупое определение «Хартии» отражает интересы современного общества и, видимо, требует иллюстраций. Представьте на секунду кошмарные картины: современное железобетонное здание на Афинском акрополе, высотные здания вблизи Светицховели... Какова была бы цена Ясной Поляны, если вместе с домом писателя не сохранили бы окружающие леса, луга, пашни, пруд и т. д.? Природа и творения рук человеческих в единении передают ту историческую среду, в которой жил великий писатель. Много писалось о мцхетском Джвари. Если бы храм не стоял именно на этом месте, если бы он оказался в ином окружении, он бы имел совсем другие художественные достоинства. Объемное построение Джвари воспринимается вместе с завершающей им горой, вместе с близкими и далекими панорамами. В этом случае в понятие исторического памятника на равных началах включаются и нетронутые склоны горы. Архитекторы старшего поколения помнят, сколько раз был спасен мцхетский Джвари. Правда, никто не смел прикасаться к самому храму, но ведь были попытки построить инженерные и другие сооружения в непосредственной близости. Именно приведенную выше ситуацию подразумевает одно из положений «Венецианской хартии»: «Понятие исторического памятника включает в себя не только архитектурное сооружение, но и окружающий его ландшафт» (здесь и далее подчеркнута мной. — Т. К.).

Непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме имеет и следующее определение «Венецианской хартии»: «Понятие исторического памятника подразумевает отдельное сооружение, а также целые комплексы в городах и селах, связанные с определенной культурой, фактом или историческим событием. Это понятие подразумевает не только выдающийся, известный памятник, но и гораздо более скромный, не

заметный, который в будущем может приобрести значительную культурную ценность».

Это лаконичное определение весьма емко. К сожалению, узкая, примитивная трактовка понятия исторического памятника принесла немало вреда. Многие старые комплексы и группы домов были уничтожены в разных городах. Весьма характерным примером служит метод проведенных работ по расширению Пушкинской улицы в Тбилиси. Здесь в начале Серебряной улицы, там, где когда-то были Дигомские ворота городской стены, поспешно снесли жилой дом прошлого столетия, с характерным деревянным балконом. Инициаторы сноса оправдывались тем, что в городе, мол, еще много подобных домов. Эта аргументация была ошибочна вдвойне. К сожалению, жилых домов прошлого столетия с навесными балконами сохранилось не так уж много. Но в данном случае — здесь по сторонам узкой средневековой улицы противостояли два дома, которые в единстве создавали весьма колоритный уголок старого Тбилиси. Каждый из них в отдельности не представлял большой художественной ценности, однако вместе они создавали живописную композицию и являлись характерным для старого Тбилиси памятником. Разрушили один из двух домов, и Тбилиси лишился еще одного памятника, так как оставшийся в одиночестве дом не может воссоздать историческую среду, столь характерную для средневекового города.

Или же неповторимая по своей романтике застройка метехской скалы! Рассмотренный в отдельности дом не представляет собой исторической или художественной ценности. В этом случае понятие архитектурного памятника объединяет всю застройку бровки, саму скалу, свисающие над пропастью балконы, масштаб домов... Исключите один из этих компонентов, и памятник исчезнет. Более того, единым памятником является вся панорама в метехских теснинах: застройка метехской скалы, развалины цитадели Нарикала, бастионы авлабарской стены с балконом дворца «Сачино», кварталы, стелющиеся по склонам гор, купола бань... Правда, большинство домов в Харпухи не представляет художественной ценности и будет снесено и заменено, однако следует сохранить масштаб застройки, сохранить то, что мы называем колоритом старого Тбилиси. Таким единым памятником являются группы домов и кварталы в Кала. Ведь старый Тбилиси — это узкие, мощенные булыжником улочки, улицы-лестницы, внутренние дворники с причудливыми переходами и окруженные нависающими на консолях балконами, с балясинами перил, это увенчанный куполами церковей ломаный силуэт, господствующие над окружением развалины Нарикала, террасами нагроможденные жилые дома по склонам гор...

Рост городов в XX веке, возникновение супергородов вызваны многими причинами, и в том числе технической революцией и невиданным развитием промышленности. В нашем столетии беспримерно возросло население Земли. Понадобились шесть столетий для того, чтобы население земного шара возросло вдвое к началу XVIII века. Тогда население Земли составляло 400 миллионов. В последующие же полтора века это

число возросло до трех миллиардов шестисот миллионов. Ежегодный прирост населения Советского Союза составляет три миллиона. Следует учесть и то, что 64 процента жителей городов и тенденции роста города за счет деревни усиливается с каждым годом. В условиях Грузии этот процесс усугубляется явно выраженной миграцией населения горных поселений. Все это требует новых территорий. Тем самым нависает реальная угроза над историческими кварталами, расположенными в центре города и представляющими заманчивый полигон для строителей.

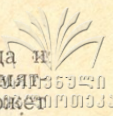
Опасным врагом творения рук человеческих порой бывает сам человек. Последний не всегда является в качестве завоевателя, мстителя, вандала или же преследователя веры. В иных случаях следует опасаться градостроителя и инженера, так как они, руководствуясь соображениями экономической или иной целесообразности, ограничивают свои поиски задачами реализации программы ближайшего будущего и часто выглядят беспомощными перед динамикой нашей эпохи.

В 20-е годы вновь возродилась теория, отрицающая значение архитектурного наследия. Доводы, основанные на сиюминутных потребностях, пересиливали аргументы, приводимые в пользу защиты памятника. Противники сохранения древних культовых зданий взяли на вооружение и такой лозунг: «лишим религию ее материальной базы». Уничтожение целого ряда памятников старины обеднило индивидуальный архитектурно-художественный образ городов. Архитектура своеобразно отражает идеологию. Но сегодня никому не придет в голову сохранить замок для реставрации феодализма или же выкорчевать религию путем уничтожения мест исполнения культовых обрядов.

Проблема охраны памятников особенно обострена в больших городах. Сравнительно легче заботиться об отдельно стоящем памятнике, если, прежде всего, общество поняло необходимость защиты памятника и, далее, если это общество внесет необходимый материальный вклад. В городах же задача гораздо сложнее. Возрастающие темпы роста промышленной цивилизации угрожают не только отдельным памятникам, но и исторически сформировавшимся центрам крупных городов, малым городам.

Не впадаем ли мы в другую крайность, призывая сохранить исторические города? Нет ли опасности превращения значительных районов мира в гигантские музеи? Даже наиболее ортодоксальные защитники памятников отвергают подобную гипотезу. Конечно, в исключительных случаях безостановочного прогресса техники может потребоваться жертва, а порой и значительная. Однако в подавляющем большинстве случаев для того, чтобы продолжать существовать, памятник должен участвовать в современной жизни. Если он уже не выполняет ту функцию, для которой был построен, он должен быть адаптирован под новое назначение.

Как будто задача ясна: необходимо выявить архитектурные памятники и принять меры для их сохранения. Однако сложные проблемы современного градостроительства не дают

возможности сохранить все без исключения памятники, да и нет в этом необходимости. Сложно установить, какой памятник должен быть сохранен в неприкосновенности, какой может быть переделан и, наконец, какой может быть принесен в жертву весьма серьезным требованиям. Когда и что должно переселиться — градостроительная, социальная, экономическая необходимость или же моральное достоинство памятника? Что является мериллом?

«Нашествие» автомобильного транспорта на современный город с каждым годом усиливается. Городские улицы часто выполняют лишь функцию транспортных магистралей. Последние режут городской организм во всех направлениях. Станет ли жертвой этой «операции» исторический квартал? Когда? В каких случаях? Если же старое остается неприкосновенным, то чему должен соподчиняться композиционный строй ансамбля — старой застройке или масштабу современного города? Перечень подобных вопросов занял бы много страниц и увел бы в сторону.

Не так давно архитектурные памятники и вопросы их защиты, как правило, рассматривались изолированно от градостроительных и других задач, как сооружения, имеющие определенное, самостоятельное значение. Бытовало и такое мнение, что архитектурные памятники являются помехой на пути коренной реконструкции городов. Сейчас же все более утверждается предпосылка, что архитектурный памятник должен активно и органично включаться в городскую среду, в градостроительные планы. Градостроительный подход к историческим памятникам является той платформой, на которой стоят ныне архитекторы во всем мире. Комплексное рассмотрение вопросов защиты памятников и градостроительства уже во многих городах принесло плоды.

Опыт реконструкции ряда городов показывает, что отношение к исторически сложившимся районам в основном формировалось в двух направлениях.

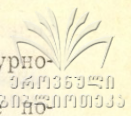
Первый путь подразумевал постепенный снос старых зданий в исторических районах. На освобожденных территориях с целью наиболее эффективного использования площадей планировалось строительство современных, в основном, высотных зданий. Вместе с тем подразумевалась реставрация выдающихся памятников и их включение в современную застройку. Второе направление основывалось на диаметрально противоположной позиции. Оно подразумевало сохранение всех зданий старого города, восстановление средневековых стросний. Первое направление учитывает лишь функциональные и экономические аспекты, только утилитарное назначение расположенного в центре города исторического района, совершенно игнорируя его историко-художественную ценность как архитектурного комплекса. Этот путь безусловно означает уничтожение исторических памятников. Второй же путь, наоборот, абсолютно отрицает современную функцию старого города и необходимость его обновления и заостряет все внимание лишь на консервации древней застройки. Быть может, покажется парадоксальным, но и этот путь ведет к уничтожению старых кварталов, хотя и более медленным темпом.

Но существует и третий путь, который подразумевает сохранение **колорита, художественного образа** старого города. В этом случае особое внимание уделяется его **планировочной структуре**, сохранению характера застройки улиц и площадей, ликвидации позднейших наслоений. Этот метод не отрицает широкой реконструкции старых зданий и целых кварталов там, где подобная реконструкция не противоречит сохранившейся исторической ситуации, допускает, где это необходимо, изменение функционального назначения зданий. Лишь это направление, которое ратует за неприкосновенность исторически сложившегося образа старых городов, при одновременном обновлении его функционального содержания способно сохранить для грядущих поколений историческое наследие. Некоторые функции, которые ныне выполняет старый город (промышленную, складскую, отчасти — жилую), следует передать вновь образующимся районам, и наоборот, старый город должен взять на себя новые функции, в первую очередь — связанные с бурным развитием туризма. Эта идея нашла отражение в генеральных планах развития и реконструкции Тбилиси, Кутаиси, Телави, Местиа, Сигнахи. Однако в этих планах означенная проблема затронута лишь в общих чертах. Впереди емкая и ответственная работа. На генеральном плане Тбилиси исторические районы выделены в «зоны особого режима», что подразумевает необходимость проведения реконструкционных работ в этих районах на основе особых проектов. Однако пока будут разработаны подобные планы, время идет, старые кварталы участвуют в интенсивной жизни города, что подразумевает определенные переделки. А следовало бы наряду с выделением «зон особого режима» сформулировать и принципы, регулирующие этот «особый режим».

Проще всего снести бульдозером старые дома. Куда сложнее отыскать для них новое назначение. Опыт показывает, что легче такие здания приспособить под музеи, где объектом осмотра служит сам памятник. И действительно, никому не придет в голову выискивать новую функцию для афинского акрополя, египетской пирамиды, мцхетского Джвари, Гелати, Вардзиа... Их функция, достоинство для современного общества заключаются именно в том, что они, к счастью, дошли до нас, что они существуют. Это тот случай, когда общество меньше интересуется их рентабельность, чем моральная ценность. Подобные эпохальные памятники не нуждаются в том, чтобы для них отыскивались новые функции, т. к. их новое назначение перешло в этические, духовные, моральные категории. Было бы кощунством даже помыслить об устройстве какого-либо учреждения в Джвари. Однако число таких памятников невелико.

Не может быть двух мнений о выделении исторических районов старых городов в обширные музеи. Они должны выполнять полезную функцию в современных городах. Восстановленные памятники должны занять свое место в градостроительных и экономических планах. Если здание не выполняет полезной для человека функции, ему грозит гибель. Перед нами сложная задача: провести работы по реконструкции, восстановить памятник, вернуть ему жизнь — подыскать новое на-

значение таким образом, чтобы сохранить его архитектурно-историческую ценность.

Идеальный случай, когда исторический памятник не потерял первичного назначения, — собор Парижской богородицы, Сioni в Тбилиси, тбилисские термальные серные бани, складские помещения в Прибалтике. Но число таких сооружений невелико. Относительно легко приспособить к новым функциям дворцы прошлого столетия, скажем, дворцы Петербурга или Москвы. Дело в том, что помещения этих дворцов, их размеры, освещение, капитальность и другие качества близки к современным нормам. Гораздо сложнее адаптировать средневековые здания. Особую озабоченность вызывает проблема приспособления культовых зданий, фортификационных сооружений и памятников народной архитектуры. Сложность задачи заключается в том, что использование памятника тогда можно признать удовлетворительным, когда зданию придана современная функция и в то же время максимально экспонированы все интересные детали памятника. Сравнительно легко устраивать в подобных зданиях музеи, библиотеки и архивы. Примеров тому много в Москве, Ленинграде, Пскове, Бухаре, Риге, Таллине, да и в Тбилиси. Однако, сколько может быть музеев и архивов в городе?

При практическом использовании архитектурного памятника главным необходимо признать принцип приспособления новой технологии к памятнику, а не наоборот — памятника к технологии. Для наглядности возьмем какой-либо тбилисский памятник. Например, Сачино. Художественное достоинство этого памятника — в его внешнем облике, его расположении на вершине бастиона и изящном объеме. В то же время внутренние помещения Сачино лишены каких-либо художественных или исторических достоинств. Ясно, что здесь может расположиться учреждение, которое удовлетворится малой площадью Сачино и придворной церкви, оставив совершенно нетронутым внешний облик памятника. Несмотря на весьма скромный опыт, в Тбилиси все же есть интересные примеры адаптации: молодежный театр в Метехи, музей в жилом доме на площади Ираклия, небольшие торговые залы по ул. Бараташвили.

Особую трудность представляет регенерация (обновление) старых жилых домов. Живущие в этих домах праждане чаще всего лишены необходимого комфорта, ставшего обычным для жителей других районов того же города. Кроме того, эти дома переуплотнены. Под давлением претензий жителей (претензий справедливых) исполкомы часто разрешают всякого рода переделки, пристройки, надстройки, чем по сути уничтожаются памятники. Более того, интересный с архитектурно-художественной стороны жилой дом вообще не состоит на учете в качестве памятника. В то же время большую часть старых кварталов образуют именно старые жилые дома. Многие из них не представляют художественного интереса, сильно амортизированы и будут заменены (с сохранением масштаба застройки), за другими же, видимо, придется сохранить функцию жилья, при условии, что в них появятся все атрибуты современного комфорта. Имеется в виду и радикальное снижение плотности на-

селения. Возможно, компенсацией определенных неудобств жизни в старых кварталах может стать относительно высокая норма жилой площади на человека по сравнению с новыми районами того же города.

Выше говорилось лишь о самых основных и общих проблемах защиты памятников в современном городе. Их гораздо больше. Так, например, успех защиты памятников часто лежит в чисто административно-организационной сфере. У расположенного в городской черте памятника порой оказывается несколько хозяев, которые мешают один другому и из-за некомпетентности иногда из друзей памятника превращаются в его врагов. Даже при искреннем желании правильного ведения дела самые большие ошибки мы совершаем из-за незнания. Интересен опыт Баку, где старые кварталы выделены в отдельный административный район. Очевидно, структура и комплектация административных органов этого района учитывают особенности проблемы сохранения исторически сложившихся районов.

Принятые за последнее время в нашей республике меры по решению проблемы защиты и использования исторических памятников позволяют надеяться на благополучный ее исход.

«ОДНА НОВАЯ ПЕСНЯ»

Весна минувшего 1978 года началась для меня в Тбилиси в незабываемые апрельские дни. Я была в Тбилиси впервые, и неделя пребывания в нем оказалась неделей открытий. Об одном открытии я и хочу рассказать.

Цель моей поездки — сбор и подготовка материалов для будущей книги переводов с пружинского и азербайджанского, которую я задумала как диалог поэтов во времени.

Читаю Николоза Бараташвили и наталкиваюсь на письмо его к Майко Орбелиани от 9 февраля 1845 года из г. Нахичевани.

Позволю себе привести его здесь не для того, чтобы напомнить всем известное, а чтобы рассказать, откуда все началось.

«Сейчас в Нахичевани одна новая песня, сочиненная 18-летней ханской дочерью. Зовут ее Гонча Бегюм, очень красивая и с изюминкой. Во многом напоминает жену Орлова. Несчастливая женщина, замученная мужем, от которого ушла и теперь старается освободиться от него. Бедняжке было 12 лет, когда ее насильно выдали замуж. Знала бы ты их историю — целый роман! В песне этой она оплакивает себя. В одном месте говорится: «О мой прекрасный сад! Я хочу прийти, побеседовать с твоим фонтаном, цветами твоими, но боюсь, как бы не оказался там мой муж!». Я слышу эти стихи и с переводом пришла тебе».

На этом же письме приписано рукой Левана Меликишвили: «Тато днем и ночью молит меня, разведи ее с мужем, если в бога веришь, но я, как человек степенный, не слушаюсь его!».

Дальше, читаю в книге Г. К. Напрошвили «Слово о Бараташвили»: «И все же как-то не верится, что Гонча Бегюм ушла от нас, не оставив своего диван-едебияти, свою тетрадку стихов...».

Не хочется верить и в то, что от всех ее стихов уцелели только две строчки, которые привел Бараташвили в своем письме. Во всяком случае, азербайджанские исследователи, кажется нам, должны заинтересоваться судьбой этой поэтессы, попытаться найти ее следы. Может, история азербайджанской литературы обогатится еще одним именем — Гонча Бегюм Кенгурлю».

Мой отец — родом из Нахичевани, и мне, землячке Гонча Бегюм, ровно ничего о ней не известно. Обидно!

Случай помог мне, видно, судьба! Прошу родственников, живущих в Нахичевани, узнать, не осталось ли каких следов Гонча Бегюм в архивах Нахичеванского республиканского литературного музея.

И вдруг! Получаю три страницы машинописного текста. На первой странице сведения о Гонча Бегюм, две другие — срок шесть строк, в авторстве которых не приходится сомневаться, ибо шестнадцать из них составляют гошму, где имя автора им самим указано, двадцать других строк составляют другую и в последней строке имя Бегюм. Одно четверостишие также подписано Бегюм, и другое, то самое, которое приводит в подстрочном переводе Николоз Бараташвили в своем письме к Маико Орбелиани. И один бейт — двустишие, содержание которого настолько внутренне связано с другими стихами, что даже если их написала не Гонча Бегюм, то тот, кто написал это двустишие, прожил ее жизнь, любил, как любила она, и испытал ту же самую судьбу.

Привожу перевод первой страницы присланного мне текста:

«Гонча Бегюм.

Гонча Бегюм родилась в семье Нахичеванского правителя Эхсан-хана приблизительно в 1827 году. Ее отец был знаком и дружил со многими русскими офицерами. Гостем Эхсан-хана был А. С. Грибоедов, следовавший в Иран с дипломатической миссией. Великий грузинский поэт Николоз Бараташвили неоднократно посещал Эхсан-хана в его дворце и здесь же познакомился с Гонча Бегюм. Как писал Бараташвили, Гонча Бегюм была очень красива и талантлива. Записав грузинским алфавитом одно стихотворение Гонча Бегюм, он собрался перевести его на грузинский и переслать в Тифлис, советуя передать эти стихи известным и популярным тогда в обществе певцам Саттару и Джафару.

Гонча Бегюм получила образование в Нахичевани, поступив в 1837 году в русскую школу. Она прекрасно знала русский и персидский языки и проявляла обширнейшие и глубокие знания восточной поэзии.

По разным, но единодушным сведениям известно, что Гонча Бегюм еще в ранней юности полюбила некоего офицера по имени Ибрагимбек, но была насильно выдана замуж за Шамиль-хана.

Нам представляется, и это совпадает с распространенным мнением, что стихи, написанные от имени Бегюм и вошедшие в дастан «Шахзаде Ибрагим», частично или полностью принадлежат Гонча Бегюм».

Я не исследователь, я только поэт-переводчик.

И сегодня осмеливаюсь предложить искушенному грузинскому читателю свои переводы азербайджанской поэтессы Гонча Бегюм¹, чей талант был замечен великим поэтом Грузии Николозом Бараташвили.

Алла АХУНДОВА

¹ Впервые стихотворения Гонча Бегюм опубликованы в 1974 г. в книге «Азербайджанские поэты-женщины».

...
Разлук ремесленник, печалей ростовщик,
Жестоким был, в коварстве будь не хуже!
И пусть омолодит твое лицо мой лик,
И печень на куски пусть разорвется тут же!

В моем посланье сердца изныванье.
В нем, что ни слово — кровоизлиянье.
Где мы бывали, этих мест названье
Одним уже названьем лечит душу.

Любовь — наследство любящего страстно,
Хоть страсть любви бесплодна и напрасна.
Кому отчизной был Туну¹, Табассе²,
Тому, как чужестранке, все здесь вчуже.

¹ Туну — географическое название местности. Запечатленная на мраморной стеле 732 г. н. э. тюркская надпись орхон-енисейским письмом на памятнике в честь Гюль-Текина.

² Табассе (Табис) — название местности, упоминаемое в памятниках: уйгурских юридических документах, хранящихся в Берлинской коллекции. Фрагменты буддистского, манихейского и один фрагмент христианского содержания уйгурским письмом.

Влюбленный лишь поймет любимой муку.
Пошлет судьба, рука возьмет за руку.
А я что видела? Тирана и доuku...
Другого нет, так понимать кому же?

Ах, непокорная! — кричат в лицо враги мне, —
Свершили купчую, купили, так погибни!
Но жить Бегюм узором в Ибрагиме,
В том тайны нет, свидетель есть к тому же.

...

Ах, господа, зачем меня хулите?
Хулите же сильней, неутомимо!
В конце концов хулою исцелите
Боль, что ничьей хвалой неутолима.

Узрю ль конец дурного балагана?
Лик — половик, а хитрость драгомана³...
Что чудеса Платона и Логмана⁴,
Без милого Бегюм неисцелима.

Нет, не из слов, из слез мое прошение.
Саттар, хоть ты избавь от поношенья!
Растерзанную, в скорби, в небреженьи,
Такой меня узреть — тебе недозовимо!

Наживе следуя, внимая звону злата,
Зачем им следовать закону шариата?
Корысти в жертву приносящим брата,
Что им душа Бегюм и Ибрагима?

...

Семь юбок, и все семь отделаны снурком.
И каждый аграмант, дрожа, звенит звонком...
Вот-вот войдет муж старый, безобразный,
И бедная Бегюм опять под седоком.

...

Я в сад хочу, хочу к цветам,
Где изливается фонтан,
Единственный мой собеседник...
Но ужас, если муж мой там!

...

Я полюбила рано и однажды,
Как ты любил, как может полюбить,
Кто чувства чувствовал и страждущему страждал.

³ Драгоман — переводчик при консульствах на Востоке.

⁴ Логман — мифический арабский мудрец, целитель.

Тамаз ЧИЛАДЗЕ

«МАЧЕХА САМАНИШВИЛИ» В СААРБРЮКЕНЕ

В Саарбрюкене состоялся вечер грузинской поэзии, в котором вместе с другими довелось принимать участие и мне.

Когда ты хочешь поговорить о поэзии своего народа с аудиторией, которая не знакома с нею как следует или — лучше скажем до конца откровенно — вообще не знает о ней ничего, разумеется, прежде всего стараешься найти и выделить те коренные свойства, которыми она характеризуется и которые более всего придадут ей самобытный характер, принадлежащий только этой поэзии и больше никакой на свете. И хотя наши представления, наши привычки, наша психика, вообще все наше существо определяется и формируется тысячами разных причин (как, к примеру, географическая среда, история) и все они, будучи собранными воедино, создают облик той или иной нации, точнее, традиционный склад коллективного мышления, которым питается ее поэзия, отличающаяся от поэзии всех других народов, все же я предпочел найти и выделить то общее, чем наша поэзия объединяется с мировой культурой. При этом, конечно, я помнил о таком парадоксе искусства. Общие черты наличествуют как раз у того произведения, которое более всего отлично от других. Для доказательства достаточно назвать творчество Гете, Пушкина и Руставели. В то же время в Саарбрюкене у всех нас перед глазами был выразительнейший пример. Это была «Мачеха Саманишвили» Давида Квдиашвили, воплощенная на германской сцене и исполненная сначала немецкими, а затем и грузинскими актерами, что явилось наглядным доказательством той мысли, что поэзия именно тем и велика, что открывает и выносит на свет божий то общее, то дарованное провидением ядро — основу взаимопонимания, взаимной дружбы, взаимного уважения, которое таится в недрах существования разных народов.

Томас Мани говорил: «Театр превращает толпу в народ». Народ же, который является творцом всего, что мы видим вокруг себя, не может не оценить, не понять труд, поэзию и вообще культуру другого народа.

Платон Саманишвили — дворянин, находящийся в крайней нужде. Он в высшей степени честен и благороден. Его честность в условиях того окружения, в котором Платону приходится жить, так же смешна, как доспехи рыцаря из Ламанчи для его соотечественников. Платон беден, ожесточен этой бедностью и, может быть, именно поэтому — горд. Вернее, это даже не гордость, а защитное оружие, щит, за которым он пытается спрятать свое обнаженное раненое сердце. Его поступки кажутся другим странными, более того — за спиной все над ним насмеяются, но если приглядеться повнимательней, причина этого заключена только и только в сочувствии. Платон любит своих ближних и больше всех, мы можем смело это сказать, своего отца, такого же гордого, такого же шепетильного, такого же беспомощного. Платон понимает это лучше всех, поскольку сам является его частицей, веточкой того же ствола. Для прикрытия своей беспомощности оба они разговаривают излишне громко, слишком подчеркнута шутят (а остроумием и одного и другого бог не обидел!). Иногда спор переходит в ссору порой, они воюют друг с другом, хотя оба прекрасно понимают, что на целом свете у них нет больше никого, кроме друг друга. Платон с детства признал отца самым сильным, самым умным человеком. Сознание беспомощности или, точнее, — предощущение обреченности подсознательно и словно проникая в фундамент дома вода тихо и незаметно подтачивает устои здания, которое называется зданием любви отца к сыну и сына к отцу. Сон Платона, который так блистательно передает Георгий Гегечкори, не первый в этом роде, он безусловно давно уже потерял покой и умиротворенность. Правда, прежде он не кричал во сне и окружающие не будили его в страхе: — Что с тобой стряслось, Платон? Но стоит посмотреть на его исхудалое, измученное лицо, как мы убеждаемся, что его давно терзают подобные сновидения. Нет, не совсем такие — его сны, так же как и сны всех тех людей, которые по-настоящему любят кого-то, полны ужасающих картин предательства, и это предательство еще более устрасает от того, что в результате его гибнет не один только Платон, но и тот, кто ему дороже самого себя. И сон оказался вещим: отец предал его! Нет, не отец, а все та же жизнь надсмеялась над Платоном, все она же подставила ему ножку: уважаемого Бекину в старости охватила младенческая хворь — жажда любви! Эта нормальная человеческая страсть оказывается для нуждающейся семьи непозволительной роскошью:

— Губишь меня, отец?!

Нет, уважаемый Бекина менее всего на свете хочет погубить Платона, но как ему быть с тем одиночеством, с теми душераздирающими бесконечно длинными ночами, стынувшими ногами, которых уже не в силах согреть истрепавшиеся и прохудившиеся простыни, как быть с оглушительным стуком дождевых капель по кровле, которые слышатся ему как удары смертоносного бича. Бекина не хочет умирать, его существо еще не насладились до конца этим сладким и привлекательным миром. Платону — что! Жи-

вет он тихо-спокойно со своей женой и детьми, вот если бы он овдовел, тогда бы мы послушали, как он заговорил! Нет, боже упаси, как он мог подумать такое о своей невестке, Мелано смотрит за ним и ухаживает, но ему не это нужно, пока что ему еще нужна та, что разделит с ним ложе, женщина, которая будет лежать рядом с ним неподвижно, покорно и молча, которая выслушает его бессонные жалобы, сочувственно воскликнет — «неужели, господин мой?». Бекине нужна любовь. Хорошо, это чувство можно не называть любовью, для Бекины, возможно, это слово и впрямь неуместно, но знайте, что в конце концов мы все же придем к ней, настолько она многолика, настолько всеобъемлюща и, что самое главное, единственным лекарством от одиночества, этого самого страшного недуга в жизни, является только и только она.

Платон возмущен, хотя в глубине души не может не радоваться, не гордиться столь юношеским увлечением отца. Ведь это еще один камень, которым можно запустить в голову беспомощности. Но у него нет времени для радости, нет и права на нее, на шее у него тяжким жерновом висит семья, дети, которых надо растить и устраивать. У него четверо детей. «Платон только головой качал, когда взгляд его падал на них. Сколько кукурузы может вырасти на клочке земли величиной с ладонь, чтобы хватило и его домочадцам, и новой семье Бекины?! Сказано, ядрышком одного ореха девять братьев прокормились. Но поди поделись с кем-нибудь землей-кормилицей!». И однажды усмехнувшись с горечью, Платон уже не мог согнать эту горькую улыбку с губ, так и осталась она, прилепившись к лицу, как след пощечины, полученной от жизни. С этой улыбкой и станет он отныне шагать из деревни в деревню, искать невесту для своего отца. Да, он сам найдет отцу будущую жену, такую, что успела до него дважды побывать замужем и ни с одним мужем не заимевшую детей. Слава богу, что хоть на это дал согласие Бекина, что не привел не спросившись в дом какую-нибудь молодку (а мало разве в Имеретии незамужних женщин! Вот и бедняга Дариспан бродит от дома к дому, стараясь сбить с рук свою Карожну!).

Что и говорить, это выгодное предложение, как для Платона, так и для Бекины. Если хорошенько приглядеться, оно более выгодно для Платона. Бекина в этом случае лишается права выбора и вынужден согласиться на то, что ему предложат. Только из большой любви к вам идем мы на это! — убеждают его сын и невестка. — Ради вас взвалили на себя Платон такую обузу. Хорошо бы вообще не приходила вам в голову такая вздорная мысль, но раз уж так вышло... Из уважения и привязанности к вам мы сами доставим вам невесту. Очень любит Платон отца: и впрямь, только сильная любовь может заставить его покинуть дом, и еще ради такого дела, но разве только любовь и уважение к отцу движет Платоном? Разумеется, нет. В этой любви замаскирован эгоистический расчет, которым сейчас помолодевший Бекина играет, перебрасывает из рук в руки, подобно дареной конфете, и доволен — во всяком случае, Платону хочется верить, что он доволен. Почему бы и нет, почему бы ему и не быть довольным? Да, Бекина доволен.

Такие же довольные лежат в наше время в тбилисских больницах приехавшие проведать детей из деревень старые родители, пристроенные туда влиятельными и заботливыми сыновьями и до-

черьми. Там, мол, за вами будет лучший уход и присмотр, вы там будете под наблюдением профессоров. А что больше нужно старому человеку? И хоть не болит у них ничего, лежат они на койках или споняются по больничным коридорам месяцами, годами, растроганные столь великой любовью и вниманием детей.

Благородная натура Платона поражена и смущена собственным дьявольским планом. О, Мелано, Мелано! — пытается он переложить всю вину на жену. Но в то же время он сознает и то, что Мелано ни в чем не виновна, ведь он сам нашептывал ей постоянно: «Думай, женщина, думай, может, хоть ты придумаешь что-нибудь». Нет, никто не виноват, ни Мелано, ни Платон, ни даже, представьте себе, Бекина. И тем не менее все они оказались запутавшимися в сетях невольной вины и трепыхаются, как рыбы. И у Платона, впервые в его жизни, появляется чувство ненависти к самому себе за то, что он так беспомощен, так беден, так виновен без вины.

Бедность, только бедность причина всего, — думает Платон. Он думает так потому, что мысленно пытается оправдаться перед отцом, потому, что, в конце концов, он все же сочувствует отцу. У него болит душа потому, что он добр, он страдает потому, что наделен и даром сострадания.

И вот Платон седлает своего исхудавшего ора, этого «имертинского Росинанта», как прозвал лошадь Платона известный театровед Нодар Гурабанидзе. Придумав это прозвище, он дал нам тем самым толчок к тому, чтобы подумать о генезисе этого блистательного рассказа. И впрямь, если это произведение и напоминает что-либо (здесь же мы должны отметить поразительную оригинальность и самобытность творчества Давида Клдиашвили), если Платон и походит на кого-либо, если впечатление, порожденное чтением этого рассказа, само по себе требует от нас вспомнить сходное впечатление или настроение, то перед нашими глазами прежде всего встает Сервантес и его великий роман «Дон Кихот». Может быть, это соображение покажется многим крайне субъективным, не спорю, хотя и не думаю, что бы упомянутое выше сравнение приведено исследователем случайно, только ради красного словца. Пусть не прогневаются на меня литературоведы, если скажу, что творчество Давида Клдиашвили до сего дня еще остается непрочитанным нами, что еще не стал всеобщим достоянием тот психологический реализм, который скрывается в недрах каждого его произведения и в котором содержится тайна недосягаемой пластичности, гармоничности и привлекательности этого прекрасного писателя. Еще не прочувствовали мы до конца поэзию подтекста его творчества. Пересказать рассказ Давида Клдиашвили невозможно, так же как и рассказы любого другого истинного писателя. Попробуйте-ка пересказать «Тамань», «Женщину в платке», «Микелу»! Их нужно прочувствовать, необходимо подготовить себя ко встрече с ними.

Рассказ Д. Клдиашвили, разумеется, не имеет никакого внешнего сходства с «Дон Кихотом», но его дух, пронизанный безграничным сочувствием к человеку, сочетание и сближение трагического и комического, бережное желание пронести, как свечу, благородную душу сквозь море грязи, бесчувственности и грубости дает нам возможность подумать об их пусть и не бесспорном, но все же допустимом сходстве.

Не зря не хочет, не зря опасается Платон уходить из дому. На каждом шагу его подстерегают грязь и черствость, порождаемые безделием, беззаботностью и умственной ограниченностью. Они жестоко сметают, уничтожают на своем пути все, что только отмечено знаком благородства, они надсмехаются над человеческим достоинством, добродетелью, сочувствием, жалостью.

И тут появляется Кириле Миминошвили, типичный представитель породы хамов и наглецов. Сколько таких Кириле видали мы, со сколькими встречаемся и сегодня!

Кириле Миминошвили — один из тех конюхов, которые, как мячик, подбрасывают на одеяле Дон Кихота. «Почему я сейчас не мертв», — думает Платон, когда Кириле при людях опозорил его.

Можно сказать, что в этом крохотном, однообразном мире, ограниченном изгородью простенького сюжета, где, на первый взгляд, не происходит ничего существенного, в котором замкнуты люди, захваченные личными страстями и устремлениями, слышится биение сердца Сервантеса. Мы ощущаем и испытываем могучее воздействие его сверхсострадания, которое, благодаря таланту Давида Квдиашвили, претерпело поразительно поэтичную метаморфозу.

Платон все же найдет достойную кандидатку себе в мачехи, приведет ее к отцу. Бекина женится, на короткое время в семье воцаряется мир и благоденствие, но неожиданно у Елены рождается ребенок (иначе Бекина не был бы Бекиной!). И вновь забурилась буря в семейной заводи, Платон отделяется от отца и поселяется отдельно, огорченный Бекина переселяется в лучший из миров, и рассказ завершается.

Читатель, впервые прочитавший этот рассказ, много посмеявшийся при чтении и тем не менее, после того как перевернута последняя страница, испытывавший неясную душевную тоску и грусть, должно быть, успокаивает себя тем, что время все расставляет по своим местам и залечивает все раны. Здесь я хочу вспомнить одно небольшое место из того же «Дон Кихота».

«— Братец Санчо, — говорит Дон Кихот, — ты все же должен знать, что нет на этом свете такого несчастья, чтобы время не развеяло воспоминание о нем, а смерть не излечила.

— Спасибо за утешение, — ответил Санчо, — хотел бы однако я знать, что вы думаете: какое несчастье и какая боль могут быть хуже тех, которые может развеять только время и излечить только смерть?».

Когда, вернувшись из Саарбрюкена, я в кругу друзей и знакомых рассказывал об успехе «Мачехи Саманишвили» (и не только ее), один из них сказал мне: больше всего меня удивил успех этой вещи, это ведь чисто грузинское явление, можно сказать, рассказ, имеющий локальное значение.

Такие сомнения высказывались, когда театр имени Руставели возвратился после гастролей в Польше и Германской Демократической Республике.

Но факт оставался фактом. Этот спектакль повсюду пользовался особым успехом, и, может быть, как раз потому, что он является чисто грузинским, национальным произведением, что он представляет собой образец истинной, настоящей литературы.

У нас, как и в любой другой стране, много таких рассказов или пьес, которые хоть и написаны на родном языке, тем не менее не имеют ничего общего с национальной почвой. И впрямь, разве все национально, что написано на родном языке?

Национально то произведение, которое, зазвучав на родном языке, вдохновлено и дышит социальным или психологическим моментом жизни нашего народа, которое непременно должно было родиться в недрах духовной культуры нашего народа. Чувство обязательности, непереносимости — вот что должно сопутствовать каждому истинно национальному произведению. Национальным можно назвать только то произведение, которое освещено высоким чувством интернационализма. Однако и этого недостаточно для того, чтобы произведение было национальным, — если оно само по себе не представляет собой явление искусства, если в его существовании не живет крылатая душа прекрасного, такое произведение не может считаться национальным. Этим я хочу сказать, что национальное только то, что истинно. Этому учили нас классики, и в первую очередь — великий Илья Чавчавадзе.

Успеху произведения Давида Квдиашвили, разумеется, в огромной мере способствовало то, что труппа театра имени Руставели верно прочтала, смыслила и прочувствовала его. Театр долго готовился к встрече с этим рассказом и созданной на его основе пьесой. Путь к этому спектаклю был сложным, напряженным и, я бы сказал, тернистым.

Даже одним этим спектаклем театр Руставели доказал зарубежному зрителю, что он является современным, высокопрофессиональным и весьма интересным театром. Театр достиг поразительной синхронности содержания и мизансцен, сумел вложить в мизансцены все нюансы произведения и благодаря этому создал своего рода пластический код произведения, который настолько соответствует содержанию, что театр уже может представить эту пьесу даже в виде пантомимы. Движения и жесты актеров столь же точны, как у моряка, который при помощи сигнальных флажков передает какое-либо сообщение с одного корабля на другой. Короче говоря, им удалось сделать перевод на язык театра прозаического произведения, тем самым облегчив для всех его прочтение.

Театр — эта та вселенная, где искусство человеческой души и тела проявляется в наивысшей фазе. Он синтетичен по своей сущности, и голос человека, мечта и пластика гармонически сочетаются в нем друг с другом.

В наше время у человека очень мало времени для того, чтобы оставаться наедине с самим собой. Признаемся, что меньше всего времени мы проводим как раз с собою. Фактом является то, что выгодные формы цивилизации отдалают человека от собственной личности. Театр, как и вообще искусство, раскрывает человеку тайну собственного существования, пробуждает страсти, присыпанные пеплом и золой повседневности, переводит в головокружительные пространства больших величин, приучает к самостоятельному мышлению, то есть — к азбуке истины.

Для того чтобы исполнить эту великую миссию, театр должен обладать своей позицией, которую надлежит постоянно совершенствовать и утверждать. Мы должны видеть, во имя чего, от чьего имени и какими средствами борется он.

А в этом спектакле позиция театра очевидна: он борется ради защиты человеческого достоинства.

Когда после торжественного закрытия Дней грузинской культуры в Саарбрюкене в час ночи объявили, что труппа театра имени Руставели покажет «Мачеху Саманишвили» и желающие могут остаться, я испугался: а вдруг нашим артистам придется играть перед пустым залом? Но из зала почти никто не ушел. А это значило, что первый спектакль театра Руставели, состоявшийся за несколько дней до того, действительно понравился народу, большинство зрителей было готово ценой бессонной ночи вторично насладиться им. А это было равносильно признанию.

Много раз видел я этот великолепный спектакль, но именно в ту ночь стал очевидцем его подлинного совершенства. Возможно, сыграло свою роль и то, что руставелевцам довелось выступать после блестящего заключительного концерта, который, можно смело сказать, превратился в триумф нашего искусства. Им предстояло какими угодно силами преодолеть тот барьер оваший и восторгов, который, что и говорить, был приятен для них, но все же принадлежал другим, которые своим мастерством поразили и восхитили немецких зрителей и теперь непроизвольно превратились в «соперников» руставелевцев.

К чести наших артистов следует сказать, что они достойно справились с этой сложной ситуацией.

Успех нашего искусства в Саарбрюкене стал причиной или поводом того, чтобы я, наконец, высказал то, что давно собирался, но не решался сказать. А в Саарбрюкене, можно сказать, я посмотрел на наше искусство со стороны, и подаренная им радость, удовольствие или восторг придали мне смелость поделиться с читателем своими соображениями.

Хозяином и владыкой театра, этого навечно оваянного тайной для нас мира, является актер. Он и есть тот самый жрец, который самоотверженно предан служению ему. Благодаря его мастерству со сцены звучит та музыка, объединяющая в одно целое всеобщие мечты, которую до того каждый из нас слышал поодиночке. Вспоминаю слова Чаплина о том, что автор бессилен влести в текст пьесы те поразительные нюансы, которые, к примеру, давала почувствовать зрителю Дузе, поскольку это превышает возможности автора пьесы.

Способность к преображению дает человеку возможность открыть в своем существе множество различных и непохожих на него личностей: Гамлета, Эдипа, Сиду... Талант и труд актера показывают и учат, а следовательно, и дают нам надежду, что наше существо — это синтез бесчисленных лиц и характеров, что оно, это существо, в безграничном мраке вечности — одно из светил созвездия, а не одинокая свеча.

Искусство, которым владеет актер, по своему происхождению экзотерично: оно еще окутано туманом старинных мистерий, но вне и помимо этого тумана невозможно появление условности — основы театрального искусства. Верность реализму, которую мы справедливо требуем от артиста, не противопоставляется этой условности хотя бы потому, что подлинный реализм является не копированием действительности, а созданием новой действительности, новой реальности. Артист постоянно балансирует на волосяном мо-

стике условности, потому что через него проходит его единственная дорога. На этом волосяном мосту только непосредственность позволяет ему сохранить равновесие. Непосредственность — это то, что делает условность достоверной. На непосредственности зиждется основа творчества и базируется контакт между сценой и зрительным залом. Разумеется, научиться этому нельзя, но постоянно тренировать себя необходимо.

Давно не видел я такой полной иллюзии действительности на сцене, какую создал Георгий Гегечкори в образе Платона Саманшвили.

Мастерство актера само по себе еще ничего не значит, если оно не имеет цели, точнее — если у актера нет позиции. Настоящий артист всегда ясно представляет себе суть своего призвания. Он знает, что «сцена — это место, откуда шорох каждого шага доносится до целого мира». У настоящего артиста есть своя творческая идея, он борется за эту идею, утверждает ее. Глостер и Стокман Георгия Гегечкори и по внешности, и внутренне почти абсолютно противоположны друг другу, однако они наделены единой нагрузкой, дышат и живут одной идеей.

Есть артисты-исполнители и артисты-творцы. Георгий Гегечкори — творец. Давно миновал юношеский возраст, когда он, как настоящую оперную партию, исполнил роль Бараташвили. Хотя именно эта роль принесла ему первое настоящее признание и, наоборот, первую большую радость. Творческая зрелость требовала нового мышления, новых приемов, новых решений и вот, несколько лет тому назад, мы стали свидетелями его творческой победы. Это был образ Бессеменова в «Мещанах» Горького. Перед нами был уже новый почерк, новое осмысление образа, качественно новое явление! Георгий Гегечкори постоянно стремится показать и доказать, что любое переживание или страсть, если только они истинно человечески, — величественны. Для него любовь или ненависть, зависть или милосердие, предательство или добродетель интересны постольку, поскольку соответствуют природе современного человека. Ведь Искусство артиста напоминает искусство переводчика: он переводит на язык каждого из нас тайну вечной истины.

Давно уже наш зритель полюбил великолепного артиста Рамаза Чхиквадзе. И вот сейчас, в Саарбрюкене, мы стали свидетелями единогодушного признания, завоеванного им у зрителя зарубежного. Созданный им образ Кириле Миминошвили настолько пластичен и жизнен, психологически настолько точен, настолько перерастает рамки роли, так явственно указывает нам на существо обстоятельств, породивших подобный характер, что его можно признать одним из шедевров нашего театрального искусства.

Рамаз Чхиквадзе — масштабный артист, его творческая амплитуда достигает полярных точек: комического и трагического. А порою (как только ему представляется возможность) он объединяет два этих истока своего творчества в одном образе и благодаря поразительному чувству гротескного создает впечатляющий и запоминающийся характер (Косико в «Чинчрака»), который одновременно вызывает и жалость, и смех.

У Рамаза Чхиквадзе тоже есть своя четко сформулированная позиция: он рыцарь и воитель добра. Хотя я еще не видел и не

слышал о художнике, если только он настоящий художник, кото-
рый служил бы злу.

Рамаз Чхиквадзе и впрямь блестящий комедийный артист. В то же время он, можно сказать, воистину народен, подобно актерам странствующих трупп на больших площадях и ярмарках. Надо сказать, что это драгоценное качество Рамаза Чхиквадзе наши режиссеры направляют несколько односторонне. Именно поэтому в некоторых спектаклях он испытывает настоящие муки, хотя благодаря таланту ему и здесь не откажешь ни в привлекательности, ни в сценическом блеске и зритель награждает его аплодисментами. Рамаз Чхиквадзе наделен таким даром, что, к чему бы ни прикоснулся он, все делает очаровательным и прекрасным, но кое-что из этого хоть и доставляет огромное удовольствие зрителям, ничего не добавляет ему самому как художнику и творцу. В таких случаях он напоминает мне льва, исполняющего в цирке сложнейшие номера, но ведь из этого отнюдь не следует, что природа создала льва для цирка!

Рамаз Чхиквадзе великолепный импровизатор. Талант и совершенная техника дают ему возможность чувствовать себя на сцене так же свободно, как рыба в воде. В каждом спектакле от него можно ждать нового. И это новое рождается тут же, на сцене, буквально на твоих глазах. Густав Малер говорил: во время каждого исполнения произведение должно рождаться заново. Рамаз Чхиквадзе играет от всей души, он всем своим существом отдается стихии игры, играет увлеченно и самозабвенно, как ребенок играет в войну. А поскольку роль у него бывает осмысленна во всей полноте, ибо она слеплена у него из мельчайших деталей, подобно гнезду ласточки, так как он вкладывает именно в эту роль свою веру и грандиозную страсть и на сцене находится профессиональный артист в полном смысле слова, — непосредственность и самозабвенность придают всем созданным им образам особое тепло и блеск.

Когда я смотрел в Саарбрюкене этот спектакль, когда я был очевидцем его большого успеха, поневоле вспомнил проходившую лет десять назад у нас на страницах газет и журналов или на пленумах Театрального общества дискуссию о деятельности театра имени Руставели. Правда, сегодня об этих дискуссиях вспомнишь разве что с улыбкой, но тогда всем было не до смеха...

Дело было в том, что некоторые наши театроведы не желали отступать от раз и навсегда выработанных, сформулированных в их кандидатских диссертациях концепций и малюсеньких, искусственно скроенных теорий, и потому выступление наших театроведов против театра Руставели было вызвано не желанием разобраться в жизненно важных для театра актуальных проблемах, а стремлением во что бы то ни стало защитить субъективные или групповые интересы.

Смотрел я наш заключительный вечер, праздник и торжество грузинского искусства, и думал, сколько чего у нас недооценено, о скольком мы еще вообще не сказали ни слова, по отношению к сколькому проявляем непростительное равнодушие.

Особенно большое значение имели признание и успех грузинского профессионального музыкального искусства.

Один из хозяев сказал нам: многих прославленных гастролеров видели мы на этой сцене, но чтобы общественность нашего города проявляла к чему-либо такой интерес — это поистине редкое явление.

Интерес к грузинской культуре с каждым днем рос на наших глазах. Если на первом концерте в зале кое-где еще можно было найти свободные места, то в заключительный день там яблоку негде было упасть, у выхода в театр множество людей просили нас как-нибудь провести на концерт хотя бы ребенка. Многие приехали из других городов, а также — из Франции, Люксембурга, Швейцарии...

Если одна, сравнительно малочисленная группа наших деятелей культуры смогла добиться такого успеха, то что было бы, если б имелась возможность показать зарубежному зрителю наше искусство в полном виде! Но к чести этой группы надо сказать, что она сумела продемонстрировать достойно то великое искусство, которое стояло за ее спиной в Саарбрюкене, прибавляло ей сил и уверенности.

В заключение хочу вспомнить слова Петрарки:

«Я достиг Германии и берегов Рейна, внимательно наблюдая нравы людей и наслаждаясь созерцанием незнакомых стран. Я сравнивал все с тем, что есть у нас, и хотя повсюду видел много прекрасного... если говорить откровенно, — еще больше восторгаюсь своей родиной».

Перевод Эдуарда ЕЛИГУЛАШВИЛИ

ХУДОЖНИК МЫСЛИ И ЧУВСТВА

Писать о таком художнике, как Тенгиз Мирзашвили, очень трудно. Человек он скромный, простой. Как художник, как характер, он весь внутри, не напоказ. Даже рассказывая о своих работах, он поначалу не вступает с вами в творческий контакт, говорит из вежливости, потому что не знает еще, стоит ли раскрываться перед собеседником.

Несмотря на то, что определенное мнение о творчестве этого художника сложилось уже давно, объяснить загадочную притягательность и обаяние его работ более полно можно, только зная художника лично.

Картины его — небольших размеров, неброские по колориту, они наделены удивительной магнетической способностью останавливать на себе внимание. Это особенно бросается в глаза на больших выставках. Перед его пейзажами можно стоять подолгу, забыв обо всем. Вероятно, потому, что они оригинальны по образам, значительны по силе чувства.

Картины Т. Мирзашвили раскрывают мир художника, его богатое воображение. Они сложились как нечто само собой разумеющееся в смысле размера и образности, манеры написания и технологии исполнения. Они глубоко выявляют сущность личности самого художника. В картинах, пронизанных единым стержневым чувством любви к родине, художник проявляется как преданный сын своей земли.

Он никогда не произнес бы этих слов вслух. Их можно лишь почувствовать в его работах, во всем комплексе его творческих устремлений.

Каждое свое рабочее утро художник набрасывает первые штрихи какой-либо новой вещи. Он не заканчивает набросок, который по своему образному строю только задел на будущее. Иногда проходят месяцы, прежде чем в сознании художника определится единственно верное решение, какое может быть.

Картины Т. Мирзашвили нельзя пересказать. В них нет сюжета в обычном понимании, нет действия. Образы, найденные художником, отчеканиваются в скупых формах своеобразным сплавом мысли и чувства. Они вызывают щемящее чувство сожаления: как часто мы необдуманно, поспешно оставляем родную землю во имя призрачного счастья жизни в большом городе. А она, земля, без

нас выглядит сиротливо, пустынно. Пейзажи эти наполнены тоской о земле, о запахе травы, о шелесте ветра.

Т. Мирзашвили пишет темперами, может быть, красками, но очень выигрышными для живописца, но он привык к ним, они — лучший образ соответствующий выражению его замыслов. Не только рисунком и не просто осмысленным размещением объемов на плоскости добивается художник впечатления целостности и единства, какой-то каменной монолитности всей структуры пейзажа. Главным, связующим, цементирующим элементом всех компонентов картины у него выступает живопись. Она в основном тяжелая, пастозная, многослойная, создающая особо звучные цветовые аккорды. Характерный облик живописи Мирзашвили, организованный по принципу простоты, человеческий по масштабам, демократичный по характеру изображения, адресован народу, и в этом — одно из ценнейших качеств искусства художника.

Надо отметить и острое чувство современности в произведениях Т. Мирзашвили. Они передают эмоции и психологический настрой жителя XX века, которому приходится сталкиваться со все более усложняющимися жизненными обстоятельствами. При этом поступки и решения людей лишаются однозначности. Пейзажи художника ставят целый ряд проблем, возникающих перед нашим современником. Например, чувство отчуждения человека от земли, от природы. В них словно звучит немой вопрос: «К чему это приведет?». Из многих философских вопросов века он обращается к одному, решение которого возможно средствами живописи. Это — проблема красоты земли, поэзии деревенских ритмов.

По мысли художника ничто — ни земля, ни деревня, ни животные, которые ходят по этой земле, — не может существовать без любви человека. А человек бросает и землю, и деревья, и животных ради города.

Пейзажи Мирзашвили часто безлюдны. Они не имеют характерных признаков времени. И от того их эмоциональное воздействие как бы еще сильнее, потому что во всем этом обнаженном лике древней земли есть что-то от космической мощи.

В рисунках Т. Мирзашвили, которые он выполнял в качестве художника-иллюстратора, есть кроме обычного, как у всякого художника, профессионального умения, мастерства, очень ценное качество — чувство литературного материала. В квартире Т. Мирзашвили, которая служит ему одновременно и мастерской, мы познакомились с целой экспозицией иллюстраций к рассказу Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?!» Проанализировать их образный строй, характер и манеру исполнения — значит установить глубину прочтения материала художником. И. Чавчавадзе наделил своих героев, отрицательных в социальном смысле типов, душевной добротой. Подробность, на наш взгляд, немаловажная, и художник не имеет права не учитывать ее.

Вот почему во всем строе этих рисунков есть немало нюансов, которые нельзя объяснить, исходя только из отрицательного отношения к изображенным типам. Подобный факт свидетельствует о глубинном постижении характеров литературных героев.

И последнее, о чем хотелось бы сказать, — об увлеченностях художника, так тесно примыкающих к основополагающим принци-

пам его творчества. В жизни Т. Мирзашвили путешествия по стране, в особенности, по Грузии — дело довольно обычное. Они входят в его творческую программу. «Я люблю ходить и смотреть. За рисовок на месте никогда не делаю», — объясняет он.

Есть и другие увлечения. Много времени и сил потратил он на то, чтобы собрать богатейший материал по художественному детскому творчеству. Он был одним из инициаторов создания тбилисской детской картинной галереи.

Сейчас открывается новая страница его творческой деятельности. масштабы и значение которой трудно переоценить. Год за годом со страстью фанатика и скрупулезностью ученого Т. Мирзашвили накапливал материал о Нико Пиросманашвили. Он собрал все, что известно об этом удивительном художнике, выполнив работу, которая, быть может, по плечу институту с целым штатом работников. Он провел поразительный по глубине анализ творчества Пиросмани, создав систематизированные по творческим принципам фотографии фрагментов разных его картин, и, как нам представляется, убедительно доказывает, что Пиросмани был далеко не таким наивным художником, как это можно ожидать от самоучки.

Тенгиз Мирзашвили в расцвете своих творческих сил. У него, как у крестьянина, свое широкое поле, и на этом поле он — добросовестный работник.

НАДЕЖДЫ, НАДЕЖДЫ, НАДЕЖДЫ...

РЕПОРТАЖ

Со всех концов Союза в конце марта в Москву съехались участники очередного, седьмого по счету, совещания молодых писателей. Москва встречала их по-зимнему...

Совещание должно было открыться во вторник, двенадцатого марта, а в понедельник в здании Союза писателей СССР на ул. Воровского состоялась пресс-конференция. На ней с информацией о совещании и с ответами на вопросы журналистов выступили секретарь Союза писателей О. Н. Шестинский и секретарь ЦК ВЛКСМ А. П. Деревянко. Прозвучали интересные цифры. Оказывается, что 101 участник предыдущего такого же совещания за прошедшие с той поры четыре года стал членом Союза писателей СССР, многие выпустили первые свои книги и сборники. В нынешнем — примут участие свыше 300 молодых литераторов (их предельный возраст на сей раз лимитировался не тридцатью, как в прошлый раз, а уже тридцатью пятью — стареют молодые! — годами), работы которых просматривались и рецензировались многими ведущими нашими писателями, причем в особо интересных и спорных случаях с работами одного и того же начинающего дарования знакомилась два, три, а то и четыре корифея! Работа проделана титаническая, но ее итог отнюдь не означает, что число молодых литературных талантов в нашей стране исчерпалось магической цифрой «триста»: наоборот, как особо подчеркнул О. Н. Шестинский, по завершении совещания большее внимание следует уделить как раз тем начинающим, кто на это совещание не попал. Советская литература создается в общей сложности на 76 (!) языках, и 46 из них будут представлены на совещании, которое тем самым послужит еще и хорошей основой для столь насыщенных переводческих контактов (к тому же в качестве гостей в работе совещания примут участие и представители почти всех социалистических государств).

Среди руководителей четырнадцати поэтических, например, семинаров мы встречаем фамилии В. Федорова, Р. Рождественского, О. Сулейменова, Р. Казаковой, В. Цыбина, В. Фирсова, Н. Старшинова, А. Дементьева, Г. Эмина, Е. Винокурова, Е. Долматовского, А. Софронова, Д. Кугультинова, К. Кулиева, К. Ваншенкина, А. Михайлова, Е. Исаева. Не менее известны и руководители тринадцати прозаических семинаров — А. Ананьев, Г. Марков, В. Астафьев, В. Липатов, С. Шуртаков, В. Распутин, С. Крутилин, С. Воронин, Ю. Скоп, В. Быков, А. Иванов, Ю. Трифонов, И. Золотуский, В. Тельпугов, Г. Бакланов, Е. Носов, Ю. Рытхей. Были на совещании представлены и драматурги (среди руководителей — А. Салынский, А. Штейн и др.), и переводчики (Л. Гинзбург, В. Левик, Э. Ананншвили), и критики (Ю. Суворцев, И. Гринберг), и писатели стихов и прозы для детей (М. Прилежаева, А. Алексин, А. Барто). В общей сложности около 140 известных литераторов нашей страны руководили семинарами этого совещания (иными словами, на одного «учителя» приходилось всего лишь по два примерно «ученика»!).

Со всех республик Советского Союза, из всех почти областей его съехались на это совещание молодые литераторы (не говоря уже о гостеприимных хозяевах — москвичах). В списках участников бросалась в глаза и еще одна, пока малопривычная территориальная единица — БАМ!

Одной из многих братских делегаций была и делегация Грузии. В нее входили поэты Багатер Арабули (семинар Владимира Цыбина), Энвер Нижарадзе (семинар Николая Старшинова), Давид Тевдорадзе (семинар Е. Винокурова), Рушбей Смыр (семинар К. Ваншенкина), прозаики Автандил Чхиквишвили (семинар Семена Шуртакова), Бадри Чохонелидзе (семинар Василия Быкова) и Алеша Гучмази (семинар Анатолия Иванова), а также Лаша Табукашвили, участник семинара драматургов. Ни критиков, ни детских писателей в грузинской делегации не оказалось; не было в ней и переводчиков, что особенно странно, коль скоро в республике не первый уже год существует специальная Коллегия по делам художественного перевода, и работает в ней, наряду со старшими, немало и талантливой переводческой молодежи.

Но даже из числа заявленных представителей Грузии не все, к сожалению, смогли приехать и обсудиться на этом совещании (не были Э. Нижарадзе, А. Гучмази и Л. Табукашвили, зато сверх распространенного среди журналистов списка участников в работе, одного из поэтических семинаров принял участие молодой Тамаз Бадзагуа).

Сама работа творческих семинаров проходила в новом высотном здании журнального корпуса издательства «Молодая гвардия», а открытие и закрытие совещания — в гостинице «Юность», где, кстати сказать, и разместилось большинство участников. Между прочим: «Юность», «Молодая гвардия» — как символична переключка этих наименований с пафосом и сущностью данного совещания!..

Открыл его Герой Социалистического Труда, первый секретарь правления Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Мар-

ков. Его вступительное слово было перепечатано на завтра в «Литературной газете» под заголовком «Верность высоким традициям». Напутствуя молодых, он говорил об «ответственности за литературу, к которой ты решился принадлежать», и о том, что «ответственность эта равновелика и для того, кто проработал в литературе годы и десятилетия, и для того, кто вступил в нее вчера». Он говорил о том, что в семинарах, как обычно организованных по принципу творческого интереса, не будет, в сущности, ни учителей, ни учеников, а будет откровенный профессиональный разговор, будут дружеские беседы опытных мастеров с еще только начинающими литераторами, будет общение писателей друг с другом, общение, которое было между писателями всегда и которое, какие бы оно формы ни принимало, всегда между писателями будет («покуда живы на свете хотя бы два пиита!»), общение, которое, по словам оратора, всегда «... служило одной цели — оно будило мысль каждого, оно поднимало мыслительный накал литературы, помогало ей становиться голосом народа». Но при этом он и предостерегал от преждевременной писательской специализации («тысячи современных писателей сознательно совмещают иные профессии с писательской работой...»), и вместе с тем приветствовал приход в литературу нового писательского поколения, несущего с собой атмосферу и образы СВОЕГО времени.

Кроме вступительного слова Г. Маркова в этот день в конференц-зале «Юности» прозвучало еще несколько речей. С докладом «Созидательная деятельность Коммунистической партии и советского народа — источник творческого вдохновения молодых писателей» выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов, а с докладом «О некоторых проблемах современной литературы» — секретарь СП СССР Ф. Ф. Кузнецов. После перерыва были заслушаны доклад В. И. Десятерика, директора издательства «Молодая гвардия», посвященный работе издательства с молодыми авторами, а также лекция, посвященная актуальным вопросам идеологической борьбы на современном этапе. Вечером в Центральном Доме литераторов состоялась первая дружеская встреча молодых и маститых писателей.

В среду и в четверг, то есть 21 и 22 марта, проходили занятия по семинарам. В пятницу в том же конференц-зале «Юности» участники совещания заслушали еще несколько важных и интересных лекций, а во второй половине дня их ждали встречи с работниками московских заводов и институтов, с тружениками сельского хозяйства Подмосковья. Стихи и рассказы молодых авторов звучали в стенах Московского механического завода, государственного института кинематографии и во многих других местах.

В субботу, 24 марта, снова шли заключительные семинарские занятия, а в воскресенье участники ждали такие почетные и познавательные мероприятия, как возложение венков к Мавзолею В. И. Ленина и к могиле Неизвестного солдата, посещение Музея-квартиры В. И. Ленина в Кремле и автобусная экскурсия «Литературная Москва».

И наконец, в понедельник, 26 марта, совещание завершило свой недельный цикл. Оно завершилось в том же самом зале, где и началось. Вслед за госплановской лекцией «XXV съезд КПСС об экономической стратегии партии» прозвучали сообщения секретарей

правления Союза писателей СССР, в которых подводились итоги совещания. Но об итогах этих мы еще расскажем ниже. А пока перенесемся на Новодмитровскую улицу, 5, в журнальный боскреб «Молодой гвардии». Именно здесь и проводилась основная работа совещания — занятия трех с лишним десятков творческих семинаров.

У Семена Шуртакова обсуждается Автандил Чхиквишвили. Лукаво-доброе тридцатилетнее лицо, седеющая шевелюра, бурная реакция на шутку, жестикуляция — все выдавало в нем талантливого тамаду, с трудом, но и с достоинством сдерживающего нетерпение дать своему призванию волю. Работает редактором приложения к грузинскому молодежному журналу «Цискари»: и сам журнал, и приложение к нему являются главной ареной молодых литературных дебютов в республике. Из русских современных писателей больше всего любит Трифонова, Распутина, Белова, Тендрякова, а из грузинских — Чабуа Амирэджиби, Резо Чейшвили, Арчила Сулакаури, Нодара Думбадзе и Отара Чиладзе. Из молодых ближе всего ему Георгий Баканидзе, Гурам Схиртладзе, Владимир Сихарулидзе и его товарищ по жизни и по этому совещанию Бадри Чохонелидзе («люблю Бадри за человечность, за гуманизм». — говорит Автандил). На совещании Автандил представлен серией рассказов: «Лавина», «Снег», «Засуха» (точнее «Зной»), «Паводок» и «Время». К сожалению, подстрочники этих рассказов были сделаны значительно слабее и хуже, чем хотелось бы, и это поставило в трудное положение не только автора, но и маститых писателей, вынужденных, по словам одного из них, буквально продираться через подстрочники. Кроме Шуртакова, среди руководителей этого семинара были также Д. Я. Гусаров, О. Н. Михайлов и А. Д. Коптяева. Все они, «продравшись» через подстрочник, высоко оценили литературное дарование молодого грузинского прозаика. Дмитрий Гусаров оценил философичность его рассказов, точно подметил ту неслучайную деталь, что во всех рассказах А. Чхиквишвили у героев нет имени. Олег Михайлов говорил сначала о вещах более общего характера. Писателю мало быть одаренным, талантливым, мало знать описываемую им жизнь, не менее важно для него пережить некое сильное потрясение, некую встряску духа. Необходимо выявить то соответствие авторской ЗАЯВКИ и ее «золотого обеспечения» — ВОЗМОЖНОСТЕЙ его душевного «банка». На прозу Чхиквишвили, по мнению Михайлова, сильнейшее влияние оказал кинематограф; его проза — смена кадров, а связывающая эти кадры нить время от времени теряется (впрочем, в этом, может быть, виноват не автор, а подстрочник).

Семен Иванович Шуртаков говорил о том, что в прозе Чхиквишвили есть «стихия — и человек в этой стихии». Он говорил о сложной атмосфере этой прозы, где за каждым словом стоит два-три смысла, не меньше, тогда как автор подстрочника делал все возможное, чтобы по-русски оставалось не более одного-единственного. В заключение С. Шуртаков посоветовал молодому прозаику овладеть искусством чтения своих вещей как бы чужим глазом.

Бадри Чохонелидзе не похож на своего друга по внутреннему темпераменту. Спокойный, уравновешенный, скупно выверяющий

слова. Говорит тихо, не громче, чем нужно для того, чтобы собеседник его слышал. Работает редактором на киностудии «Грузия-фильм» в творческом объединении «Дебют». В этом году в «Мерани» выходит первая его книга (сейчас Бадри 32 года). Из русских писателей-современников выше других ставит Трифонова и Распутина, но больше всего любит суровую, как он выразился, русскую прозу XIX века и американскую прозу века нынешнего. Поэтическую, по его же выражению, прозу он ставит не столь высоко, и среди грузинских прозаиков, особенно любимых им, — Резо Чейшвили, Гурам Гегешидзе, Нодар Думбадзе, Реваз Инанишвили — лишь последний может быть назван прозаиком поэтическим. Среди прозаиков своего поколения Бадри отметил Автандила Чхиквишвили, Лашу Табукашвили, Нугзара Шатаидзе, Сосо Пайчадзе и погибшего в прошлом году Джемала Топуридзе. Об Автандиле он сказал, что тот сумел выработать собственное строение фразы, по которой его можно узнать почти сразу. Самого Бадри Чохонелидзе больше всего волнует морально-этическая тематика, отношения между людьми, честь семьи и другие проблемы. На совещание Бадри представил повесть «Брат», где рассказывается о смерти и о предшествовавшей ей нелегкой жизни 15-летнего грузинского юноши. Руководителями семинара, где обсуждался Чохонелидзе, были В. В. Быков, Ю. С. Скоп, Э. И. Сафонов и Б. А. Леонов. Все они отмечали хорошую культуру письма и одаренность молодого прозаика, ощущаемые даже сквозь подстрочник. На обсуждении Бадри упрекали в некоей универсальности, даже глобальности подхода к проблемам, упрекали в том, что в его повести плохо видно Грузию. Но с этим не согласился руководитель семинара Василь Быков. Он говорил о том, что в изображении современной грузинской девушки надо поверить грузинскому писателю, а не устаревшим штампованным трафаретам. Быков сказал также, что Чохонелидзе заслуживает «лишнего балла» за смелость, за то, что он берет темы, в чем-то даже и непосильные. О том, что Бадри берется за задачи исключительно крупные, масштабные, говорил и Юрий Скоп: «Его незримый герой — сердце человеческое. Но вместе с тем Бадри Чохонелидзе еще и социальный писатель».

Первым из грузинских поэтов обсуждался 30-летний Багатер Арабули, выпускник Грузинского политехнического института, а ныне инженер одного из строительных управлений столицы Грузии. Вот что писал о его стихах поэт и переводчик Даниил Чкония, знакомившийся с его рукописями еще до совещания: «Багатер Арабули — поэт ярко выраженного гражданского темперамента. Его стихи созвучны времени, в них часто мелькают названия мест, упоминания фактов, имена, которые именно сегодня привлекают внимание современников. И это не формальное перечисление примет сегодняшнего дня, а органичное, естественное обозначение того, чем дышит и живет лирический герой поэзии Б. Арабули». Что ж, это справедливые слова, и, на мой взгляд, лучше всего их подтверждает поэма Б. Арабули «Время света», посвященная строителям ИнгуриГЭС. Об этом же говорили и участники, и руководители поэтического семинара, где обсуждали Багатера. Владимир Цыбин среди прочего выделил такую особенность его стихов, как контрастность поэтического видения в них; видение это преимущественно зрительное («глазное»), но это интересное видение.

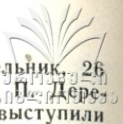
Давид Тевдорадзе моложе Арабули на год. Он работает в этом деле агитации и пропаганды Батумского горкома партии. В его стихах, посвященных родине и любви, предкам и деревне, почти не обсуждавшие их отмечали эпичность. А обсуждали Давида в одном из сильнейших по своему составу семинаров, руководили которым Евгений Винокуров, Яков Козловский и Иманд Аузинь (между прочим, и в этом случае серьезнейшие претензии предъявлялись к качеству представленных подстрочников).

28-летний абхазский поэт из Нового Афона Рушбей Смыр — автор уже двух поэтических книг (третья выходит в этом году в Сухуми). Свое участие в совещании сам он характеризует как «хороший шаг и хороший урок». В обсуждении его стихов участвовали Я. Хелемский, В. Савостин, В. Туркин (К. Ваншенкин, к сожалению, был болен). Все они отмечали гражданственность и вместе с тем лиричность стихов Смыра.

В субботу, в последний рабочий день совещания, обсуждались стихи Тамаза Бадзагуа. Их разбирали в 11-м семинаре, руководили которым Евгений Осетров, Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев и Алексей Смольников. Надо сказать, что семинар этот был одним из интереснейших поэтических кружков совещания. Среди его участников были весьма перспективный тувинский поэт Александр Даржай и москвич Иван Жданов, стихи которого произвели особенно значительное впечатление.

Тамаз Бадзагуа обсуждался сразу же вслед за Ждановым. Самый юный из участников (ему всего 20 лет и он учится на IV курсе филологического факультета Тбилисского университета), он застенчиво сидел на своем стуле, слегка краснея от смущения при каждом взгляде кого-либо из руководителей, случайно брошенном в его сторону. Круглолицый, с тигриновской челкой на лбу, он представлялся мне юным голубороговцем, не знающим еще, голубороговец он все-таки или нет... Несмотря на молодые годы, он уже известен в Грузии: стихи его печатались в «Цискари», в университетском альманахе «Первый луч». Любимые поэты Тамаза — Рильке, Бодлер, Верлен, Пастернак, а из грузинских — Галактион Табидзе и Отар Чиладзе...

Давид Никитович Кугультинов, мудрый поэтический старейшина, склонившись над подстрочниками и время от времени цитируя их или иногда зачитывая все стихотворение полностью, говорил о том, что Тамаз Бадзагуа старается увидеть мир заново, увидеть мир иными глазами, непривычными к этому миру, увидеть и поделиться увиденным с читателем, обогатить его. Говоря о стихотворении «Музыка», он сказал, что так почувствовать музыку может только настоящий поэт. Конечно, это только начало, но это хорошее начало, и Давид Кугультинов убежден, что из Тамаза Бадзагуа рано или поздно получится большой поэт. Напутствие Тамазу произнес и Кайсын Кулиев. Вот, почти дословно, его слова: «Мы с Тамазом Бадзагуа — почти соседи. Стоит мне перейти горы, и я окажусь в его селении (Тамаз родом из Гегечкорского района — П. Н.). Что я могу сказать тебе, дорогой Тамаз, дорогой сосед? Ты исключительно образно мыслишь, у тебя сильные, крепкие ассоциации, но коль скоро бог вложил в твой череп мысль, то бойся книжности, дорогой Тамаз, вот все, что я хочу тебе пожелать».

Итоги совещания подводились в «Юности» в понедельник, 26 марта. Открыл и вел собрание секретарь ЦК ВЛКСМ А. П. Деревянко. От имени молодых участников совещания выступили Валерий Блажко, электрослесарь с шахты им. Ю. Гагарина в г. Горловка Донецкой области, и москвич Юрий Поляков, секретарь комсомольской организации московских литераторов. В словах, что они произнесли, прозвучала та глубокая благодарность, которую испытывали участники — молодые писатели — к своим старшим товарищам и организаторам этого форума обнадеживающих талантов.

Но многие и многие десятки участников получили на этом совещании не только урок да совет, но еще и конкретную, практическую помощь и поддержку. Многие рекомендованы для участия в сборниках и альманахах, многим рекомендованы к изданию книги и сборники, а некоторые из числа наиболее достойных получили на этом совещании рекомендации в Союз писателей СССР. О наиболее ярких талантах, открытых этим совещанием, говорили в своих — от имени жанров — выступлениях А. Алексин (от детских писателей), А. Ананьев (от прозаиков), А. Салынский (от драматургов), Л. Гинзбург (от переводчиков), Ю. Суровцев (от критиков), В. Федоров (от поэтов) и закрывавший заключительное собрание О. Шестинский. С воодушевлением направили собравшиеся приветственное письмо товарищу Л. И. Брежневу.

А во второй половине дня в ЦК ВЛКСМ прошла встреча молодых писателей и их руководителей со знатными тружениками Москвы. Вот этой встречей, собственно говоря, и исчерпалась официальная программа работы VII Всесоюзного совещания молодых писателей. Но не забудем того, что само совещание — не более чем импульс, искра, толчок творческому брожению и воображению молодых, и именно это брожение, а не самый факт участия в совещании, являлось главной его целью. В этом смысле совещание не закончится и с разъездом по домам его участников и долго еще будет продолжаться...

Павел НЕРЛЕР

«ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ»

«ЯРКИИ, жестикулирующий в стихах Галактион — сдержался в своем творческом целом. Он оставил нам этот условный простор: допой, договоры — ты — что мог бы я... Слеза Демона прожгла камень — слезы Галактиона стоят у него в очах...»

Так пишет о Галактионе Табидзе его переводчик Владимир Леонович в своем послесловии «Ода вольности», которым завершается новый сборник стихов великого грузинского поэта, только что выпущенный издательством «Мерани».

В книгу вошло более ста образцов его неувядаемой поэзии, которую приблизил к русскому читателю Владимир Леонович, чьи переводы из Галактиона, по словам редактора-составителя и автора предисловия Георгия Маргвелашвили, «подобало бы скорее величать перевоплощениями или преображениями, как их склонен называть сам поэт».

Стихи идут в хронологическом порядке. И если первое «Недостижимостью святою одною только дорожу...», открывающее сборник, датировано 1908 годом, то под последним в нем — «Весна моя» — проставлено число, месяц и год: 12.IV-1956. Между ними пролегло почти столетие... Целая жизнь. Большая жизнь. Трудная жизнь. Счастливая жизнь. Судьба поэта века. И читатель сможет как по векам, по этим стихам, просле-

дить творческий путь их автора, который, пройдя его, все же воскликнул:

Весна! Я жив — я слезы лью...
Весна моя, подольше

царствуй,
Храни меня и благодарствуй,
И где сойдутся две зари,
Мне двери тихо отвори.

«ПРОЗА КОНСТАНТИНА ЛОРДКИПАНИДЗЕ»

«ДЛЯ меня главным было прочитать со своего угла зрения тот художественный текст, который уже стал принадлежностью летописи времени, — признается автор этой книги — критик и литературовед Коба Имедашвили, прослеживающий процесс формирования нового героя грузинской советской литературы на материале произведений одного из ее основоположников.

Книга «Проза Константина Лордкипанидзе» вышла на русском языке (переводчик Э. Елигулашвили) с грифом издательства «Мерани» и датирована 1979 годом.

«ДОМ ПОД ЧИНАРАМИ»

В НОВОМ формате и художественном оформлении увидел свет очередной выпуск сборника «Дом под чинарами» (1978, изд. «Мерани»). В него, как обычно, входят произведения писателей, живущих в Грузии и пишущих на русском языке. Причем наряду с уже известными читателю авторами выступают и новые, и среди них — молодые.

«ПУСТЬ ОБЛАКА ОСТАЮТСЯ С ТОБОЙ»

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ

Данный выпуск открывает-ся рубрикой «Новые имена», где один из редакторов сборника и его составитель Михаил Лохвицкий в своем напутственном слове не только знакомит читателей с начинающими литераторами, но и желает им доброго пути в литературу.

Затем следуют произведения этих авторов — повесть Семена Криворука «Посреди имени, новоселий» и «Рассказ с концом» Александра Мейпаряни.

Далее идут — проза, поэзия, драматургия. Это — научно-фантастическая повесть Евгения Закладного «Шаг во тьму», рассказы: Ушанги Рижинашвили «Решение», Михаила Гоголова-Кошут «Прости меня, ящерица», В. Простосердова «Сурб-Саркис», «Давний Тбилиси», «Наука распознавания грибов», «Как спасли собаку»; стихи Глана Онаняна, пьеса Марка Рывкина «Номер семнадцать ноль три».

Под рубрикой «У нас в гостях» напечатан рассказ Фазила Искандера «Защита Чика».

В разделе «Критика, публицистика и литературоведение» читатели встретятся с уже знакомыми им именами — Г. Бебутова, выступающего на этот раз со статьей «Второе рождение» — о жившем и умершем в Грузии писателе А. П. Сытине, и разысканиями Валентины Балаушвили, которые она уже много лет ведет в области русско-грузинских литературных связей, а в этом сборнике касающимися темы «Валерий Брюсов в Грузии».

АВТОР этого романа — грузинский прозаик Мирон Хергиани, рассказывая о наших молодых современниках, проследживает становление их характеров и в ходе этого стремится к разрешению нравственно-эстетических проблем, волнующих его героев, обуреваемых тревогами и надеждами.

Роман «Пусть облака остаются с тобой» — одно из первых произведений М. Хергиани. Переведенный Камиллой Коринтэли и изданный «Мерани» на русском языке (1978), он впервые знакомит русского читателя с творчеством грузинского писателя.

«СТИХИ»

ИХ АВТОР — хорошо известный в Грузии, но еще не знакомый русскому читателю поэт Гиви Дзиеладзе, автор 20 поэтических сборников. Выпущенная издательством «Мерани» (1978) книжка его стихов на русском языке в переводе А. Цыбулевского, Е. Николаевской, Д. Чкония, М. Кудимовой, М. Синельникова, В. Краско, Г. Онаняна, Е. Ильина и Н. Орловой — первая встреча Гиви Дзиеладзе с русским читателем. Думается, ему придется по душе чистый и искренний голос грузинского поэта с его доверительной и живой интонацией, привлечет мягкий и добрый взгляд на мир, его тонкий лиризм, пристальный интерес к нравственной стороне жизни нашего современника.

ДИСКУССИИ БЫЛИ ПОЛЕЗНЫ

В ИНСТИТУТЕ истории грузинской литературы имени Ш. Руставели в течение четырех дней проходила дискуссия на тему «Грузинское литературоведение и художественная критика в 1978 году».

С докладами выступили кандидаты филологических наук Т. Нуцубидзе, М. Антадзе, Ш. Саакадзе, Н. Андроникашвили, Л. Мепаришвили и другие, научные сотрудники института М. Лагидзе, М. Кочлавашвили, М. Кобиашвили...

Особое внимание выступавшие уделили творчеству маститых грузинских писателей, вопросам руствелологии, фольклора, грузино-русских и грузино-европейских литературных взаимосвязей, журналистики, теории литературы, актуальным проблемам современной критики.

В обсуждении этих и других важных проблем приняли участие академик А. Барамидзе, профессора А. Каландадзе, М. Дудучава, А. Цанава, М. Чиковани и другие.

Итоги дискуссии подвел директор Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели академик А. Барамидзе.

ВЕЧЕРА ПОЭЗИИ КАРЛО КАЛАДЗЕ

В КИЕВЕ прошли поэтические вечера известного грузинского поэта Карло Каладзе, приуроченные к выходу в свет на украинском языке сборника его стихов «Грузинские башни». Предисловие к этому изданию написал М. Бажан.

Встречи с поэтом прошли в Киевском государственном университете, в Информационном центре и Центральном кинолекториуме Украины.

О творчестве К. Каладзе, украинно-грузинских культурных и литературных взаимосвязях, переводах поэзии двух братских народов говорили М. Бажан, Л. Новиченко, С. Головановский, П. Воронько, О. Новицкий, Д. Павлычко, И. Драч, Б. Олейник, Р. Мишвеладзе и Р. Чилачава.

КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ

КНИЖНЫЙ магазин «Дружба» столицы Грузии провел декаду венгерской книги, посвященную 34-й годовщине освобождения Венгрии от немецко-фашистских захватчиков.

Признанием и любовью пользуется у советских людей литература братской страны.

На этот раз ведущие издательства Венгрии «Корвина», «Европа», «Академия», «Мора» и другие представили большую экспозицию, которая отличалась многообразием тематики, высоким уровнем полиграфии и оригинальным оформительским искусством.

Внимание посетителей привлекли произведения классиков венгерской и мировой литературы Ш. Петефи, Л. Толстого, А. Франса, Т. Драйзера, Э. Хемингуэя. Большой интерес вызвали альбомы по искусству, книги для детей и юношества, медицинская литература и другие.

ЗВУЧАТ СТИХИ АННЫ КАЛАНДАДЗЕ

В БОЛЬШОМ концертном зале Грузинской филармонии состоялись вечера поэзии выдающейся грузинской поэтессы Анны Каландадзе.

Вечер вступительным словом открыл главный редактор журнала «Литературная Грузия» критик Г. Асатиани.

В своей речи он особо подчеркнул духовную связь поэтессы с родным народом, с древней культурой Грузии. «Ее поэзия — это поэзия большой искренности, глубоких раздумий о жизни, обо всем том, чем живет наша страна», — сказал Г. Асатиани.

На вечере был также показан небольшой фильм, в котором поэтесса рассказала о себе, своем детстве, первых ли-

тературных опытах, встречах с читателями. Артисты голландских театров проинициативили Анны Каландадзе. Вечера также приняли участие Грузинская государственная капелла, ансамбль «Голубое трио», певица Э. Челидзе.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

С БОЛЬШИМ интересом встречают грузинские читатели книги, подготовленные Главной редакционной коллегией по делам художественного перевода и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии. По инициативе Министерства высшего и среднего специального образования республики, Центрального Комитета ЛКСМ Грузии, Союза студентов Тбилиси и Общества книголюбов Грузии в клубе студенческого городка состоялась встреча читателей с сокурсниками коллегии.

О ближайших планах, перспективах, структуре Главной редакционной коллегии рассказал ее председатель Отар Нодия. Были выслушаны выступления научных редакторов Н. Цвинария и Г. Челидзе о абхазско-грузинских и осетинско-грузинских литературных взаимосвязях.

Интерес вызвала выставка книг, изданных и подготовленных коллегией.

Во встрече приняли участие аспиранты из Канады, Вьетнама, Болгарии, Чехословакии.

БАРАНОВ Михаил Моисеевич. Род. в 1925 г. Окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры, архитектуры им. Репина. Искусствовед. Автор монографии о художнике В. Мешкове и статей о грузинских художниках.

БОГОМОЛОВ Игорь Семенович. Род. в 1932 г. Доктор филологических наук. Работает в основном в области русско-грузинских литературных взаимосвязей. Заведующий отделом литературных взаимосвязей Музея дружбы народов Академии наук Грузинской ССР. Автор многих научных трудов и монографий об Александре Чавчавадзе, Григоле Орбелиани, Я. Полонском, П. Антокольском, а также книг «Из истории грузино-русских литературных связей» (1 половина XIX века), «Чувство семьи единой» и др.

ГУРЕШИДЗЕ Нодар Варламович. Род. в 1927 г. Автор многих сборников книг, переводит на грузинский язык русских поэтов и поэтов братских республик. В 1977 году вышла в свет драматическая поэма венгерского поэта И. Мадача «Трагедия человека» в переводе Н. Гурешидзе. Оригинальные произведения Н. Гурешидзе не раз переводились на русский и украинский языки.

ИВАРДАВА Дилар Фомич. Род. в 1940 г. Окончил отделение журналистики Тбилисского государственного университета. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат премии комсомола Грузии.

КАРЧХАДЗЕ Джемал Юстинович. Род. в 1936 г. Окончил филологический факультет ТГУ. Печататься начал в 60-х годах. Автор рассказов, повестей.

КВИРКВЕЛИЯ Тенгиз Рафаэлович. Род. в 1929 г. Заслуженный архитектор Грузии, доктор архитектуры, профессор. Автор многих проектов, научных трудов, монографий об архитектуре Тбилиси и впервые созданных русско-грузинского и грузинского архитектурных толковых словарей.

МАЧАВАРИАНИ Мухран Иванович. Род. в 1929 г. Закончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Редактор журнала «Дила». Печататься начал с 1952 года. Автор многих поэтических сборников. Стихи М. Мачавариани печатаются на языках народов СССР и за рубежом.

РАСПОРКИН Федор Павлович. Род. в 1923 г. Кандидат исторических наук. Во время Великой Отечественной войны сражался в рядах 2-й

гвардейской армии под командованием Чанчибадзе. Награжден орденами и медалями. Печататься начал в 60-х годах. Автор рассказов и повестей на военную тему и о современности.

ЧАНТУРИЯ Тариэл Прокофьевич. Род. в 1932 г. Окончил Тбилисский государственный университет. Редактор отдела критики и публицистики республиканского молодежного журнала «Цискари», Автор целого ряда сборников стихов на грузинском языке — «Сажанела» («Качели»), «Орни» («Двос»), «Ахали мтварე»

(«Новолунне»), «Дасаერუმი» («Окончание»), «Тапლობე საუკუნე» («Медовый век») 1935040
30200000000

ЧИЛАДЗЕ Тамаз Иванович. Род. в 1931 г. Окончил филологический факультет Тбилисского университета. Печатается с 1951 года. Автор множества поэтических сборников. С 1960 года выступает как прозаик и драматург.

ШОШИН Владислав Андреевич. Род. в 1930 г. Русский поэт, литературовед. Автор ряда поэтических сборников и монографий о творчестве Н. Тихонова, А. Прокофьева и др.

„ლიტერატურული მხატვრული და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)“

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)

გამოდის 1957 წლის იანვრიდან. № 4 აპრილი 1979 წ.

Сдано в набор 5 апреля 1979 г. Подписано к печати 10 мая 1979 года. 5 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.

Заказ 1063

Тираж 7.000

УЭ 01521

40 коп

ИНДЕКС 1693751
802 5106737